Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: НАСЛЕДИЕ ПОБЕДЫ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Сборник тезисов докладов по материалам
4.1 Саратовского юридического форума
(г. Саратов, 5–6, 18–20 июня 2025 г.)

Саратов
2025

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2025

ISBN 978-5-7924-2237-7

УДК 34(063)
ББК 67.0я43
С56

Составители:
д-р юрид. наук, доц. *Е.Н. Абанина*; д-р филол. наук, проф. *О.Ю. Авдевнина*;
д-р юрид. наук, проф. *А.Г. Блинов*; д-р юрид. наук, проф. *Т.В. Заметина*;
канд. филол. наук, доц. *А.Л. Игнаткина*; д-р юрид. наук, проф. *О.В. Исаенкова*;
канд. юрид. наук, доц. *Д.В. Красиков*; канд. юрид. наук *К.С. Кротов*;
д-р юрид. наук, проф. *Н.С. Манова*; д-р юрид. наук, проф. *Е.В. Покачалова*;
канд. юрид. наук, доц. *Ю.С. Сергеенко*; д-р юрид. наук, доц. *С.Ж. Соловых*;
д-р юрид. наук, проф. *С.Н. Туманов*; д-р юрид. наук, проф. *С.Е. Чаннов*;
д-р юрид. наук, проф. *Л.Г. Шапиро*

Ответственный редактор:
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе
Саратовской государственной юридической академии *С.А. Белоусов*

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
административного и уголовного права Поволжского института управления
имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
при Президенте РФ *Э.Г. Липатов*;
доктор юридических наук, профессор, директор
Саратовского филиала Института государства и права
Российской академии наук *А.Ю. Соколов*

Рекомендован Советом по науке
Саратовской государственной юридической академии

С56 **Современная правовая система России: наследие Победы и взгляд в будущее** : сборник тезисов докладов по материалам 4.1 Саратовского юридического форума (г. Саратов, 5–6, 18–20 июня 2025 г.) / [сост.: Е.Н. Абанина, О.Ю. Авдевнина, А.Г. Блинов и др. ; отв. ред. С.А. Белоусов] ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2025. – 1 CD-ROM. – Текст. Изображения : электронные.

ISBN 978-5-7924-2237-7

Сборник содержит тезисы докладов участников 4.1 Саратовского юридического форума «Современная правовая система России: наследие Победы и взгляд в будущее», организованного Саратовской государственной юридической академией.

Прошедший 5–6 и 18–20 июня 2025 г. форум объединил более 800 исследователей из 53 регионов России и 9 зарубежных стран. Участники представили доклады на 33 площадках, обменялись опытом, научно-исследовательскими наработками, знаниями в области права и смежных сферах. Форум проводился при поддержке Ассоциации юристов России, Российского общества «Знание».

Предназначен для научных и практических работников, преподавателей, докторантов, аспирантов и обучающихся юридических вузов.

Издается в авторской редакции.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования: процессор: Intel x86, x64, AMD x86, x64 не менее 1 ГГц; оперативная память RAM ОЗУ: не менее 512 Мбайт; свободное место на жестком диске (HDD): не менее 10 Мбайт; операционная система: Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM; мышь.

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абалдуев В.А.
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
И НОВЫЙ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ 10

Абдурахманов Ф.И.
РУССКИЙ ЯЗЫК В УЗБЕКИСТАНЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ). 16

Агаронян Э.А.
К ВОПРОСУ О СУДЕЙСКОМ УСМОТРЕНИИ 20

Арзуманян А.Э.
АВТОМАТИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ РЕЧИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ
С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. 24

Артамонова Е.А.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОКУРОРА
С УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 29

Архангельская Е.В.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ». 36

Асадуллин М.Р.
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ОРГАНИЗАТОРА
НА СИМВОЛИКУ СПОРТИВНОГО МЕРОПРИЯТИЯ. 40

Базылев В.Н.
ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ВИДОВ ГУМАНИТАРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 44

Белоусова Д.С.
ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ СРЕДСТВАМИ
ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА 48

Бичехвост А.Ф.
СОЗДАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
ПРОЦЕССОМ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН (1944–1946). . . . 55

Блинова О.Г.
СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ
ПРАВОСУДНОГО ПРИГОВОРА. 63

Брояка Ю.В., Лядащева-Ильичева М.Н.
ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ГУСТАВА РАДБРУХА
КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУДЕБНЫХ АКТОВ 67

Быстряков Е.Н., Усанов И.В.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНВЕЙЕР:
НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПС
(ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) 71

Васильев А.А.
ПРАВДА И ЛОЖЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 76

Васильева А.С.
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕЗУЛЬТАТОВ,
СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 81

Воронцова Е.В.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА
НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕХАНИЗМЫ
ЕГО ЗАЩИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. 85

Воронцова Е.В.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ 89

Ворошилова С.В.
ПРАВОВАЯ ОХРАНА МАТЕРИНСТВА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 93

Вяткин А.Н.
МОДЕЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СТАДИИ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ЗАГРЯЗНЕНИИ ПРИРОДЫ 98

Галкин М.А.
СУБЪЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ. 103

Гомозова О.Ю.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД
В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ
НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ. 108

Грицианова К.П.
ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ
КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ СЛУЧАЕВ МОШЕННИЧЕСТВА 113

Давыдова Н.Н.
СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО ЦИФРОВИЗАЦИИ. 118

Елистратова В.В.
ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 122

Ересько П.В., Верхотуров Д.С.
ВЫЗОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ КРИПТОВАЛЮТ
И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ФИНАНСОВ (DEFI)
В ЭКОНОМИКЕ МЕТАВСЕЛЕННЫХ. 127

Ермолаева Ю.В.
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ НА СТРАЖЕ СОХРАНЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ 133

Жужгина А.А.
КОМПЬЮТЕРНОЕ ЗРЕНИЕ
КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА:
ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
ОХРАНЫ ТРУДА. 137

Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю.
ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА В ОТНОШЕНИИ ОБЪЕКТОВ ПРАВА,
СГЕНЕРИРОВАННЫХ НЕЙРОННЫМИ СЕТЯМИ. 143

Зуев С.В.
ТЕХНИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ
КАК «ОКНО» В СОВРЕМЕННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ
УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ 148

Исаенкова О.В.
ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ. 154

Кирдина Н.А., Петрова Г.Б.
ПРЕДЕЛЫ РАЗУМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ. 158

Коновалов И.Н.
ПРЕПОДАВАТЕЛИ, СОТРУДНИКИ И СТУДЕНТЫ
САРАТОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945). 163

Коновалов Р.Р.
ЭВОЛЮЦИЯ СТАНДАРТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ
В РАМКАХ ДЕЛ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) 169

Корзун А.В.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
«СКАЗКИ О ЗАПРЕТНОЙ ЛЮБВИ» АЛЕКСАНДРА КАНА. 173

Королев П.А.
ПРИЧИНЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ) 178

Костоев Х.М.
ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ 181

Костылева Е.Д.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ВЫЗОВОВ. 186

Крайнов А.В.
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ 190

Курышев Е.Ю.
ИННОВАЦИИ В ПРАВЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ПОРЯДКА. 194

Лавнов М.А.
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
В УСЛОВИЯХ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПАРАДИГМЫ:
ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ 199

Лазарева О.В.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА. 204

Лапина И.А.
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ
И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ 208

Лапшин В.Е.
ПОСОБИЕ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ ПОД ОБЛОЖКОЙ РОМАНА
В.О. БОГОМОЛОВА «МОМЕНТ ИСТИНЫ» 214

Манова Н.С.
ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
МОДНЫЙ ТРЕНД ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?. 219

Маркунин Р.С.
МЕСТО И РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ПРОЦЕССЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ОБЩЕСТВЕ 224

Мильшин Ю.Н.
УГРОЗЫ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ..... 228

Набатов М.Б.
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ
К УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ
В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ..... 232

Неижкаша И.С.
РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
С ОСОБЫМ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ..... 236

Никитин А.А.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ОБЩЕСТВЕ..... 242

Овчинникова Н.О.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 246

Омельянюк Г.Г., Усов А.И.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ 251

Осипов Р.А.
РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ..... 257

Переплетчикова А.И., Марцинкевич В.В.
ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕФИНИЦИЯ
КАК КОМПОНЕНТ ОСНОВЫ ПРАВОПОРЯДКА..... 261

Перетятько Н.М., Федюнин А.Е.
НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ
ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ,
ОТКРЫТОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ 266

Пискунова О.В.
ПРАВОПОРЯДОК КАК РЕЗУЛЬТАТ
РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРАВОВЫХ НОРМ..... 271

Погодин М.А.
К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ УСТРАНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛА ПРИ ОШИБОЧНОМ ПРИНЯТИИ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ К ПРОИЗВОДСТВУ 274

Полуда О.Н.
ПОРАЖЕНИЕ В ПРАВАХ КАК МЕРА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 279

Ракитина Л.Н.
ЭЛЕКТРОННОЕ СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 285

Рахмаджонзода Р.Р.
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА УЧЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН 290

Седова Г.И.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА 294

Сирик Н.В.
ИННОВАЦИИ В ТУРИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 298

Смирнова И.Г.
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РИСКОЛОГИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РИСКОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 303

Соловьев В.Ю.
К ИСТОРИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 308

Сосновикова А.М.
ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАВИАТУРНОГО ПОЧЕРКА: ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ 315

Спесивов Н.В.
СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 319

Суворова Н.С.
ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 324

Судоргина И.Н.
СИСТЕМА ГОСПИТАЛЕЙ САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 328

Тарасова Е.Ю.
НОВЫЙ ФОРМАТ ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ШИРОКОМ ВНЕДРЕНИИ ТЕХНОЛОГИЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 334

Туманов С.Н.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 338

Чайковский Д.С.
АВТОРСТВО И ПРАВА НА КОНТЕНТ,
СОЗДАННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ 342

Чурикова А.Ю.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛОКЧЕЙНА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ТРАНСПАРЕНТНОСТИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 347

Чхутиашвили Л.В.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ SMART-КОНТРОЛЯ
КАК ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 352

Шецко Л.М.
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА
И АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
В ВУЗАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 356

Абалдуев Владимир Александрович,
профессор кафедры трудового права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА И НОВЫЙ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

Статья посвящена вопросам противодействия подмене трудовых отношений сделками гражданско-правового характера. Эта практика получила массовое распространение в связи с легализацией в России статуса самозанятых граждан, труд которых под видом имущественной услуги используется недобросовестными работодателями. Налоговой службой и судами сформулирован ряд признаков, позволяющих идентифицировать трудовые отношения, в том числе в договорах с самозанятыми лицами. Этими признаками законодатель предлагает дополнить ст. 15 ТК РФ. Данный проект вызывает замечания. В статье мотивирован иной подход к решению исследуемого вопроса.

Ключевые слова: *трудовое отношение, работодатели, гражданско-правовые договоры, ФНС, судебная практика, законопроект, Трудовой кодекс РФ.*

Проектом федерального закона (ID проекта: 156662 (далее – законопроект № 156662) «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» [1], публичное обсуждение которого проходило в мае 2025 г., предлагается дополнить понимание трудового отношения практическими обстоятельствами, которые суд общей юрисдикции считает признаками трудового правоотношения, предусмотрев их в ч. 2 и 3 ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). Это нововведение имеет целью повысить эффективность судебной и государственно-надзорной практики, призванной устанавливать истинную правовую природу отношений сторон при выполнении работ или оказании услуг.

Критически оценивая идею законодателя с точки зрения ее продуманности, заметим, что она не отвечает на три принципиальных вопроса:

- следует ли в нормах ТК РФ размывать классическое понимание трудового правоотношения, дополняя его некими признаками,

которые не бесспорны и не достаточно конкретны и редакционно не соответствуют уровню закона; они не получили никакого научного анализа на предмет целесообразности внесения закон;

- дополняют ли они законодательное понимание трудового отношения;
- не окажет ли это негативного влияния в целом на практику самозанятости из-за уклона в пользу признания отношений трудовыми. Такого рода опасения высказывались в литературе [2, с. 43].

Стремление судебной и контрольной практики к конкретизации признаков трудового правоотношения существовало в практике разграничения трудовых и гражданско-правовых договоров изначально [3], оно актуализировалось в обстоятельствах подмены трудовых отношений гражданско-правовыми при применении труда самозанятых граждан.

Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [4] изначально пытался предупредить использование труда самозанятых граждан в фактически трудовых отношениях. Для этого в закон включен п. 8 ч. 2 ст. 6, согласно которому объектом налога на профессиональный доход (далее – НПД) не признаются доходы от оказания (выполнения) физическими лицами услуг (работ) по гражданско-правовым договорам при условии, что заказчиками таких услуг (работ) выступают работодатели указанных физических лиц или лица, бывшие их работодателями менее двух лет назад.

Это не дало ожидаемого результата. Коммерческие организации быстро нашли способ обойти это условие. Они начали привлекать своих бывших работников к труду фактически на прежних условиях, но в статусе самозанятых через посредников (ИП или ООО), специально создаваемые для этих целей. Такая схема формально сохраняет право самозанятых на применение НПД и незаконно «оптимизирует» расходы организации, заказчика работ.

Поскольку сложившаяся ситуация негативно отражается на публично-правовых интересах бюджетной системы и фондов социального страхования, эти вопросы находятся в центре внимания Федеральной налоговой службы и активно решаются арбитражными судами. В рамках контрольной деятельности ФНС сформулировано около 20 организационных и имущественных критериев, которые используются для разграничения трудовых и гражданских

правоотношений при оценке деятельности организаций и ИП, в том числе и при оценке договоров с самозанятыми лицами. Эти критерии приведены в Информационном письме ФНС России, опубликованном на сайте https://www.nalog.gov.ru по состоянию на 17 июля 2024 г., в письме ФНС от 16 сентября 2021 г. № АБ-4-20/13183@, Письме ФНС России от 11 ноября 2024 г. № АБ-4-20/12835@.

Обстоятельства, указывающие на наличие трудовых отношений сформулированы и в актуальных решениях арбитражных судов. Например, в постановлениях: Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 марта 2024 г. № Ф01-463/2024, Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2024 г. № 18АП-4533/2024, АС Поволжского округа от 10 июля 2024 г. по делу № А57-10956/2023, АС Центрального округа от 24 января 2025 г. по делу № А54-1195/2023 и других.

Налоговая юрисдикция и арбитражное правосудие решают финансовые вопросы, они не ориентированы на защиту трудовых прав граждан, которые, как правило, вынужденно соглашаются на незаконный труд по гражданскому договору, теперь и в статусе самозанятых. Подготовленный Министерством труда РФ проект закона № 156662, очевидно, призван юридически защитить социально-трудовые права граждан, работающих по таким договорам.

Однако предлагаемые проектом дополнения ст. 15 ТК РФ вряд ли смогут повлиять на существующее положение дел. Как отмечено выше, проект не имеет теоретической проработанности. На счет него есть более прагматичные возражения.

Предлагаемые авторами проекта признаки трудового правоотношения не являются новыми, они буквально воспроизводят разъяснения п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» (далее – Постановление № 15). Эти формулировки существуют семь лет и за это время объективно не оказали заметного воздействия на решения судов по данной категории дел.

Использование текста Постановления № 15 не оправдано и по формальным соображениям:

- во-первых, это полная неопределенность самих «разъяснений», требующая уточнения и расшифровки (что, например, следу-

ет понимать под «устойчивым и стабильным характером отношений»? почему гражданско-правовые отношения с самозанятыми гражданами не могут быть стабильными? что означают «зависимость труда» и как ее практически оценивать? что такое «интегрированность работника (т.е. лицо уже признали работником) в организационную структуру работодателя»?). В этом смысле вряд ли можно согласиться с мнением, что Постановление № 15 является надежной основой установления факта «субординированного, несамостоятельного труда» [5, с. 112–113];

- во-вторых, законопроект предлагает указать в ТК РФ обстоятельства, которые и сейчас являются безусловными признаками трудового правоотношения («подчиненность труда, наличие дополнительных гарантий работнику, установленных трудовым законодательством, выполнение работы в соответствии с указаниями работодателя, признание работодателем прав работника на еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск и другие»).

Общий вывод: предлагаемое нововведение не имеет научного обоснования, проектируемые признаки не обладают нужной степенью точности, ясности для законодательного закрепления, они, по сути, лишь повторяют признаки трудового правоотношения, определенные законом. Принятие проекта № 156662 вряд ли оптимизирует деятельность по идентификации трудовых правоотношений[1].

[1] В связи с обсуждаемым проектом № 156662 также считаем необходимым критически оценить признаки нарушения трудового законодательства при использовании работодателями договорных отношений с самозанятыми гражданами, которые нормативно закреплены в приказе Минтруда России от 28 ноября 2024 г. № 640н «О внесении изменений в перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 838н».

В качестве индикатора риска Минтруд России предусматривает поступление в надзорный орган информации об организации (ИП), взаимодействующих более чем с 35 самозанятыми гражданами со среднемесячным доходом от указанной организации (ИП) в размере более 35 тысяч рублей, у которых средняя продолжительность работы с данной организацией (ИП) составляет более трех месяцев, при условии, что для этих самозанятых доля дохода от организации (ИП) составляет 90 процентов и более.

Такие численные критерии не имеют разумного объяснения (почему – 35 самозанятых, а не 25? почему более 35, а не 50 тысяч рублей? почему более трех, а не более одного месяца?). Кроме того, они носят формальный

Столь же спорными и неопределенными являются признаки разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, приведенные в приказе Минтруда России от 28 ноября 2024 г. № 640н [6].

Более верным и юридически корректным считаю иной подход к решению рассматриваемой проблемы. В этих целях следует изучить, оценить, должным образом систематизировать практические примеры актуальной практики ФНС, арбитражных судов, судов общей юрисдикции, позволяющие им устанавливать и мотивировать факт трудового отношения. Эти обстоятельства в единообразном редакционном исполнении следует зафиксировать в специальном приказе Минтруда России. Изложение таких признаков в Постановлении ВС РФ не является целесообразным.

Список источников

1. Проект федерального закона (ID156662) «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156662# (дата обращения: 01.06.2025).

2. *Сапфирова А.А.* Правовое регулирование самозанятости и работы на платформах в условиях цифровой экономики: трудовой и (или) гражданско-правовой аспекты? // Гражданское право. 2021. № 5. С. 41–45.

3. Циркуляр Наркомюста РСФСР № 72, НКТ РСФСР № 916 от 30 июня 1924 г. «О борьбе с обходом законодательства о труде» // Известия НКТ СССР. 1924. № 25–26.

4. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (в ред. от 29 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7494.

5. *Черных Н.В.* Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 104–113.

характер и никак не связаны с наличием или отсутствие указанных выше признаков трудового правоотношения.

Считаем, что для целей надзорной практики в сфере труда параметры риска должны быть также определены с учетом общих нормативно определенных и (или) выработанных практикой ФНС, арбитражных судов критериев разграничения договорных отношений.

6. Приказ Минтруда РФ от 28 ноября 2024 г. № 640н «О внесении изменений в перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата опубликования: 26.12.2024).

Абдурахманов Фахриддин Исраилович,
профессор кафедры русского языка и методики преподавания (УзГУМЯ), доктор филологических наук

РУССКИЙ ЯЗЫК В УЗБЕКИСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматривается социолингвистический аспект русского языка в Узбекистане, охватывающий его историческое развитие, современное функционирование и влияние на межэтническое общение. Особое внимание уделяется его роли в образовательной, научной и культурной сферах, а также его статусу в условиях усиления позиций узбекского языка. Анализируются процессы адаптации русского языка в многоязычной среде, его восприятие среди различных социальных групп и перспективы дальнейшего использования.

Ключевые слова: *социолингвистика, русский язык, Узбекистан, межэтническое общение, культурные связи, образование, языковая политика, историческое развитие.*

Русский язык занимает особое место в современном мире. Будучи одним из самых распространенных языков, он играет ключевую роль в международном общении, а также в научной, технической, культурной и бизнес-сферах.

Кроме того, русский язык входит в число шести официальных языков ООН, ОДКБ, ЕврАзЭС, БРИКС и других международных организаций, что подчеркивает его значимость на глобальном уровне.

Президент Шавкат Мирзиеев отметил, что русская культура остается неотъемлемой частью духовной жизни узбекского общества, а развитие сотрудничества в сфере образования способствует укреплению культурных связей, повышению квалификации педагогов и общему росту уровня образования. Это, в свою очередь, положительно влияет на подготовку кадров и социально-экономическое развитие страны.

История русского языка в Узбекистане начинается с 1850 г., когда Российская империя активно осваивала Центральную Азию, что привело к тому, что русский язык стал важным средством общения между этническими группами, а также инструментом административного управления. Русский язык закрепился как средство управления и администрирования, внедрялся в официаль-

ные документы и образовательные институты, благодаря чему многие узбеки и представители других этнических групп начали его изучать, что оказало существенное влияние на межэтнические отношения и культурный обмен, сделав язык своего рода мостом между народами региона. Период колонизации усилил ассоциацию русского языка с властью, предоставив его изучающим доступ к новой информации и социальным возможностям, а его проникновение в повседневную жизнь заложило основу для устойчивого русско-узбекского билингвизма. С установлением советской власти в 1924 г. русский язык занял центральное место в общественной жизни, став основным языком межнационального общения, науки, образования и культуры; как отмечает Н.А. Мустафаева, «ускоренное распространение русского языка в 1920–1930-х гг., обусловленное культурно-просветительскими, экономическими и социально-политическими преобразованиями, нашло отражение в преобладающем преподавании на нем в школах и университетах» [1], несмотря на параллельное развитие узбекской культуры, что способствовало его доминированию в политике и экономике. Советская политика поощрения изучения языка и активная миграция русского населения еще более укрепили его позиции как языка межнационального общения и основного средства обучения в образовательных учреждениях. После обретения независимости в 1991 г., несмотря на возникновение новых задач, связанных с построением национальной идентичности, русский язык продолжает оставаться важным средством общения в многонациональном обществе, хотя его статус претерпевал изменения: «Закон «О государственном языке Республики Узбекистан» от 21 октября 1989 г. В нем узбекский язык объявлялся государственным, а русский – языком межнационального общения; Закон «О государственном языке Республики Узбекистан» от 21 декабря 1995 г.

В статье 1 этого закона говорилось: «На территории Республики Узбекистан обеспечивается развитие и свободное пользование русским языком как языком межнационального общения народов СССР».

В действующей редакции 2016 г. закона «О государственном языке Республики Узбекистан» русский язык не имеет официального статуса межнационального языка общения. Однако употребление русского языка упоминается, например, в статье 12, которая предусматривает, что по требованию граждан текст

оформленного документа нотариусом или лицом, исполняющим нотариальные действия, выдается на русском языке. Также в законе есть оговорки, позволяющие гражданам, не владеющим государственным (узбекским) языком, обращаться в органы власти, судебные органы «на родном языке или другом языке, который они знают» [2, с. 10].

Вступив в эру независимости, Узбекистан начал активно развивать узбекский язык как государственный, что отразилось на языковой политике страны и привело к тому, что многие школы и университеты перешли на узбекский язык обучения, сокращая число учреждений, работающих на русском языке. Несмотря на это, русский язык продолжил оставаться языком межнационального общения и сохраняет свое значение в таких сферах, как образование (около 1 000 из 10 000 школ с русским языком обучения, что составляет 10 %), бизнес и СМИ, поскольку остается востребованным для доступа к глобальной информации и международному диалогу. В национальных школах и вузах, преподается как второй иностранный язык, а его владение остается актуальным для молодежи, что делает русский язык важным инструментом культурного обмена и межнационального взаимодействия.

Русский язык в Узбекистане остается важным аспектом культурной идентичности и межнационального общения, несмотря на изменения в политическом и социальном контексте, его роль продолжает адаптироваться к современным реалиям и остается востребованным в различных сферах жизни. Как отмечает Ю.Н. Цыряпкина, «Русский язык стал самовоспроизводимым, «местным» продуктом в Узбекистане», что подчеркивает его неотъемлемую связь с культурой и искусством советского и постсоветского периодов, выступая визитной карточкой страны за ее пределами» [3].

В Узбекистане функционируют филиалы таких престижных вузов, как Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова, РХТУ им. Менделеева, а также отделения Московских и других российских высших учебных заведений. В стране насчитывается около 15 филиалов российских вузов, которые охватывают направления от экономики и гуманитарных наук до инженерного дела и технологии. Эти образовательные стандарты не только обеспечивают доступ к качественному российскому образованию для студентов из Узбекистана, но и служат важным инструментом интеграции,

укрепляя сотрудничество между образовательными системами двух стран и способствуя развитию совместных научных и культурных проектов.

В многонациональном обществе, таком как Узбекистан, вопросы идентичности и важность активной поддержки языкового многообразия возникают из-за исторического сосуществования и взаимодействия многих этнических групп, каждый из которых сохраняет свою культуру и язык.

Это многообразие языков, где наряду с узбекским активно используется русский, таджикский, каракалпакский, казахский и другие языки, создает сложную языковую экосистему, которая играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности. Поддержка и развитие всех составляющих языковой палитры необходимы для укрепления межкультурного диалога, обеспечения равного доступа к образовательным и социально-экономическим ресурсам, а также для сохранения культурного наследия в условиях глобализации и конкуренции доминирующих языков.

Для Узбекистана крайне важно развивать государственный узбекский язык, а также поддерживать и развивать другие, в том числе иностранные, языки. Такой комплексный подход расширяет доступ к глобальной информации, стимулирует международное общение и межкультурный диалог, а также укрепляет национальную идентичность и социальное единство. Это в свою очередь способствует взаимопониманию между представителями различных этнических групп и становится фундаментом для стабильного экономического роста и развития страны.

Список источников

1. *Мустафаева Н.*А. Русский язык в школах советского Узбекистана (30–80-е гг. XX века) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 194–207.

2. *Жаркынбаева Р.С., Волкова О.А.* Русский язык в нормативно-правовом и социокультурном пространстве современных государств Центральной Азии // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2017. № 24 (273). С. 27–35.

3. *Цыряпкина Ю.Н.* Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2015. № 3 (9). С. 18–28.

Агаронян Эдмон Амаякович,
аспирант кафедры гражданского процесса
(Саратовская государственная юридическая академия)

К ВОПРОСУ О СУДЕЙСКОМ УСМОТРЕНИИ

Статья посвящена анализу сущности и процессуального назначения судейского усмотрения в гражданском судопроизводстве. Автором исследуется вопрос о возможности выделения судейского усмотрения в качестве элемента механизма, определяющего содержательную основу выносимого судебного постановления по гражданским делам. Сделан вывод о том, что усмотрение суда, формируемое на стадии судебного разбирательства по гражданскому делу, оказывает значительное влияние на принимаемое по существу итоговое судебное постановление, предопределяя процессуальные права и обязанности участвующих в деле лиц.

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, судебные постановления по гражданским делам, судейское усмотрение.*

Проблема правильного определения в гражданской процессуальной науке сущности и назначения института судейского усмотрения объясняется его многогранностью, теоретической дискуссионностью, а также важностью его практического применения. Объективное, четкое и полное исследование усмотрения суда при принятии им в ходе разбирательства по гражданским делам конкретных постановлений позволит реально оценить процессуальную активность суда в процессе реализации правосудной функции, выявив при этом его отношение к принимаемым судебным актам.

В науке гражданского процесса высказаны различные точки зрения относительно сущности и значения института судейского усмотрения.

Многие ученые-процессуалисты, исследующие судейское усмотрение в гражданском судопроизводстве, определяют судейское усмотрение в качестве определенного интеллектуально-эмоционального индикатора. С точки зрения Д.Б. Абушенко, усмотрение суда (главным образом, определяемая в качестве мыслительной деятельности судьи) возможно выделить, принимая во внимание его внутреннее убеждение, основанное на «внутренних ценностных установках, а в случаях, предусмотренных законодателем,

на исходных принципах разрешения споров либо исходя из определенных приоритетных начал» [1, с. 144]. Под внутренним убеждением в науке понимается «сформированная на основе конкретных доказательств по делу беспристрастная правовая позиция судьи относительно фактических обстоятельств дела» при условии необходимости выделения рамок усмотрения [2, с. 42–43]. С позиции С.Г. Шевцова, усмотрение суда основано на субъективном восприятии им обстоятельств гражданского дела, а также толковании норм права [3, с. 2]. Вместе с тем усмотрение (в частности, при принятии постановлений по гражданским делам) по определению не может не быть основано на внутреннем понимании судом обстоятельств дела, а также и подлежащих к применению в деле правовых норм. При этом важно понимать, что применяемое судом усмотрение выступает в качестве специфического полномочия, реализуемого им в ходе определения юридически значимых обстоятельств по конкретному гражданскому делу. Аналогичную позицию поддерживает Е.М. Кобзаренко, определяющая усмотрение в качестве «исключительного полномочия суда по выбору наиболее приемлемого законного варианта решения по делу при оценке представленных сторонами доказательств» [4, с. 221].

Существует и позиция, основанная на исходном положении о том, что усмотрение суда есть правоприменительная деятельность. К примеру, такого мнения придерживается О.А. Папкова, полагающая, что судебная дискреция в гражданском процессе реализуется в ходе практического применения судами норм права посредством юридического анализа обстоятельств конкретного дела, а также толкования правовых норм [5, с. 76]. Как полагает Н.Н. Тарусина, судейское усмотрение может рассматриваться в качестве «предусмотренной правовыми нормами творческой мотивированной деятельности суда по выбору решения правового вопроса – в пределах общих начал законодательства и правоприменения [6, с. 3]. Согласно справедливому утверждению Л.Н. Берг, судебное усмотрение есть элемент судебной правоприменительной деятельности, заключающийся в выборе мотивированного, законного и обоснованного решения, совершаемого уполномоченным субъектом (судьей) по конкретному юридическому делу в пределах, установленных нормой права [7, с. 10]. Такая постановка вопроса не может вызывать каких-либо серьезных возражений, поскольку вся процессуальная деятельность суда (вплоть

до принятия постановления по рассматриваемому гражданскому делу) осуществляется в условиях выбора и применения соответствующих норм права. При этом важно, чтобы в процессе рассмотрения и разрешения по существу конкретного гражданского дела суд руководствовался общими целями и задачами действующего законодательства, принципами права, четко понимая при этом мысли, преследуемые и изложенные законодателем в текстах соответствующих нормативных актов, а также учитывая все обстоятельства по делу. Для этого важно толкование права, которое невозможно без учета мыслей, нашедших себе выражение в самих нормах [8, с. 50].

Именно благодаря усмотрению суд способен реализовать в рамках действующего законодательства соответствующие полномочия, необходимость которых обоснована конкретными обстоятельствами дела. Например, речь может идти о возможности применения усмотрения в ходе вынесения соответствующих промежуточных судебных постановлений (определений) по вопросам исследования доказательств (в частности, представления дополнительных доказательств). То есть усмотрение никак не может быть обозначено в качестве некой инициативы суда, но при этом оно вполне четко исходит из норм действующего закона, а также интеллектуально-эмоционального состояния судьи, способствующего правильному и своевременному разрешению гражданского дела по существу вынесением соответствующего законного и обоснованного постановления. Будучи сформированным определенными объективными факторами, усмотрение преследует цель разрешить некоторые спорные вопросы, возникающие в ходе применения правовых норм в гражданском процессе, и тем самым укрепляет доверие граждан к судебной власти.

Как видится, судейское усмотрение есть элемент специального механизма, определяющего содержательную основу принимаемых судебных постановлений в гражданском судопроизводстве. Формируемое на стадии судебного разбирательства по гражданскому делу, судебное усмотрение предопределяет законность и обоснованность выносимого акта, выражая степень процессуальной активности суда в осуществлении гражданского судопроизводства посредством установления прав (закрепления обязанностей) лиц, участвующих в деле.

Список источников

1. *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма. 2002. 176 с.

2. *Оносов Ю.М., Бородайлюк М.А.* О судебном усмотрении при оценке судом доказательств по гражданскому делу // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 40–46.

3. *Шевцов С.Г.* Усмотрение и убеждение в правоприменении // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 12. С. 2–3.

4. *Кобзаренко Е.М.* Ограничение судейского усмотрения как средство повышения эффективности правосудия по гражданским делам // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию СЮИ–СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2020. С. 219–223.

5. *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М.: Статут. 2005. 442 с.

6. *Тарусина Н.Н.* Проблемы усмотрения по гражданским делам: учеб.-метод. рекоменд. Ярославль: ЯрГу, 2012. 48 с.

7. *Берг Л.Н.* Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.

8. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: учеб. пособие. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. Т. 2. 678 с.

Арзуманян Арам Эдвардович,
начальник уголовно-судебного управления прокуратуры Саратовской области, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия), кандидат юридических наук

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ РЕЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье анализируются возможности ИИ-ассистентов в обработке данных, генерации структурированных текстов и рекомендаций. Рассматриваются риски применения систем искусственного интеллекта, связанные с предвзятостью и техническими ограничениями. Отмечается, что полная автоматизация может привести к утрате профессиональных навыков у прокуроров. Подчеркивается необходимость разработки нормативных механизмов и сохранения роли человека как эксперта при внедрении технологий искусственного интеллекта. Сделан вывод о важности взвешенного подхода к автоматизации, обеспечивающего повышение эффективности без ущерба для справедливости и законности.

Ключевые слова: *уголовный процесс, искусственный интеллект, ИИ-ассистент, поддержание обвинения, уголовное преследование, государственное обвинение, прокурор, органы прокуратуры.*

Профессиональные участники уголовного процесса сталкиваются с возрастающими вызовами, обусловленными как усложнением самой природы преступности, вызванным активным развитием цифровых технологий, так и перманентно высокой нагрузкой. Прокуроры, выполняющие обязанности по поддержанию государственного обвинения, должны осуществлять тщательную подготовку к участию в судебном разбирательстве. Ключевым элементом подготовки является формирование убедительной, логически выверенной и юридически грамотной обвинительной речи, в которой объективно изложена доказательственная база и последовательно аргументирована позиция обвинения, что в конечном счете должно способствовать вынесению законного и обоснованного приговора.

Традиционный процесс разработки такой речи характеризуется значительной трудоемкостью и включает в себя рутинные, но критически важные этапы: скрупулезный анализ материалов

уголовного дела, систематизацию и оценку относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, поиск и анализ релевантной судебной практики, выстраивание последовательной аргументации и контраргументации, а также финальное структурирование и стилистическое оформление текста. Эти задачи, выполняемые преимущественно вручную, отнимают львиную долю времени государственного обвинителя, создавая риски субъективных ошибок, непоследовательности аргументации и снижая в конечном счете общее качество поддержания государственного обвинения в условиях ограниченных ресурсов и жестких процессуальных сроков.

Активное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), особенно в области обработки естественного языка и анализа данных, открывает принципиально новые возможности для оптимизации указанных процессов. Широкие возможности использования ИИ в правоохранительной и судебной деятельности отмечались Президентом РФ [1], Генеральным прокурором РФ [2] и Председателем Верховного Суда РФ [3]. 22 марта 2024 г. Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов утвердил План по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024–2026 гг. [4] (далее – План по внедрению ИИ). Одной из задач, поставленных в данном плане, является изучение возможных направлений и перспектив использования современных информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, при поддержании государственного обвинения (п. 7).

Учитывая положение п. 7 Плана по внедрению ИИ, а также точки зрения ученых о возможностях и рисках использования искусственного интеллекта в уголовном процессе, в том числе в деятельности прокуроров [5, с. 23–25; 6, с. 50–51; 7, с. 707–708], полагаем, что автоматизация подготовки речи государственного обвинителя с помощью ИИ является одним из перспективных направлений повышения эффективности, качества и стандартизации работы органов прокуратуры.

Потенциал ИИ-инструментов заключается в способности данных программных продуктов к быстрой обработке и семантическому анализу гигантских массивов текстовой информации, автоматическому выявлению ключевых сущностей и взаимосвязей в материалах дела, интеллектуальному поиску и анализу прецедентов, ге-

нерации структурированных черновиков речи и предварительной оценке логичности и юридической корректности аргументации.

Автоматизация подготовки речи государственного обвинителя возможна путем использования ИИ-ассистента, который способен провести анализ загруженного в него машиночитаемого текста, а также сгенерировать план подготовки речи и ответить на поставленные сотрудником органов прокуратуры вопросы. Представляется, что автоматизация в данном случае может быть не полной, когда ИИ-ассистент на основе анализа загруженных материалов выдает готовый результат – речь государственного обвинителя, а частичной, когда ИИ-ассистент на основе загруженных материалов составляет рекомендации для государственного обвинителя по подготовке соответствующей речи в конкретном случае, а также осуществляет автоматическую подборку релевантной судебной практики.

Использование такой частичной автоматизации обусловлено наличием ряда существенных рисков полной автоматизации подготовки речи государственного обвинителя. Одним из наиболее значимых является риск предвзятости и субъективности автоматических решений. Модели ИИ обучаются на исторических данных, нередко содержащих ошибки или предвзятые оценки, что может привести к транслированию данных ошибок в выдаваемом ИИ-ассистентом итоговом результате. В этом контексте возникает вопрос ответственности за содержание автоматизированных текстов, поскольку автоматическая генерация речи вызывает сложности с определением ответственности за возможные ошибки или нарушения прав участников процесса.

Не менее важный аспект – техническая ограниченность современных систем. Существующие модели ИИ являются «черными ящиками», что затрудняет понимание причин выбора тех или иных формулировок и снижает уровень доверия к результатам их работы [8, с. 158–160]. Кроме того, использование ИИ в подготовке речей государственных обвинителей может привести к утрате профессиональных навыков у прокуроров, поскольку автоматизация рутинных задач снижает необходимость самостоятельного формирования аргументации и ораторского мастерства. Такой эффект может негативно сказаться на качестве профессиональной подготовки специалистов и их способности осуществлять профессиональные функции.

В научной литературе по данному вопросу подчеркивается необходимость разработки нормативно-правовых механизмов регулирования использования ИИ в судебной практике, а также внедрения методов повышения прозрачности работы систем искусственного интеллекта [9, с. 557]. Такой подход позволит понять причины автоматических рекомендаций, выдаваемых ИИ-ассистентом, и повысит уровень доверия к получаемым результатам. Важным условием работы с системами ИИ является сохранение роли человека-эксперта (государственного обвинителя) как ведущего субъекта формирования окончательного варианта речи. Автоматизация должна выступать вспомогательным инструментом, а не заменять полностью профессиональные действия прокурора.

Таким образом, несмотря на значительный потенциал использования искусственного интеллекта для повышения эффективности подготовки речи государственного обвинителя, внедрение данной технологии требует взвешенного подхода, учитывающего этические стандарты, технические ограничения и правовые требования. Только комплексный и последовательный подход позволит реализовать преимущества технологий без ущерба для обеспечения справедливости и законности уголовного процесса. В конечном итоге интеграция ИИ должна служить инструментом повышения качества правосудия при сохранении человеческого фактора как гаранта объективности и ответственности в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/page/7 (дата обращения: 05.05.2025).

2. Краснов призвал прокуроров смелее использовать технологии ИИ // РИА Новости. 2024. 26 марта. URL: https://ria.ru/20240326/krasnov-1935941441.html (дата обращения: 10.05.2025).

3. Верховный Суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/34359/ (дата обращения: 17.05.2025).

4. План по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской

Федерации на 2024–2026 гг. от 22 марта 2024 г. // Архив прокуратуры Саратовской области.

5. *Чурикова А.Ю.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски использования // Информационное право. 2023. № 4(78). С. 22–25.

6. *Емелькина Н.Л.* Искусственный интеллект в уголовном процессе // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. М.: Акад. управления МВД России, 2019. С. 49–54.

7. *Чистилина Д.О.* Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. № 4. С. 705–710.

8. *Чурикова А.Ю.* Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2025. 498 с.

9. *Плетникова М.С.* Искусственный интеллект и уголовное судопроизводство России: перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10(238). С. 556–558.

Артамонова Елена Александровна,
профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики (НИУ «Высшая школа экономики»), доктор юридических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОКУРОРА С УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье дан анализ существующих возможностей взаимодействия участников уголовного процесса в досудебном производстве через электронный документооборот. Выделяются два основных направления такого взаимодействия: «гражданин – правоприменитель» и «правоприменитель – гражданин», и предлагается его расширить, узаконив право знакомится с материалами уголовного дела посредством получения его копии на электронном носителе.

Ключевые слова: *электронный документооборот, электронный документ, электронный образ документа, документы в электронном виде, ознакомление, итоговый обвинительный документ, взаимодействие с органами расследования.*

Законом от 23 декабря 2023 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) были внесены очередные изменения, направленные на расширение применения информационно-телекоммуникационных технологий при производстве по уголовным делам.

Применение таких технологий в досудебном производстве по уголовным делам предусмотрено в трех основных направлениях. Во-первых, в предоставлении возможности гражданам[1] подавать обращения[2] в органы расследования и прокурору. Во-вто-

[1] В настоящей работе при употреблении термина «граждане» понимаются непрофессиональные участники уголовного процесса, вовлеченные в производство по уголовному делу.

[2] В этой части УПК РФ полностью согласуется с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2024 г.) (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обраще-

рых, в качестве способа взаимодействия органов расследования и прокурора с гражданами при выполнении своих полномочий, в том числе обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса. В-третьих, в сфере взаимодействия между правоохранительными органами с целью оптимизации их деятельности.

Во всех перечисленные случаях буквально в законе речь идет о взаимодействии посредством обмена «электронными документами». Понятие электронного документа действующий УПК РФ не знает. Оно дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Согласно указанному Постановлению, под электронными документами понимаются документы, созданные в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе и подписанные электронной подписью (абз. 5 п. 1). К любому обращению, поданному в форме электронного документа, могут быть приложены материалы, уточняющие, обосновывающие, подтверждающие изложенное в нем. Такие материалы могут быть либо самостоятельными электронными документами, либо электронными образами документов (электронными копиями документов, изготовленных на бумажном носителе), то есть – переведенными в электронную форму с помощью средств сканирования копии документов, изготовленных на бумажном носителе, и заверенных электронной подписью (абз. 4 п. 1 указанного Постановления). Это вытекает из формулировки закона о том, что прилагаемые материалы подаются в электронном виде (ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ). В рассматриваемом смысле прилагаемыми материалами могут быть только документы, а документами в электронном виде могут быть как собственно электронные документы, так и электронные образы документов (абз. 3 п. 1 указанного Постановления). Получается, что само обращение – всегда электронный документ,

ния: 02.06.2025)) и разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 1 постановления от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/ (дата обращения: 02.06.2025)).

а материалы, прилагаемые к обращению, – электронные документы и/или электронные образы документов.

Если говорить о взаимодействии правоприменителей с участниками уголовного процесса – гражданами в указанной сфере (два первых направления использования электронного документооборота), то оно возможно только с согласия последних. Согласие, как форма волеизъявления участника уголовного судопроизводства, является не просто обязательным условием, а предопределяющим фактором для такого взаимодействия независимо от того, кто является инициатором электронного документооборота. Условно по этому признаку (в зависимости от того, кто является инициатором электронного документооборота) между гражданами – участниками уголовного процесса и правоприменителем возможно две разновидности взаимодействия: «гражданин – правоприменитель» и «правоприменитель – гражданин». В первом случае граждане – участники уголовного судопроизводства самостоятельно инициируют и реализуют дистанционное общение с правоприменителем, во втором – дают предварительное согласие на такой формат взаимодействия. В последнем случае инициатива может исходить как от следователя, дознавателя или прокурора, так и от гражданина, но реализация взаимодействия посредством электронного документооборота зависит исключительно от усмотрения правоприменителя.

«Гражданин – правоприменитель». Гражданам предоставлена сегодня возможность обращаться к прокурору, следователю, руководителю следственного органа, дознавателю, в орган дознания в дистанционном формате посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (Единый портал) с различными ходатайствами, жалобами и заявлениями. Закон предусматривает ряд ограничений как по видам обращений, так и по их содержанию.

Прежде всего, посредством информационно-телекоммуникационных технологий *запрещено* обращаться с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении. Предписания ч. 5 ст. 141 УПК РФ прямо закрепляют возможность оформления этого повода к возбуждению уголовного дела только в личном присутствии заявителя. Объективная необходимость такого запрета вытекает из самой сущности сообщения гражданином о преступлении, обя-

занности правоприменителя разъяснить ему и предупредить его об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ в своем присутствии под его личную подпись, что в настоящее время в дистанционном формате не осуществимо.

По содержанию обращения граждан не должны включать в себя сведения: составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; затрагивающие безопасность государства; затрагивающие права и законные интересы несовершеннолетних; о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности.

Условиями для реализации предоставленного законом права на обращение к правоприменителю в ходе досудебного уголовного судопроизводства в дистанционном формате выступают наличие технической возможности для этого и наличие у гражданина усиленной квалифицированной электронной подписи (по общему правилу). Применительно к последнему закон делает ряд исключений. В частности, ходатайства – об ознакомлении с материалами уголовного дела, – о получении копий процессуальных документов, – об участии в следственных и иных процессуальных действиях могут быть подписаны простой электронной подписью (ч. 2 ст. 474.2 УПК РФ).

Все обращения в таком формате участники уголовного судопроизводства могут подать только по собственной инициативе, соблюдая предусмотренные законом ограничения. Здесь могут быть проблемы, так как граждане по незнанию, невнимательности или иным причинам (не умышленно) могут нарушить законодательный запрет к содержанию обращения. Какие меры и в каком порядке в таком случае к ним могут быть применены законом не определено.

«Правоприменитель – гражданин». Взаимодействие органов расследования и прокурора с участниками уголовного судопроизводства посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий возможно или по просьбе, или с согласия последних. Такое согласие должно быть дано участником процесса или в форме письменного документа, приобщенного к материалам уголовного дела, в том числе и путем направления заявления в виде электронного документа в порядке ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ, или оформлено на Едином портале – согласие на получение уведом-

лений посредством Единого портала. Взаимодействие указанного вида позволяет упростить обмен документами между властными участниками уголовного судопроизводства и участниками-гражданами, снизить процессуальные издержки сторон, и по сути, оно возможно в двух направлениях. Это отправление посредством Единого портала изготовленных в форме электронного документа: копий процессуальных документов, включая итоговые «обвинительные документы»[1] и повесток и уведомлений.

Направлять в виде электронных документов разрешено только копии процессуальных документов, которые не содержат сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающих безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, и не содержат сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности (ч. 3 ст. 474.2 УПК РФ).

Условиями электронного документооборота по схеме «правоприменитель-гражданин» в настоящее время со стороны правоприменителя выступают:

- наличие технической оснащенности (обеспечение надлежащим оборудованием, программным обеспечением, подключение к сети «Интернет» и пр.);
- обеспечение усиленной квалифицированной электронной подписью;
- наличие в материалах дела подтверждения о согласии участника-гражданина на такую форму получения процессуальных документов или процессуально-значимой информации (собственноручно написанное или направленное в виде электронного документа заявление, содержащее соответствующую просьбу; подтверждение

[1] Понятие «обвинительный документ», как родовое для обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления, легальное закрепление получило в абз. 9 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» от 17 декабря 2024 г. № 39 (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493917/). Несмотря на достаточно широкое распространение его употребления в литературе, требуется весьма существенное уточнение: по сути, здесь речь идет не просто об обвинительных документах, а об итоговых обвинительных документах предварительного расследования, ведь обвинительным документом, в частности, является и постановление о привлечении в качестве обвиняемого, но в обозначенную группу оно не входит.

оформленного на Едином портале согласия получать уведомления посредством Единого портала);

- наличие информации о том, что получатель электронных отправлений не ограничен в возможности их получения и использования в связи с применением к нему соответствующей меры пресечения (заключение под стражу, домашний арест, залог или запрет определенных действий с наложением запрета использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет») или исполнением назначенного судом наказания (в виде лишения свободы, например).

Независимо от того, в каком направлении осуществляется взаимодействие граждан с органами расследования и прокурором (гражданин – правоприменитель или правоприменитель – гражданин) основными проблемы, влияющими на возможность такого взаимодействия, определяющими его качественные и количественные характеристики являются:

- часто отсутствие у вовлекаемых участников уголовного судопроизводства (граждан) и недостаточное распространение среди правоприменителей усиленной квалифицированной электронной подписи;
- недостаточная оснащенность органов расследования и прокуратуры надлежащим оборудованием и программным обеспечением;
- проблемы обеспечения безопасности информации;
- законодательная недоурегулированность.

Электронные документы в уголовном судопроизводстве сегодня передаются участникам процесса не только посредством информационно-телекоммуникационных сетей (собственно электронный документооборот). В качестве *частного случая* детально регламентирована возможность *вручения* обвиняемому обвинительного заключения / обвинительного акта / обвинительного постановления в виде электронного документа на соответствующем электронном носителе информации (ч. 3.1 ст. 222, ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ). Закон прямо указывает на способ передачи такого документа – вручение. Вручить означает «отдать в руки, непосредственно» [1, с. 96], то есть передать лично адресату. Из этого следует, что передача такого документа обвиняемому в силу особой, установленной в законе процедуры возможна только офлайн, независимо от способа изготовления документа (на бумажном носителе или в виде электронного документа).

Представляется, что предпринятые законодателем меры в сфере регулирования использования в досудебном уголовном судопроизводстве документов в электронном виде являются недостаточными. Буквально в законе преимущественно речь идет об электронных документах, порядок использования электронных образов документов не урегулирован вовсе. Между тем, стремительно развивающиеся общественные отношения ушли далеко вперед их уголовно-процессуальной регламентации, например, в части *ознакомления* обвиняемого, его защитника и других правомочных лиц с материалами уголовного дела (ст. 216–217 УПК РФ). Необходимо фактически сложившейся практике, когда правомочные лица по окончании предварительного расследования или сами копируют в полном объеме материалы уголовного дела, или получают от следователя его копию на электронном носителе информации и в таким виде их изучают, придать законодательное закрепление, предусмотрев возможность реализации права на ознакомление со всеми материалами уголовного дела посредством получения на электронном носителе копий материалов уголовного дела в виде электронных образов документов при соблюдении предусмотренных законом условий и процедуры.

Список источников

1. *Ожегов С.*И. Толковый словарь русского языка. 26-е изд., перераб. и доп. М.: Оникс, Мир и образование, 2008. 736 с.

Архангельская Екатерина Владиславовна,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия), кандидат физико-математических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В статье описывается процесс разработки и использования практического задания для семинарского занятия по освоению методов статистической обработки данных в табличном процессоре. Задание разработано для анализа числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и количества наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, изъятых на момент возбуждения уголовного дела. Перед выполнением задания проводится воспитательная беседа об опасности употребления и распространения наркотиков.

Ключевые слова: *воспитательный процесс, статистическая обработка данных, наркотические средства, психотропные вещества.*

Роль информационных технологий и компьютерных средств в образовании заключается в том числе в повышении качества и эффективности учебного и воспитательного процесса. Использование мультимедийных презентаций, видеолекций, созданных с помощью программных средств, улучшает восприятие материала и взаимосвязь преподавателя с обучающимися в рамках воспитательной и учебной работы. В план воспитательной работы входит, помимо прочего, проведение бесед и обсуждение со студентами опасности употребления и распространения наркотических веществ. Важно дать обучающимся представление о масштабах данной проблемы и мерах ответственности. Данные о количестве преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, представлены на сайтах различных ведомств: на сайте МВД России в разделе «Статистика и аналитика» (https://мвд.рф/dejatelnost/statistic), на сайте ЕМИСС – Единой межведомственной информационно-статистической системы (https://www.fedstat.ru/), на пор-

тале правовой статистики (http://crimestat.ru/) и т.п. Обработка статистических данных в табличном процессоре с помощью формул и статистических функций изучается в рамках дисциплины «Информационные технологии в юридической деятельности». В статье представлено описание авторского практического задания, выполняемого в табличном процессоре Excel, для семинарского занятия, целью которого является освоение функций и других инструментов, позволяющих оперативно обрабатывать статистические данные. Задание имеет электронный вид и представляет файл, являющийся документом программы Word.

В связи с тем, что выполнение задания связано с воспитательной беседой об опасности употребления и распространения наркотических веществ, его текст предваряет привлекающий внимание баннер следующего содержания: «Сообщи, где торгуют смертью. Не оставайся в стороне». На баннере также представлен телефон ГУ МВД России по Саратовской области, по которому граждане могут сообщать о незаконном обороте запрещенных веществ. В задании предусмотрена комплексная обработка табличных данных. Для его выполнения обучающимися должны быть изучены такие действия Excel, как ввод и форматирование данных, расчеты с помощью формул, использование основных статистических функций, сортировка записей, отбор записей с помощью фильтрации, графическая визуализация данных с помощью диаграмм.

Технологии эффективного и быстрого поиска информации также изучаются в рамках курса «Информационные технологии в юридической деятельности». Узнать информацию о числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, можно на сайте МВД России. Эти данные представлены в общей справке о состоянии преступности в текстовом формате, обработать их в табличном процессоре не представляется возможным. Данные о состоянии преступности по регионам и по конкретным видам преступлений в виде машиночитаемых таблиц опубликованы на портале правовой статистики.

По заданию обучающимся необходимо на портале правовой статистики выбрать преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, за конкретный год и скопировать данные любых четырнадцати регионов на лист файла Excel, озаглавив столбцы таблицы как «Название региона» и «Количество преступлений». В качестве пятнадцатого региона нужно указать регион проживания и зане-

сти его данные. Такой подход увеличивает заинтересованность обучающихся в выполнении задания, так как позволяет определить, насколько остро стоит данная проблема в их регионе по сравнению с остальными выбранными регионами. Полученную таблицу нужно отформатировать, чтобы она имела наглядный вид, выделив строку региона проживания. Затем под таблицей необходимо с помощью соответствующих функций Excel найти основные статистические показатели – всего преступлений, максимальное, минимальное количество и среднее значение числа преступлений в представленных регионах [1, с. 236]. Далее нужно сформировать третий столбец таблицы «Относительный показатель» и рассчитать с помощью формулы, какую долю составляет число преступлений в каждом представленном регионе от общего числа преступлений. Затем следует произвести визуализацию данных, построив круговую диаграмму, отображающую долю каждого региона, наглядно выделив на ней данные региона проживания [2, с. 40]. На следующем этапе выполнения задания необходимо скопировать имеющуюся таблицу на новый лист и отсортировать регионы по числу преступлений, чтобы выяснить, какое место занимает регион проживания среди остальных регионов. Затем на новом листе с помощью фильтрации отобрать те регионы, в которых число преступлений выше среднего, и определить, входит ли регион проживания в их число.

После того как обучающиеся выполнят перечисленные задания, в файле Excel сформируется комплексный отчет по анализу числа преступлений в выбранных регионах. В Excel разработаны инструменты более детальной обработки статистических данных с помощью элементов программирования [3, с. 180], для освоения которых требуются знания теории алгоритмов [4, с. 169].

Разработанное задание, описанное в статье, позволяет обучающимся ознакомиться с информационными системами, предоставляющими официальную государственную статистку о состоянии преступности, освоить инструменты и способы статистической обработки данных в табличном процессоре. Задание успешно используется на семинарских занятиях и также при дистанционном обучении.

Список источников

1. *Архангельская Е.В.* Представление и обработка данных о преступлениях с помощью компьютерной техники // Вестник Сара-

товской государственной юридической академии. 2016. № 1(108). С. 235–241.

2. *Архангельская Е.В.* Курс информатики для юристов: учеб.-метод. пособие. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2008. 48 с.

3. *Архангельская Е.В.* Об одной реализации метода динамического программирования для решения задачи о замене оборудования с помощью прикладной программы // Системы и средства информатики. 2018. Т. 28, № 2. С. 178–188.

4. *Архангельская Е.В.* Организация обучения основам алгоритмизации и программирования с использованием анализа математических задач // Информатизация образования и науки. 2022. № 4(56). С. 166–175.

Асадуллин Мурад Ринатович,
доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности (Уфимский университет науки и технологий), кандидат юридических наук

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ОРГАНИЗАТОРА НА СИМВОЛИКУ СПОРТИВНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

В условиях растущей коммерциализации спорта спортивная символика (логотипы, названия, девизы) становится ключевым активом, представляющим значительную коммерческую и правовую ценность. Однако в российском гражданском законодательстве отсутствует целостная и эффективная система ее охраны, что приводит к правовой неопределенности и многочисленным коллизиям. В статье анализируется правовая природа прав организатора спортивного мероприятия, которые в доктрине и на практике все чаще приравниваются к смежным правам, занимая промежуточное положение между интеллектуальными и имущественными правами. Подчеркивается, что само спортивное мероприятие не является объектом исключительных прав, в то время как его символика подлежит охране. Особое внимание уделяется правовому статусу Регламента спортивного мероприятия, который рассматривается как публичный договор или оферта. На основе анализа текущего регулирования и существующих проблем авторы предлагают комплекс мер для совершенствования законодательства: закрепление спортивной символики в ГК РФ в качестве отдельного объекта, придание Регламенту силы публичной оферты и унификация подхода к смежным правам организатора.

Ключевые слова: *спортивная символика, интеллектуальная собственность, смежные права.*

В условиях растущей коммерциализации спорта и расширения сферы интеллектуальной собственности данная проблема приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение.

Современные спортивные мероприятия представляют собой сложный правовой и коммерческий феномен. С одной стороны, это массовые зрелищные события, с другой – объекты интеллектуальной и имущественной ценности. Их визуальная идентичность формируется посредством символики: логотипов, названий, девизов, а также других атрибутов. Именно на эти объекты концентрируются интересы бизнеса, рекламы и брендинга.

Однако в российском гражданском законодательстве не сформирована цельная и эффективная система охраны таких объектов. Отсюда – многочисленные коллизии и неопределенность правового режима использования спортивной символики.

В соответствии с действующим законодательством о физической культуре и спорте в РФ, а также разъяснениями судебной практики, организатору спортивного мероприятия принадлежат права на использование наименования и символики, а также права на размещение рекламы в местах проведения.

Здесь важно сделать уточнение: эти права не относятся к классическим исключительным правам в смысле авторского или патентного права. На практике и в доктрине [1] они все чаще приравниваются к смежным правам (гл. 71 ГК РФ)[1], что позволяет им занимать промежуточное положение между правами авторов и правами владельцев инфраструктуры.

Заметим также, что никаких особых прав, в том числе интеллектуальных, на само спортивное мероприятие не возникает. Речь идет о защищенных возможностях использовать их наименование и «записи», сделанные на них. Возможно, представление о том, что у организаторов имеются некие самостоятельные права на сами спортивные мероприятия, родилось из популярного выражения в зарубежной литературе о «коммерческих правах на соревнование».

Вместе с тем, мы исходим из того, что организация и проведение спортивных мероприятий при определенные условиях могут и должны рассматриваться как особый вид легитимного бизнеса, а, следовательно, и защищаться адекватными способами (в частности, средствами конкурентного права) [2]. Именно поэтому законодателем был установлен запрет на размещение рекламы и право давать соответствующее согласие на ее размещение. С одной стороны, это прямая законодательная и во-многом уникальная преференция, которая, впрочем, ограничена тотальным правом на рекламу Олимпийской символики в период проведения олимпиад (см. Правило 50 Олимпийской Хартии). А с другой, общая интенция законодательного регулирования с намерением уделить внимание предпринимательским возможностям, вытекающим из органи-

[1] То есть на них лишь распространяется соответствующий правовой режим, так как сами по себе спортивные соревнования не могут быть признаны «интеллектуальной собственностью», а данные права не относятся к «интеллектуальным».

зации известных спортивных соревнований. Речь идет лишь о защищенных возможностях по использованию наименования и «записи», сделанные на соревнованиях. Возможно, представление о том, что у организаторов имеются некие самостоятельные права на сами спортивные мероприятия, родилось из популярного выражения в зарубежной литературе о «коммерческих правах на соревнование».

Итак, само спортивное мероприятие как таковое не может быть объектом исключительных прав. Оно не охраняется как произведение, не патентуется и не может быть признано товарным знаком. Тем не менее окружающая его символика охраняется, что подтверждается в судебной практике, например, по делам о недобросовестном использовании Олимпийской символики.

Особое внимание следует уделить Регламенту спортивного мероприятия. Несмотря на то, что он не всегда воспринимается как юридический документ, по своей сути он выполняет функцию публичного договора.

Если сравнить с нормами о публичном конкурсе (ст. 1057 ГК РФ), мы увидим совпадение ключевых элементов: объявление, условия участия, критерии отбора, порядок награждения. Все это делает Регламент не только организационным, но и правообразующим актом, определяющим состав прав и обязанностей всех участников, включая зрителей, СМИ и спонсоров.

Несмотря на законодательные гарантии, реализация прав организатора сталкивается с рядом трудностей. В частности, для небольших спортивных клубов и стадионов финансовая отдача от символики минимальна; в условиях популярности лиг и федераций именно они получают право на символику; недостаток правовой определенности порождает конфликты при использовании символики без договора.

Гражданско-правовая охрана спортивной символики находится на стыке интеллектуального, вещного и обязательственного права. Современная правовая система России делает шаги в сторону ее защиты, однако отсутствует единый подход и четкое определение юридической природы этих прав. В связи с этим, можно задуматься о применении международного опыта, в частности, модель event rights (права на событие). Заметим, что организатор спортивного мероприятия должен быть признан не только логистом, но и правообладателем в рамках специального правового режима [3].

Таким образом, в целях комплексной охраны спортивной символики и эффективной реализации прав организатора, необходимо:

- внести изменения в ГК РФ, предусматривающие отдельную категорию объектов – спортивную символику как результат организационной деятельности; закрепить Регламент как юридический акт, имеющий силу публичной оферты; унифицировать подход к смежным правам организатора.

Список источников

1. *Матвеев А.Г., Синельникова В.Н.* Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 281–309.

2. *Байбеков Р.Р.* Спортивные лиги в России и за рубежом: признаки и особенности правового регулирования // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 135–143.

3. *Асадуллин М.Р.* К вопросу о самоорганизации спорта // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 289–292.

Базылев Владимир Николаевич,
главный эксперт Государственного бюджетного учреждения г. Москвы «Московский исследовательский центр» Департамента безопасности и противодействия коррупции Правительства Москвы, доктор филологических наук, профессор

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ВИДОВ ГУМАНИТАРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена обзору оформления новых видов «гуманитарных» экспертиз на уровне решения частных экспертных задач, уточнению решаемых задач и вопросов создания частной судебно-экспертной теории политологической, социологической, религиоведческой и психолого-лингвистической и этиковедческой экспертизы.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, экспертная методика, гуманитарно-ориентированные экспертизы, технология экспертной деятельности.*

Новые виды экспертиз, вводимые в следственную и судебную практику, ведут к трансформации экспертной деятельности, предопределяют необходимость создания инновационных алгоритмов решения экспертных задач и повышения профессиональных экспертных компетенций.

Сегодня происходит «взрывное» расширении круга экспертных задач в связи с исследованием как новых объектов, так и традиционных, но с учетом их модификации в новых социальных и правовых условиях. «Справочник по подготовке, организации, назначению и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России» 2024 года включает в себя помимо ставших уже традиционных видов гуманитарной экспертизы – авторoведческой, лингвистической и фоноскопической, политологическую, религиоведческую, социологическую и этиковедческую экспертизы [1].

Относительно религиоведческой судебной экспертизы следует пояснить – целью исследования является описание психологических структур, которые вербализованы в пропагандистских, агитационных и дидактических текстах религиозных сект, течений и организаций. установление связи психологического содержания названной серии текстов с языковыми средствами их выражения.

Кроме того, в решаемые экспертом задачи входит установление корреляций между характером восприятия религиозных текстов реципиентами и эмоционально-смысловой доминантой, овневшняемых в текстах. Достижение цели исследования предполагает решение конкретных задач, таких как: жанровая классификация религиозных текстов; их анализ с точки зрения психологического содержания и реализации в них когнитивных и эмотивных структур; – составление типологии данных тестов на основе проявления в них эмоционально-смысловой доминанты; проведение экспериментальной проверки зависимости семантических трансформаций текстов от личностных особенностей лиц, на которых тексты ориентированы; установление корреляции между эмоциональным восприятием реципиентами текстов, а значит их потенциальной воздействественностью и совпадением (несовпадением) доминанты текстов и личностной доминанты реципиентов [2].

Касательно политологической экспертизы сегодня в практике принято ориентироваться на то, что предметы исследования разных дисциплин лингвистики и смежных наук, как и разные методы, нередко пересекаются, образуя систему анализа текстов и дискурса. Сюда можно отнести в первую очередь контент-анализ, нацеленный на изучение содержания коммуникации. При политико-психологических протоколах контент-анализа категории в тексте кодируются таким образом, чтобы они стали количественными данными, относящимися к той или иной политико-психологической теории. На базе этнометодологии и социологического учения существуют конверсационный анализ и анализ способов категоризации участия. Полезной в судебной политологической экспертизе может считаться также социолингвистика, которая исследует речь в контекстах социальных категорий, коммуникативные стратегии и тактики, речи людей с определенным социальным статусом, речевые особенности тех или иных социальных групп в тех или иных социальных контекстах [3–5].

Не менее значимым в современных идеологических условиях является научное обоснование, разработка и внедрение методики судебной этиковедческой экспертизы в качестве эффективного инструмента для оказания содействия поддержанию общественного порядка в условиях геополитических конфликтов и меняющихся внутригосударственных общественных отношений, обеспечению справедливого судебного разбирательства. Основными объектами

исследования судебной этиковедческой экспертизы являются моральные запреты, негативные по ступки, попавшие в орбиту судопроизводства. По мнению академика А.А. Гусейнова, позитивные проявления морали релятивны, условны, они могут быть вторичными по отношению к многообразным человеческим желаниям и возможностям, могут сочетаться и подчиняться утилитарным и прочим прагматическим стремлениям. Концепция негативной этики представляется концепцией, которая позволяет спасти идею морального абсолютизма в современных условиях [6].

Как видим, непростая геополитическая ситуация, сложившаяся в последние годы, и в значительной степени связанные с ней преобразования внутригосударственных общественных отношений вызвали в Российской Федерации ряд изменений и дополнений как материального, так и процессуально го законодательства. В связи с этим перед государственными судебно-экспертными учреждениями, призванными оказывать содействие обеспечению справедливого судебного разбирательства путем проведения судебных экспертиз и исследований, возникли новые задачи. Потребности судебной практики обусловили разработку методик новых видов судебных экспертиз – политологической, религиоведческой, этиковедческой, психолого-лингвистической, социологической.

А.А. Фоменков справедливо считает, что «формирование новых видов судебных экспертиз на территории Российской Федерации является важным и необходимым шагом для совершенствования судебной системы и улучшения качества решений, принимаемых судами, однако, чтобы решить сопутствующие становлению новых видов экспертиз проблемы, необходимо провести системные изменения в экспертной деятельности, повысить квалификацию экспертов, внедрить современные технологии и оборудование» [7, с. 216].

Список источников

1. Справочник по подготовке, организации, назначению и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2024. 106 с.

2. *Саракаева Э.А.* Психолингвистический анализ миссионерских текстов. Астрахань: Кубанский ГУ, 2000. 26 с.

3. *Галаева О.В.* Судебная политологическая экспертиза. Основы политологического исследования информационных материалов:

монография / под науч. ред. Ш.Н. Хазиева. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2023. 178 с.

4. *Галяшина Е.И., Богатырев К.М.* Судебная политологическая экспертиза: актуальность и концептуальные основы теории // Статья в открытом архиве. № 377633546 (дата депонирования: 24.01.2024).

5. *Кучинов А.М.* Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации // Polis. Political Studies. 2016. № 5. С. 80–96.

6. *Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Хазиев Ш.Н., Галаева О.В., Гулевская В.В.* Судебная этиковедческая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 6–15.

7. *Фоменков А.А., Шишкин А.П.* Практические проблемы судебно-экспертной деятельности на территории Российской Федерации при формировании новых видов экспертиз и возможные пути их решения // Образование и право. 2023. № 5. С. 212–217.

Белоусова Дарья Сергеевна,
доцент кафедры прокурорского надзора
за исполнением федерального законодательства
и участия прокурора в гражданском,
административном судопроизводстве
и арбитражном процессе
(Университет прокуратуры Российской Федерации),
кандидат юридических наук

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ СРЕДСТВАМИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Статья посвящена рассмотрению статуса прокурора и его полномочий в сфере защиты информации. Анализ факторов, способствующих реализации информационных угроз и их сопоставление с возможностями прокурорского надзора позволили выделить прокурора в качестве одного из ключевых субъектов обеспечения информационной безопасности в контексте предупредительного воздействия на информационную сферу в целях предотвращения информационных угроз и профилактики ИТ-преступности; сформулировать направления совершенствования правового регулирования вопросов защиты информации.

Ключевые слова: *прокурор, информационная безопасность, защита информации, информационные угрозы, цифровизация, национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства».*

Эффективное выполнение задач в сфере цифровой трансформации государства, в том числе в рамках реализации национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», возможно лишь в условиях обеспечения надлежащей защищенности информации, поэтому вопросы информационной безопасности, напрямую связанные с национальной безопасностью России, актуальны сегодня как никогда.

В соответствии с Доктриной информационной безопасности [1] (далее – Доктрина) в России создан организационно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности, действуют законы и множество подзаконных актов, регламентирующих требования к информационной защищенности, порядок осуществления разрешительного регулирования и государственного контроля (надзора) в указанной сфере.

Вместе с тем проблемы законности в рассматриваемой сфере носят комплексный характер и упираются, с одной стороны, в неготовность общественного сознания принять новую цифровую реальность и, как следствие, – нежелание операторов информационных систем и иных участников правоотношений в информационной сфере тратить колоссальные силы и средства на полноценное соблюдение требований к защите информации, а с другой – в несовершенство действующей системы разрешительного регулирования и государственного контроля (надзора) в указанной сфере. Состояние защиты от киберугроз на объектах критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ; к ним относятся банки, объекты здравоохранения, обороны, промышленности и др.) находится в критическом состоянии [2] и это угрожает не только национальной безопасности, но и функционированию жизненно важных систем общества и государства.

Органы прокуратуры не поименованы в числе определенных Доктриной субъектов, составляющих организационную основу обеспечения информационной безопасности (п. 33), что, на наш взгляд, не в полной мере отвечает фактическому положению дел и требует конкретизации статуса прокурора в этой сфере.

В рамках указанной публикации предпринята попытка обосновать место прокуратуры в государственном механизме обеспечения информационной безопасности, профилактики ИТ-преступности, которая сегодня бьет все возможные рекорды по темпам роста, масштабам причиненного ущерба[1] и при этом остается одной из самых низкораскрываемых. Злоумышленники, используя возможности ИИ и социальной инженерии, создают дипфейки, позволяющие обманывать даже самых бдительных граждан [3]. Возрастает количество и скоординированность компьютерных атак на объекты КИИ, способных дестабилизировать работу государственных органов, организаций, стратегических предприятий, СМИ [4] и др.

Масштабы и темпы роста правонарушаемости в ИТ-сфере дают основание утверждать, что противодействие информационным угрозам не может сводиться лишь к борьбе с последствиями их проявления, основной акцент должен быть сделан на устранение предпосылок противоправных деяний в информационной сфере, к чис-

[1] В 2023 г. злоумышленники похитили 15,8 млрд руб. Количество операций, совершенных без согласия клиентов кредитных организаций превысило 1,1 млн случаев.

лу которых относятся различные уязвимости информационных систем (недостаточная техническая защищенность, несоблюдение требований информационной безопасности, инсайд), приводящие к утечкам данных; низкий уровень цифровой грамотности и культуры цифровой безопасности населения; недостатки организационно-правового регулирования вопросов защиты информации и связи (в том числе, несовершенство действующего механизма категорирования объектов КИИ и государственного контроля в этой сфере) и др.

Расстановка сил обеспечения информационной безопасности в современной России должна определяться, в первую очередь, возможностями их воздействия на вышеперечисленные факторы, способствующие реализации информационных угроз. И в этом аспекте ресурсы прокурорского надзора позволяют рассматривать прокурора в качестве одного из ключевых субъектов обеспечения информационной безопасности в контексте предупредительного воздействия на информационную сферу в целях предотвращения информационных угроз и профилактики ИТ-преступности.

Полномочия прокурора в информационной сфере достаточно разноплановые и наряду с профильным Законом о прокуратуре [5] регламентированы Федеральными законами от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149), от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», КоАП РФ, КАС РФ, УПК РФ. В 2021 году в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации образован «профильный» отдел по надзору за исполнением законов в сфере информационных технологий и защиты информации [6], в регионах определены прокурорские работники, ответственные за данное направление работы.

В целях защиты граждан, государства и общества от определенных видов «деструктивной», в том числе фейковой информации Генеральным прокурором РФ и его заместителями в адрес Роскомнадзора направляются требования о ее блокировки. В 2024 г. по требованиям прокурора заблокированы более 23 тыс. информационных ресурсов [7], в том числе более 200 ресурсов с фейковой информацией о теракте в «Крокус Сити Холле» [8].

Для защиты граждан от «мошеннической» [9, с. 8] телефонной информации прокуроры реализуют полномочия по возбуждению

дел об административных правонарушениях по ст. 13.2.1 КоАП РФ в отношении операторов связи за пропуск вызовов с подменных номеров [10], ненадлежащее исполнение обязанности по своевременному подключению к антифрод-системе, способной распознавать и блокировать звонки с подменных номеров.

На системной основе проводятся надзорные проверки в сфере противодействия компьютерным атакам на информационные ресурсы Российской Федерации, в ходе которых выявляются факты не проведения аттестации эксплуатируемых федеральными и региональными органами власти и муниципалитетами информационных систем и др. Официальные сайты некоторых министерств и ведомств не имеют сертификата безопасности и работают с нарушением ИБ-требований, отдельные региональные учреждения «МФЦ» осуществляют обработку персональных данных граждан на компьютерах, имеющих выход в сеть «Интернет» [11]. Перечисленные нарушения создают условия для утечки важных данных и информации, в том числе в целях инсайда. Например, прокуратурой одного из субъектов в ходе осуществления надзорной деятельности выявлен факт продажи базы данных регионального министерства здравоохранения, содержащей записи о 4,3 млн пациентов, в том числе их персональные данные, сведения о состоянии здоровья. По материалам прокурорской проверки следственным органов возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 274^1 УК РФ.

В деятельности организаций, осуществляющих аккредитацию государственных информационных систем на соответствие требованиям о защите информации, допускаются нарушения, минимизирующие положительное воздействие указанной разрешительной процедуры на рассматриваемые правоотношения, в том числе факты выдачи аттестатов соответствия требованиям безопасности информационных систем, в которых применялось несертифицированное программное обеспечение и др. По инициативе прокурора должностные лица операторов таких систем привлекаются к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 13.12 КоАП РФ [12, с. 46].

В ходе надзора за исполнением законов при реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» (с 2025 г. «Экономика данных и цифровая трансформация государства») в 2024 г. прокурорами выявлено свыше 4 тыс. нарушений, послуживших основанием для принесения актов прокурорского

реагирования, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечены более 1 тыс. должностных лиц, к административной – более 100 лиц [13]. По фактам выявленных прокурорами хищений и иных злоупотреблений при реализации предусмотренных национальным проектом мероприятий возбуждаются уголовные дела. Например, по материалам прокуратуры возбуждено два уголовных дела о фальсификации документов, подтверждающих предоставление услуг связи социально значимым объектам, которые фактически не функционировали [14].

Таким образом, комплексность и разносторонность реализуемых полномочий дают основания рассматривать прокурора в качестве одного из основных субъектов обеспечения информационной безопасности, а осуществляемый им надзор за исполнением законов – ключевого средства профилактики ИТ- преступности. В целях конкретизации правового статуса прокурора и совершенствования нормативного регулирования вопросов обеспечения информационной безопасности целесообразным представляется внесение в законодательство изменений, предполагающих: правовую регламентацию организации прокурорского надзора за исполнением законов о защите информации и связи (на ведомственном уровне), дальнейшую специализацию и совершенствование цифровых навыков прокуроров, занимающихся рассматриваемыми вопросами; нормативное закрепление категории «мошеннической» информации и наделение прокурора правом принимать меры к ее блокировке; корректировку норм, регламентирующих вопросы ответственности за правонарушения в ИТ-сфере (в том числе, определение понятия и установление конкретных критериев оценки степени «вреда КИИ» в конструкции преступлений, предусмотренных ч. 2 и 4 ст. 274^1 УК РФ).

Список источников

1. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

2. ФСТЭК насчитала больше тысячи уязвимостей в государственных системах. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7498300 (дата обращения: 12.06.2025).

3. Телефонные мошенники: как обманули Ларису Долину. URL: https://www.1tv.ru/shows/chelovek-i-zakon/syuzhety/telefonnye-

moshenniki-kak-obmanuli-larisu-dolinu-chelovek-i-zakon-fragment-vypuska-ot-06-09-2024 (дата обращения: 18.06.2025).

4. Пять крупнейших хакерских атак 2024 года. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/67613aff9a7947f4d1ea3f71 (дата обращения: 18.06.2025).

5. Сайт и приложение РЖД подверглись DDoS-атаке. URL: https://russian.rt.com/russia/news/1491797-ddos-ataka-rzhd-sait (дата обращения: 18.06.2025).

6. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (в ред. от 3 февраля 2025 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

7. Положение о Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации: утв. Генпрокуратурой России 25 января 2022 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/351440997 (дата обращения: 18.06.2025).

8. Прокуроры с начала года добились блокировки 36,5 тыс. сайтов с недостоверной информацией. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-08-26/2_9079_news3.html (дата обращения: 17.05.2025).

9. Краснов рассказал о фейковой информации о теракте в «Крокусе». URL: https://ria.ru/20240325/feyki-1935772509.html (дата обращения: 17.05.2025).

10. *Авакьян С.А.* Задачи конституционного права в аспекте защиты (от) информации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 3–11.

11. Прокуратура продолжает привлекать операторов связи к ответственности за пропуск вызовов с подменных номеров. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=105040273 (дата обращения: 26.06.2025).

12. Откуда утекают наши персональные данные. URL: https://salt.news/proishestviya/otkuda-utekayut-nashi-personalnye-dannye (дата обращения: 25.06.2025).

13. *Бут Н.Д., Данилов Д.Ю.* Защита критической информационной инфраструктуры средствами прокурорского надзора как важная составляющая национальной безопасности // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2. С. 45–52.

14. Отчет по форме НП «Надзор за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» за январь-декабрь

2024 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents (дата обращения: 11.06.2025).

15. Прокурорами выявлено почти 6 тыс. нарушений закона при реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=93177790 (дата обращения: 11.06.2025).

Бичехвост Александр Федорович,
профессор кафедры истории государства и прав (Саратовская государственная юридическая академия), доктор исторических наук, профессор

СОЗДАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН (1944–1946)

В статье обоснован комплекс причин, обусловивших создание в 1944 г. Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, исследуется его структура. Показан процесс образования органов репатриации ГСОВГ и СВАГ, объяснены причины трансформации, дана оценка их роли в репатриации граждан СССР.

Ключевые слова: *репатриация, репатрианты, Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, ГСОВГ, СВАГ.*

Для советского государства в конце Великой Отечественной войны и после ее завершения одной из серьезных проблем, потребовавшей значительных организационных, материальных, финансовых, людских ресурсов, дипломатических усилий, оказалась проблема репатриации его граждан.

Общеизвестно, что в годы войны нацистская политика геноцида сопровождалась массовой депортацией военнопленных из состава Красной армии, мирных советских граждан с оккупированных территорий СССР, в результате которой они оказались разбросанными более чем по 20 странам мира. Граждане СССР находились на территории гитлеровской Германии, в странах-сателлитах – Италии, Финляндии, Венгрии и Румынии, в оккупированных европейских государствах – Голландии, Дании, Норвегии, Польше, Франции, княжествах Лихтенштейн и Люксембург, Швеции и Швейцарии, которые, заявляли о своем нейтралитете, но фактически поддерживали агрессивный курс нацистской Германии. Советские люди оказались в Иране, Палестине, и даже в Египте. В Африке военнопленные из состава Красной армии использовались в армии генерала-фельдмаршала Эрвина Роммеля и были освобождены после поражения германо-итальянских войск на африканском континенте.

В интервью корреспонденту ТАСС от 7 сентября 1945 г. уполномоченный Управления Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации советских граждан генерал-полковник Ф.И. Голиков предоставил данные о численности репатриированных советских граждан. Согласно его информации, количество возвращенных в Советский Союз до 1 сентября 1945 г. составило 5 миллионов 115 тысяч 709 человек [1, с. 29]. По утверждению уполномоченного из этого внушительного количества к местам постоянного проживания и службы были доставлены 3 969 656 человек. 1 146 053 человек находились в процессе транспортировки к местам назначения [1, с. 29]. Однако, до получения этих данных, Управлению и его подведомственным структурам предстояло пройти непростой путь.

Высшее политическое и военное руководство Советского Союза с переносом военных действий за пределы страны и началом освобождения Польши и Германии, не располагало достоверной информацией о количестве депортированного населения с оккупированных территорий СССР и численности советских пленных. По словам бывшего советского военнопленного, «невозвращенца» Ф.Я. Черона: «Нет сомнения, что НКВД и высшие чины армии знали о пленных. Но даже эти органы никогда не подозревали о количестве русских людей в Германии. Я видел их неуверенное поведение, а часто и незнание, что делать, в первые недели после войны» [2, с. 102].

Отсутствие точной информации о количестве депортированного населения СССР и численности советских военнопленных, подлежавших репатриации, сложность предстоявшей работы по их возвращению, признавал М.И. Семиряга, работавший после окончания войны в Советской Военной Администрации Германии. В изданной спустя многие годы после завершения Великой Отечественной войны монографии-воспоминаниях, он отмечал: «Репатриация огромного количества освобожденных из плена советских солдат и офицеров оказалась для советского командования всех степеней новой и необычной, хотя и ожидаемой задачей» [3, с. 195].

Часть бывших узников нацизма после освобождения Красной армией и союзными войсками стихийно двинулась к западной границе СССР, на Родину. Упоминавшийся выше Ф.Я. Черон вспоминал: «Первые три недели после окончания войны ни остовцам, ни бывшим военнопленным никто не давал никаких указаний, куда ехать и что делать. Большинство потянулось на восток, на Родину… Но когда основная масса из самой Германии двинулась на восток, то

они запрудили все дороги. Получилась ситуация: советская армия стремилась в Германию, но навстречу им шла другая армия остовцев-пленных» [2, с. 110].

О пешем переходе, как основном способе возвращения в Советский Союз сразу после освобождения, упоминала бывшая репатриантка В.С. Гаврилова (Степаненко). На заданный интервьюером вопрос в рамках реализовывавшегося проекта «Я помню»: «После освобождения Вас советскими войсками, Вас куда направили?», она ответила: «Да мы сами собрались и пошли. Никуда нас никто не направлял: люди шли, и мы шли. Нам на восток надо было, домой» [4].

М.И. Семиряга вспоминал, что от зональной границы, разделявшей оккупационные территории Германии, «на восток двигались колонны десятков тысяч мужчин, женщин и даже детей, со слезами на глазах приветствуя встречавшихся им по пути советских солдат. Люди двигались преимущественно пешком, некоторые со своим тощим скарбом – на подводах и велосипедах. Все торопились на Родину» [3, с. 196].

Стихийно возвращавшиеся в Советский Союз создавали трудности наступавшим частям. Кроме того, освобожденные, не только представляли препятствие для наступавших войск, но они сталкивались с проблемой обеспечения себя питанием, а стремление вернуться домой с каким-либо имуществом подталкивало их во время перемещения по территории Германии и Польши к совершению противоправных действий, таких как мародерство и грабежи, что значительно усугубляло криминогенную обстановку в регионах, освобожденных от немецких войск.

Майор Полысалов, советский офицер связи по репатриации, делился своими наблюдениями об увиденном с представителем уполномоченного СНК СССР в Западной Европе генерал-майором В.М. Драгуном: «В тылу армии царило безвластие, хозяевами Германии был народ, вышедший из концлагерей, шахт, тюрем. Вся эта озверевшая масса, вырвавшись на волю, громила, уничтожала, грабила все, что попадало им первое под руку» [5, л. 342]. В такой ситуации следовало действовать оперативно.

Еще одна проблема заключалась в том, что бывшие узники нацистских концентрационных лагерей и других мест принудительного содержания, во время самостоятельного продвижения на восток не подвергались обязательной процедуре государственной проверки на фильтрационных пунктах и в лагерях. Фильтрация,

регулируемая правительственными постановлениями, являлась обязательным элементом процесса идентификации репатриантов, включала комплексную проверку их поведения в неволе и оценку их благонадежности. Среди освобожденных могли находиться лица, сотрудничавшие с нацистским режимом, что требовало особого внимания и тщательной проверки репатриантов. 31 января 1945 г. помощник уполномоченного генерал Я.Д. Басилов докладывал заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанту А.Г. Карпоносову: «…освобожденный контингент полностью не подвергается соответствующим обработкам и фильтрации, самостоятельно уходя в наш тыл» [6, с. 156].

А.А Шевяков, один из первых отечественных исследователей, приступивший к изучению истории репатриации, в опубликованной в начале 90-х гг. статье «"Тайны" послевоенной репатриации», отмечал, что появление большого количества бывших узников нацизма, потребовало придать организованный характер репатриации [7, с. 4].

Таким образом, разнообразные причины подтолкнули Совет Народных Комиссаров принять решение о создании Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан – органа, на который возлагалась ответственность за возвращение советских людей на Родину. Согласно постановлению СНК, Управление возглавил генерал-полковник Филипп Иванович Голиков, который одновременно занимал должность начальника отдела кадров Народного Комиссариата Обороны [6, с. 56].

В соответствии с решением правительства, Управлению для выполнения возложенных на него задач было выделено административное здание – дом № 7 в Кропоткинском переулке Москвы.

На начальном этапе формирования аппарата Управления, предполагалось, что его штат будет укомплектован преимущественно военными кадрами. Привлечь к работе в Управлении планировалось 416 человек. К 19 октября 1944 г. для работы в аппарате Управления было отобрано и оформлено приказом 150 человек [6, с. 63]. Позже штат был доукомплектован и вакансии были заполнены практически полностью.

Особые требования предъявлялись не только к партийности, но и уровню образования и профессиональной подготовки отбираемых кандидатов. Из 150 утвержденных штатных сотрудников, 25 человек окончили военные академии и Курсы усовершенство-

вания высшего начальствующего состава (КУВНАС), 42 человека – курсы «Выстрел», 40 – военные училища, 29 – военный факультет Института иностранных языков [6, с. 63].

В короткие сроки приступили к формированию организационной структуры Управления. В ее состав вошли ключевые подразделения, отвечавшие за репатриацию советских граждан: командование, секретариат, канцелярия, инспекция, а также специализированные отделы: кадров, политико-просветительский, по работе с заграницей, устройству возвратившихся граждан СССР, регистрации и учета, транспортный, материального обеспечения и финансов, санитарный, связи, административно-хозяйственный и оперативный («секретное отделение») [6, с. 72–76].

Каждое из образованных структурных подразделений Управления выполняло строго определенные функции, что обеспечивало реализацию намеченных задач всеми отделами Управления. Структура центрального органа по руководству репатриацией не была статичной, она претерпевала изменения в зависимости от приоритетов и изменений в репатриационной политике государства.

В осенний период 1944 г. Управление приступило к формированию репатриационных групп для работы в отдельных странах или в группе стран, а также в зонах оккупации Германии, контролируемых Советским Союзом, США, Англией и Францией. Процесс создания репатриационных групп для работы за границей продолжился и в 1945 г.

Перед заграничными группами по репатриации и офицерами связи, были поставлены задачи, связанные с оповещением и сбором граждан, находившихся за рубежом, установлением личности репатриантов, созданием для них приемлемых условий проживания, организацией снабжения освобожденных продовольствием, одеждой и обувью, оказанием неотложной медицинской помощи тем, кто нуждался в лечении, а также организация отправки репатриантов на Родину.

Значительную помощь в возвращении советских и иностранных граждан на родину оказали отделы по репатриации, созданные в структурах Военных советов фронтов и армий. С октября по декабрь 1944 г. такие отделы были образованы при Военных советах 1-го, 2-го и 3-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. В состав каждого отдела входило по четыре офицера и один представитель уполномоченного в качестве руководителя группы [6, с. 687; 8, с. 515]. В частности, на долж-

ность руководителя Отдела по репатриации при Военном совете 1-го Белорусского фронта был назначен выпускник Саратовского юридического института 1939 г. полковник юстиции Андрей Антонович Куровский.

После завершения военных действий и подписания Германией акта о безоговорочной капитуляции возникла настоятельная потребность в трансформации структуры органов репатриации в соответствии с изменившимися условиями. На основе директивы начальника Генерального штаба Красной армии, датированной 7 июня 1945 г., при штабе Военного совета Группы Советских Оккупационных Войск в Германии приступили к формированию Управления по делам репатриации. Управление включало 79 человек, из которых 76 являлись военнослужащими, а оставшиеся три – вольнонаемными сотрудниками [8, с. 516].

Фронтовые и армейские отделы репатриации постепенно утрачивали свое значение и подлежали ликвидации. Однако отдельные из них сохранялись при армиях, в зонах оперативного контроля которых оставалось значительное число граждан, подлежавших репатриации. В частности, функционировали отделы репатриации при Военных советах 2, 3 и 5-й ударных, 8-й гвардейской и 47-й армий [6, с. 547]. Начальник Управления репатриации Группы Советских Оккупационных Войск в Германии генерал-майор С.Я. Вершинин докладывал в вышестоявшие инстанции о том, что в период с 10 июня 1945 г. по 1 января 1946 г. «Органы репатриации Группы войск приступили к работе в условиях весьма большого притока репатриантов» [6, с. 547].

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров от 6 июня 1945 г. и приказу Главноначальствующего Советской Военной Администрации в Германии от 10 июля 1945 г., при штабе СВАГ создавался Отдел репатриации. В его состав вошли 61 человек, из которых 54 были военнослужащими, а 7 – вольнонаемными [8, с. 516, 969–970]. Штат Отдела в основном был сформирован из офицеров, откомандированных из центрального аппарата Управления уполномоченного [8, с. 516].

На основании постановления Государственной штатной комиссии при СНК СССР от 12 января 1946 г., начальник штаба СВАГ изменил название Отдела репатриации, который был переименован в Отдел репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ со штатной численностью 35 человек [6, с. 742].

И еще одна произошедшая трансформация органов репатриации была связана с нецелесообразным параллельным сосуществованием двух сходных по своим функциям органов. Приказом Главноначальствующего СВАГ за № 0159 от 25 июня 1946 г. произошло объединение Управления репатриации при Полевом управлении Группы Советских Оккупационных Войск в Германии и Отдела репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ. Их слияние привело к созданию единого органа – Управления по делам репатриации граждан СССР и иностранных граждан СВАГ со штатной численностью 54 человека [8, с. 518]. Структура Управления в новом составе была утверждена решением Главной штатной комиссией при Совете Министров СССР за № 750с от 6 июня 1946 г. [8, с. 518].

Акцент в дальнейшей работе объединенного органа смещался с массовой репатриации, которая фактически завершилась к концу 1946 г., на розыск и репатриацию отдельных лиц, преимущественно выходцев из Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии.

К концу 1946 г. в Советский Союз возвратились около 5–5,5 млн человек. Примерно 450–500 тыс. остались за границей, составив категорию «невозвращенцев».

Бесспорно, что Управление уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации, а также репатриационные группы за границей, отделы репатриации при штабах Военных советов фронтов и армий, Управление репатриации при штабе Группы Советских Оккупационных Войск в Германии, Отдел репатриации Советской Военной Администрации в Германии, а затем и объединенный орган – Управление СВАГ по делам репатриации граждан СССР и иностранных граждан, сыграли ключевую роль в реализации государственной репатриационной политики.

Помощник уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации полковник В.А. Киселев, докладывая первому заместителю уполномоченного генерал-лейтенанту К.Д. Голубеву о проделанной работе с октября 1944 г. по ноябрь 1946 г. Отдела устройства возвратившихся граждан СССР, отмечал: «Созданная система органов репатриации советских граждан в войсках и в республиках полностью себя оправдала и поставленные перед ней задачи выполнила» [6, с. 693].

Список источников

1. Репатриация советских граждан. Сборник официальных материалов. М.: Воен. изд-во НКО, 1945. 51 с.

2. *Черон Ф.Я.* Немецкий плен и советское освобождение // Лугин И.А. Полглотка свободы / Всероссийская мемуарная библиотека. Серия «Наше недавнее». Т. 6. Paris: YMCA-PRESS, 1987. 296 с.

3. *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.

4. Интервью с ветераном ВОВ. Гаврилова (Степаненко) Валентина Сергеевна. URL: https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/gavrilova-stepanenko-valentina-sergeevna (дата обращения: 29.06.2025).

5. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 200.

6. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сб. док.: в 2 т. Т. 1. 1944–1946. М.: Полит. энцикл., 2019. 877 с.

7. Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–11.

8. Советская военная администрация в Германии, 1945–1949: справ. / отв. ред.: Я. Фойтцик, Т.В. Царевская-Дякина, А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2009. 1031 с.

Блинова Ольга Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ПРАВОСУДНОГО ПРИГОВОРА

В статье рассматривается сущность правосудности итогового решения суда, исследуется требование справедливости, как гарантии вынесения правосудных приговоров по уголовным делам.

Ключевые слова: *приговор, правосудность приговора, справедливость, правосудие.*

В науке категория «справедливость» рассматривается с точки зрения морали [1, с. 3]. Справедливость всегда была и будет связана с различными институтами права, такими, как принципы, нравственные начала, суд и правосудие, приговор. «Мы с вами не один раз отмечали необходимость обеспечения социальной направленности российского правосудия. И очень важно, что такая тенденция сохраняется», – сказал Президент Российской Федерации на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов [2].

Как верно отмечает М.И. Клеандров, «несправедливый суд ни обществу в целом, ни отдельным его слоям, ни каждому отдельному человеку не нужен. Больше того, он не нужен и государству в целом, он попросту компрометирует и дискредитирует само государство» [3, с. 7]. Не вызывает сомнений, что правосудие только тогда является правосудным, когда оно изначально справедливо. Как и итоговое судебное решение. Таким образом, результат правосудия – это правосудный приговор.

Справедливость – одно из важнейших требований, предъявляемых к приговору наряду с его законностью и обоснованностью (ч. 1 ст. 297 УПК РФ). Законодатель в ч. 4 ст. 7 УПК РФ четко указал на факт того, что все определения суда и постановления судьи, а также лиц, осуществляющих досудебного производство по уголовным делам, должны быть и мотивированными, что безусловно не может не относится к основному акту правосудия – приговору. Многие ученые-процессуалисты неоднократно высказывали мнение о том, что указанные нормы закона нуждаются в изменении [4, с. 18; 5, с. 8]. Внесение изменений в ч. 4 ст. 7 УПК РФ путем до-

полнения перечня решений указанием на приговор, и ч. 1 ст. 297 УПК РФ путем дополнения в перечне требований, предъявляемых к этому акту правосудия, на мотивированность, является обоснованным с точки зрения признания итогового решения суда правосудным, которое включает в себя в том числе и требование его мотивированности, поскольку все требования в их совокупности и позволяют признать приговор таковым судебным актом.

Ряд ученых считает, что справедливость характеризует приговор только с нравственной стороны [6, с. 282; 7, с. 12]. Другие полагают, что справедливость как критерий правосудности приговора – категория юридическая, поскольку «формируется на основе соответствия юридических норм и актов их применения» [8, с. 98]. Третьи пишут о том, что справедливость в уголовном процессе является принципом, распространяющимся на все процессуальные документы, в том числе и на приговор суда [9, с. 56].

Полагаем, что справедливым может считаться только такой приговор, в котором на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех представленных сторонами доказательств достоверно установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию, а виновному назначено наказание, соответствующее тяжести преступления и обстоятельствам его совершения, личности осужденного, а также приняты меры зашиты интересов потерпевших и лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности.

«Соответствие приговоров справедливости во многом определяет престиж уголовного судопроизводства, является отражением качественного состояния всей системы правосудия в стране, ведь не зря в русском языке правосудный приговор определяется как справедливый – постановленный не только по закону, но и по совести» [10, с. 3].

Особое значение данное требование приобретает еще и потому, что несоответствие приговора справедливости выделено законодателем как основание для его пересмотра судом второй инстанции. Согласно ч. 2 ст. 389.18. УПК РФ несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости. Закрепляя основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном

порядке, законодатель не предусматривает механизма реализации возможности обжалования решения в кассационном и надзорном порядке, не отвечающего требованию справедливости. Между тем в соответствии со ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленному ему, имеет право на справедливое и публичное разбирательство деля в разумный срок [11]. Указанное положение, как относящееся к общепризнанным принципам и нормам международного права, согласно ст. 15 Конституции РФ, является составной частью правовой систем России. По смыслу этих положений, право каждого на судебную защиту посредством законного, независимого и беспристрастного суда означает, в частности, что пересмотр уголовного дела должен осуществляться и с позиций справедливости.

Приговор может быть назван справедливым только в том случае, если осужден действительно виновный человек, то есть вина его доказана, а назначенное наказание соразмерно совершенному деянию. Если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств, суд постановляет обвинительный приговор. Если нет – оправдательный (ст. 302 УПК РФ).

Выделение справедливости как требования, предъявляемого к приговору, имеет не только правовое значение, но и глубоко нравственное, моральное. Справедливый приговор является таковым только если он соответствует высоким нравственным принципам и подводит итог всей деятельности, начиная с момента поступления сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, с точки зрения нравственности и гуманизации. Принятые в приговоре решения должны соответствовать представлениям людей о справедливости, морали, честности, беспристрастности, объективности. Председатель Совета судей России Виктор Момотов отметил, что «социальная направленность правосудия … несомненно, повышает уровень доверия общества к судам и дает гражданам уверенность в том, что их права защищены государством» [12]. В связи с этим необходимо предпринимать такие меры, которые позволяли бы обеспечить вынесение правосудного судебного решения. Справедливое правосудие подчеркивает юридический аспект справедливости, основанной на соблюдении всех принципов уголовного судопроизводства.

Список источников

1. *Рудич В.В.* Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 33 с.

2. Высшая социальная инстанция: открытость судов прогрессу. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250219/310641751.html (дата обращения: 30.06.2025).

3. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость: монография М.: Норма, 2022. 355 с.

4. *Ершова Н.С.* Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.

5. *Ивенский А.И.* Приговор-акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядках судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 20 с.

6. Учебник уголовного процесса // [А.С. Кобликов, В.Н. Буробин, А.С. Мамыкин, Г.В Дроздов] / отв. ред. А.С. Кобликов. М.: Спарк, 1995. 382 с.

7. *Коган Н.Л.* Жить по справедливости. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. 171 с.

8. *Экимов А.М.* Справедливость и социалистическое право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 120 с.

9. *Макарова З.В.* Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 7. С. 54–56.

10. *Маганкова А.А.* Актуальные вопросы справедливости приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 24 с.

11. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

12. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/34291/ (дата обращения: 02.07.2025).

Брояка Юлия Владимировна,
доцент кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук

Лядащева-Ильичева Марина Николаевна,
доцент кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ГУСТАВА РАДБРУХА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУДЕБНЫХ АКТОВ

Статья посвящена исследованию особенностей правовых взглядов известного немецкого ученого, философа права XX в. Густава Радбруха, чьи идеи были положены в основу выносимых судебных приговоров, в том числе Международного военного трибунала.

Ключевые слова: *идея права, справедливость, естественное право, «формула Густава Радбруха», неправовые законы, национал-социалистический режим, преступления против человечности, Международный военный трибунал.*

Правовые идеи выдающегося немецкого правоведа, философа права XX в. Густава Радбруха (1878–1949), ставшего приверженцем «возрождения» естественно-правовой теории, не только оказали значительное влияние на развитие послевоенной мировой юридической мысли, но и оказались востребованными в контексте правоприменительной практики.

Являясь противником национал-социалистического режима, в своих работах ученый исследовал вопрос искажения правопонимания, произошедшего за двенадцать лет фашистского режима и связанную с ним проблему правоприменения. Возникновение общеизвестных принципов национал-социализма, суть которых сводилась к безусловному выполнению как приказа, так и закона, Густав Радбрух связывал с доминированием позитивистского правопонимания, следствием чего стала легитимация произвола в современном ему государстве.

Необходимо отметить, что вопрос о правопонимании Г. Радбруха в научной литературе являлся дискуссионным [1, с. 159–164]. Исходя из контекста как ранних, так и более поздних работ правоведа, нельзя не согласиться с утверждением Б.А. Кистяковского,

что Г. Радбрух «ориентирует науку о праве в философии культуры в том ее понимании, как оно установлено философской школой В. Виндельбанда и Г. Риккерта» [2, с. 19].

Точка зрения ученого на право, как «воли, стремящейся к справедливости», где под справедливостью он понимал возможность осуществлять правосудие «без оглядки на авторитет и ко всем подходить с одинаковой меркой», дает возможность выделить три элемента идеи права – справедливость, правовую стабильность, целесообразность. Он подчеркивал, что право не сводится к голой норме, оно должно стремиться к идеалу справедливости [3, с. 226]. Г. Радбрух признавал закон, обычай и судебную практику в качестве источников права, но подчеркивает, что высшим критерием должна была оставаться идея справедливости.

К неправовым законам ученый относил законы, провозглашавшие превосходство одной нации над другими. Кроме того, к неправовым относил законы, которые назначали одинаковую меру наказания за преступления различной тяжести, или, напротив, определяли дифференцированный подход в назначении наказания за одно и то же деяние в зависимости от политических убеждений обвиняемого.

Исходя из концепции правопонимания Г. Радбрухом была выведена его общеизвестная формула. «Конфликт между справедливостью и правовой стабильностью мог бы быть разрешен в том смысле, что позитивное и облеченное властной санкцией право имеет приоритет даже тогда, когда оно по содержанию несправедливо и нецелесообразно. Исключение составляют лишь ситуации, когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как «несправедливое право» отрицает справедливость» [4, с. 234].

В судебных актах послевоенного времени неоднократно цитировались правовые идеи Г. Радбруха, для устранения правовых коллизий и обоснования принимаемых решений, начиная с Международного военного трибунала в г. Нюрнберг, учрежденного по Соглашению от 8 августа 1945 г. между правительствами СССР, США, Великобритании, Франции и 19 присоединившихся государств. Трибунал впервые должен был осудить лиц, преступная деятельность которых привела к многомиллионным человеческим жертвам, причинению «неисчислимого ущерба многих стран и народов» [5, с. 6]. Решение проблемы с немецкими преступниками, формаль-

но не нарушавшими официально принятого и действовавшего законодательства Германии, требовало теоретического обоснования [6, с. 112–117].

В 1947 г. в ходе «малого» Нюрнбергского трибунала над нацистскими судьями, прокурорами и высокопоставленными чиновниками юстиции, ссылавшимися на принцип «нет преступления и наказания без указания на то в законе» и отмечавшие, что их работа соответствовала действовавшим на тот момент внутригосударственным законам, поэтому они не могут нести за нее ответственность. В судебном акте зафиксировано, что принятые ими судебные решения с международно-правовой точки зрения означали участие в организованной государством системе несправедливости и преследований, оскорбляющей нравственное чувство человечности [7, с. 134].

Таким образом, правовые идеи выдающегося немецкого ученого, сторонника Баденской школы неокантианства Густава Радбруха оказали существенное влияние на формирование концепции правопонимания в XX в.

Вторая мировая война стала тем рубежным периодом, когда многие ученые концептуально пересмотрели свои взгляды на государство и право. Именно в забвении теории естественного права ученый видел причину возникновения и распространения идей фашизма, которые привели к трагическим последствиям для народов мира.

Разграничение права и закона по их содержанию, понимание права через справедливость, неприменимость норм преступных законов остаются актуальными. Основной тезис ученого – абсолютно несправедливое право – неправо, был использован не только в теории, но и в правоприменительной практике и стал символом возрождения ценностного подхода к праву.

Список источников

1. *Шавеко Н.А.* Идея права по Густаву Радбруху // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2017. № 5. С. 159–164.

2. *Радбрух Г.* Введение в науку права / разрешенный авт. пер. со 2-го перераб. изд. М.М. Островской и И.З. Штейнберга; со вступ, ст. [«Методологическая природа науки о праве»] Б. Кистяковского. М.: Труд, 1915. XX, 139 с.

3. *Радбрух Г.* Пять минут философии права // Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.

4. *Радбрух Г*. Законное неправо и надзаконное право // Философия права. М., 2004.

5. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. матер.: в 7 т. / под общ. ред. Р.А. Руденко. Т. 2: Преступления против мира / [сост.: Г.Н. Александров, А.Ф. Волчков, Д.С. Карев, М.Ю. Рагинский]. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1958. 863 с.

6. *Серебренникова А.В.* К 70-летию нюрнбергского процесса: «формула Радбруха» (radbruchsche formel) и опыт ее применения на практике после объединения Германии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 112–117.

7. Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями: сб. матер. / сост. М.Ю. Рагинский; под общ. ред. и со вступ. ст. Р.А. Руденко М.: Юрид. лит., 1970. 352 с.

Быстряков Евгений Николаевич,
доцент кафедры криминалистики
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

Усанов Игорь Владимирович,
доцент кафедры криминалистики
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНВЕЙЕР: НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПС (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

В статье рассматривается возможность применения так называемого криминалистического конвейера как инструмента оптимизации хода расследования некоторых категорий преступлений.

Ключевые слова: *криминалистический конвейер, преступная деятельность, ОПС (преступная организация).*

Анализ статистики показывает, что в последние годы вновь обострилась проблема раскрытия преступлений, совершенных участниками ОПС.

Так, за первые пять месяцев 2024 г. посягателями указанной категории было совершено 16,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (за аналогичный период 2023 г. – 15,7 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений). Прирост составил 13,6%. (для сравнения: в 2022 г. посягателями указанной категории было совершено 10,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, в 2021 г. посягателями указанной категории было совершено 9,6 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений) [1]. Тенденция к усугублению проблемы налицо.

Одной из наиболее крупных преступных организаций, действовавших на протяжении длительного времени на территории Москвы, Подмосковья, Северной Осетии была организованная преступная группировка Аслана Гагиева. На ее счету убийства более 60 человек, в том числе устранение мэра Владикавказа Виталия Караева и его преемника Казбека Пагиева. В преступную организацию Гагиева входило около 50 человек. По приговору суда осенью

2023 г. Гагиев и наиболее активные участники возглавляемой им преступной структуры получили пожизненный срок лишения свободы, семеро объявлены в международный розыск [1].

Анализ практики показывает, что раскрытие совершаемых участниками ОПС преступлений имеет ряд проблем. Наиболее значимые из них – проблема ресурсов кадровых и времени, большое количество фигурантов, большое количество эпизодов, отсутствие структуры, специализирующейся на борьбе с ОПС.

Предлагаем в качестве инструмента, позволяющего оптимизировать раскрытие преступной деятельности участников указанных категорий посягателей использовать так называемый *криминалистический конвейер*. Под криминалистическим конвейером (КК) мы понимаем набор операций, осуществляемых основными компонентными участниками процесса раскрытия преступлений, а именно: оперативными работниками, следователями, судебными экспертами, судом.

Можно провести известную аналогию между рекомендуемым нами КК и производственным конвейером.

Основа производственного конвейера состоит в выполнении однотипных операций (или операции), направленных на решение определенной задачи производства с возможными вариациями (устранение мелких недоделок, допущенных предшественником).

Понятно, что процесс раскрытия преступлений (под которым мы понимаем процедуру от возбуждения уголовного дела до вынесения обвинительного приговора суда и вступления его в законную силу) имеет ряд особенностей.

Во-первых, это установление максимально объективной истины по уголовному делу.

Во-вторых, наличие специфических инструментов (ОРМ, процессуальные (в том числе и следственные действия), судебные экспертизы, судебное следствие).

В-третьих, специфические участники.

Со стороны обвинения: потерпевший, свидетель, оперативник, следователь.

Со стороны защиты: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, адвокат (защитник).

Нейтралы: эксперт, суд.

КК запускается стороной обвинения.

Первая группа задач: путем мониторинга информационной среды обнаружить признаки преступной деятельности ОПС (участок КК N1).

Исполнитель: оперработник.

Инструменты: практически все ОРМ, перечисленные в ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД.

Вторая группа задач: путем производства процессуальных действий сформировать доказательственную базу по преступной деятельности ОПС (участок КК N2).

Исполнитель: следователь.

Инструменты: практически все процессуальные действия, перечисленные в главах 24–27 действующего УПК РФ.

Третья группа задач: путем производства судебных экспертиз оказать помощь следователю в формировании доказательственной базы по преступной деятельности ОПС (участок КК N3).

Исполнитель: судебный эксперт.

Инструменты: процессуальные действия, перечисленные в главе 27 действующего УПК РФ на базе положений ФЗ «О государственной судебно экспертной деятельности в Российской Федерации».

Четвертая группа задач: путем производства судебного следствия проверить собранную следователем доказательственную базу по преступной деятельности ОПС (участок КК N4).

Исполнитель: судья (суд).

Инструменты: судебные действия, перечисленные в главе 37 действующего УПК РФ.

Рассмотрим наиболее проблемные вопросы, возникающие на отдельных участках КК.

На участке КК N1 имеется проблематика, по поводу которой А.И. Дворкин констатирует: «Версия о том, что данное преступное формирование является преступным сообществом, должна выдвигаться незамедлительно после поступления соответствующей информации, полученной оперативным путем или в результате следственных действий (допросов, обысков)» [2, с. 391].

Основная проблематика участка КК N2 обусловлена тем фактором, что приоритетной формой расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, является следственно- криминалистическая бригада. В силу этого эффективное выполнение следственно-криминалистической бригадой задач во многом определяется четким разграничением руково-

дящих, аналитических, исполнительских, технических функций между сотрудниками, входящими в нее, и организацией эффективных средств передачи криминалистически значимой информации. Главным распорядителем и руководителем производственного процесса является бригадир, т.е. следователь, принявший дело к своему производству [3, с. 92].

Дополнительная проблематика на данном участке КК обусловлена позицией потерпевшего по делу. Для определения правильной тактической линии допроса потерпевшего от преступления, совершенного ОПС, следователю необходимо правильно диагностировать его позицию. В этом случае надо исходить из личности потерпевшего. Биографические данные, отношение и поведение в семье, на работе, общение вне работы, характеристики сослуживцев, интересы, увлечения, отношения с обвиняемыми, их родственниками, друзьями позволят установить причины поведения потерпевшего [4, с. 126.].

На участке КК N3 основная проблематика обусловлена позицией главарей ОПС, как правило, отрицающих свое участие в преступной деятельности.

Так, роль Л. как организатора материально-технического обеспечения преступного сообщества была доказана заключением информационно-технической экспертизы по исследованию компьютера, изъятого по месту жительства Л. Оказалось, что файлы и фрагменты файлов жесткого диска системного блока компьютера содержали текстовые фрагменты, элементы оформления и графические изображения платежных поручений, бланки факсимильных соглашений, свидетельствующих о поступлении в преступное сообщество значительных сумм в долларах США [2, с. 400–401].

На участке КК N4, в ходе судебного следствия начинает сказываться противодействие, оказываемое процессу установления истины по делу адвокатом (защитником).

Суть проблемы – в недобросовестном выполнении адвокатом своего профессионального долга: защитник противодействует установлению истины по делу, прорабатывает для подозреваемого не систему правовой защиты, а систему ложных показаний [5, с. 61].

Практика показывает, что решить проблемы противодействия процессу раскрытия преступной деятельности ОПС возможно путем так называемого «оперативного сопровождения». Оно проявляется в форме своеобразного «опекания», т.е. по сути защиты

оперативниками потерпевших и свидетелей, дающих правдивые показания по делу. Данное сопровождение следует осуществлять до вступления приговора суда в законную силу.

Таковы в общих чертах особенности функционирования криминалистического конвейера по делам о преступной деятельности ОПС.

Список источников

1. Лихие 90-е вернулись: в России зафиксирован резкий взлет оргпреступности. URL: https://newizv.ru/news/2024-07-17/lihie-90-e-vernulis-v-rossii-zafiksirovan-rezkiy-vzlet-orgprestupnosti-431958 (дата: обращения: 30.05.2025).

2. Настольная книга следователя. Расследование особо тяжких преступлений против общественной безопасности (бандитизм, организация преступного сообщества, организация незаконных вооруженных формирований): науч.-метод. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М.: Экзамен, 2006. 495 с.

3. *Буркаев Н.М., Зорина И.Б.* Расследование преступлений организованных групп и сообществ: учеб.-практ. пособие. Ростов н /Д: Феникс, 2007. 190 с.

4. *Комиссаров В.И., Лакаева О.А.* Тактика допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами лиц. М.: Юрлитинформ, 2004. 160 с.

5. *Дворкин А.И., Сафин Р.М.* Расследование убийств, совершенных организованными группами при разбойных нападениях: науч.-метод. пособие. М.: Экзамен, 2003. 192 с.

Васильев Андрей Анатольевич,
профессор кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор исторических наук, профессор

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Статья, выносимая автором на обсуждение, связана с проблемами восприятия и осознания победы советского народа в Великой Отечественной войне современным российским обществом. Необходимостью раскрыть истоки утилитарного подхода к истории Запада, и, широкого распространенного в российском обществе, идеалистического подхода, препятствующего купированию западной пропаганды.

Ключевые слова: *исторические факты, фальсификация истории, русская цивилизация, российское общество, самоидентичность.*

Противостояние «цивилизованного» Запада и России охватывает не одно столетие. Со времен исторического выбора Руси – крещения по византийскому образцу и раскола христианской церкви в 1054 г. на протяжении тысячелетия Запад непрерывно ведет борьбу с русским государством и русской цивилизацией, которая сложилась в восточной части Европы и распространилась на северную половину Азии. Эта борьба ведется во всех сферах жизнедеятельности общества с применением всех известных методов и способов. Неизменно только одно – инициатором выступает Запад, а Россия отвечает, соответственно, пропуская первый удар. Такая неизменность ролей требует широкого научного теоретико-методологического взгляда на мировую историю. Но для общего понимания достаточно того, что экспансионизм и доминирование являются способом существования Запада. Россия же сосредоточена на освоении внутреннего пространства и выстраивании позитивных отношений с другими странами.

Соответственно, на различных исторических платформах сложились культурно-мировоззренческие, этнопсихологические сущности западной и российской цивилизации.

Общенаучное теоретическое описание цивилизационных кодов важно для понимания подходов к истории. Для Запада это способ изучения намеченной цели, элемент пропаганды, один из инстру-

ментов борьбы, когда научные принципы объективности и достоверности не имеют значения. Все подчинено достижению победы над назначенным противником.

Российской широкой общественностью изучение истории вообще, в том числе истории Великой Отечественной войны, воспринимается с академических позиций, извлечения уроков из того опыта, и, на этой основе достичь всеобщего международного консенсуса.

Стремление в 90-е гг. XX в. понравиться Западу привело к тому, что в российском обществе на разных уровнях – в общественной, в научной и образовательной среде стали отказываться от принципиальных оценок, от национального восприятия отечественной истории. Ряд научных сотрудников, общественных и политических деятелей, по разным причинам, увлеклись некими общечеловеческими подходами в оценках Второй мировой и Великой Отечественной войны, что привело в результате к обесцениванию роли Советского Союза в победе над нацизмом, к обесцениванию героизма советского народа.

Все начиналось с общих рассуждений о войне как явлении, которое несет всем зло и разрушение, и не требует указания инициатора. Это не несет позитивной энергии в строительство современных и будущих отношений России и Запада. Некоторые в российской научной и политической среде подхватили данный посыл. И концептуально предложили рассматривать проблематику Великой Отечественной войны с нейтральных («объективных») позиций.

Со стороны западных идеологов это был коварный удар, и мы его пропустили. Коварство заключалось в следующем. Взращенный в Европе в 1920–1930-е гг. нацизм потерпел политическое и военное поражение и крушение. На Нюрнбергском трибунале результаты Второй мировой войны нашли юридическое закрепление. Гитлеризм осужден международным правом. Вынесены и утверждены исторические уроки – нацизм не имеет права на существование, и не должен возродиться. И данное заключение не подлежит ревизии в дальнейшей истории человечества.

Но в 1990-е гг., после распада СССР, Запад навязывает нам мысль о необходимости научно-идеологических шагов на встречу их цивилизации. Российскому обществу, переживающему слом эпохи, задается направление в виде широких обсуждений и научных диалогов: конференции, ток-шоу, телемосты. Начинается финан-

сирование (в первую очередь вспоминается одиозный фонд Сороса) из-за рубежа научных проектов, создание новых учебников. Перечисленные практические действия должны привести к трансформации исторических оценок в России. Логика изменений мировоззрения россиян предполагала несколько последовательных этапов. Первый. Победа над нацистской Германией не искоренила противостояния в мире. Началась «холодная война». Для преодоления ее последствий надо искать пути сближения путем компромиссов и уступок. Второй. Война – ужасное явление. Поэтому не надо искать правых и виноватых. В принципе все стороны участвуют в разрушении и уничтожении. Оценочный пацифизм нам навязывался с целью нивелировать нашу роль в победе над нацизмом. Далее происходит переход к третьему этапу. Логика, навязанная Западом, предлагала следующий алгоритм развития научной и общественно-политической мысли. Во Второй мировой войне основными действующими силами являлись Германия и, противостоящий ей, СССР. Проблематика нацистской Германии всесторонне изучена и все основополагающие выводы сделаны. А история СССР требует изучения и осмысления с современных социально-философских и теоретико-методологических позиций. Этот подход хорошо «подогревался» финансово и организационно на Западе. Печально, что некоторые в России клюнули на эту псевдонаучную наживку, а некоторые соблазнились «тридцатью серебряниками». Мы об этой проблеме писали еще 10–15 лет назад [1–3]. В отношение продажных авторов говорить нечего. Они оказались предателями своей Родины, как например Резун (В. Суворов). Другие же, предпринимая попытки с современных научных позиций рассмотреть историю Великой Отечественной войны, в погоне за новизной всецело принимали западные подходы и оценки без должного критического анализа. А ведь многое из того, что предлагалось американскими, европейскими и рядом других ученых, носило конъюнктурный, политизированный, пропагандистский характер. Западные институты, ответственные за политико-идеологическую борьбу с оппонентами, скрыто или завуалировано поддерживали распространение тенденциозной и псевдонаучной информации в академической среде и в целом в российском обществе.

Тогда Запад достиг своих целей в несколько ходов: в войне правых нет, а нацистская Германия осуждена, осталось представить на суд истории СССР. Сам Запад в этой ситуации выступает незави-

симым сторонним субъектом, читай судьей. А мы тогда, в 1990-е гг., под американским и западноевропейским напором проявляли излишнюю уступчивость, бесхребетность в политике и научно-идеологических вопросах. Осудили договор (пакт) Молотова-Риббентропа, тогда как он отвечал нашим интересам в международной обстановке накануне Второй мировой войны. Согласились признать себя виновными в катынских расстрелах, хотя было много несоответствий, и ученые специалисты по этой теме сегодня аргументированно отрицают причастность СССР к тем событиям. Тенденциозно рассматривали деятельность И.В. Сталина, советского руководства, советских военачальников. Умаляли значение Советского Союза и превозносили роль союзников в победе над нацистской Германией. И с благодарностью принимали похвалы Запада за самокритичный и «объективный» подход с надеждой, что и они ответят тем же, перелистнув те трагические страницы истории. А сегодня мы будем творить историю, объединив усилия, соблюдая договоренности и дух партнерства, а может быть и союзничества?! Но это чушь!

Многовековое доминирование Запада, прагматизм и цинизм в реализации своих задач зацементировали в сознании государственных деятелей и политиков этой цивилизации, что договоры с туземцами – не обязательства, а прием обойти их сопротивление.

В своих публикациях по данной теме мы ссылались на талантливо выраженную мысль академиком РАН Н.Н. Моисеевым о сущности отношений России с Западом. И в данной статье считаем необходимым представить его цитату, которая глубоко и точно объясняет последствия распада СССР и качество взаимодействия на международной арене сегодня: «Россию никогда особенно не любили на Западе – мы всегда были для него неприятной альтернативой. Иначе и быть не могло: наши пространства, наш климат требовали иных правил общежития, иного миропредставления. Теперь на Западе облегченно вздохнули. И было от чего: великое государство само по себе, без всякой борьбы сдалось на милость победителей. Увы, далеко не благородных. Впрочем, я подозреваю, что «благородных победителей» вообще не бывает. Правда, Петр вернул шпаги пленным шведским офицерам, но, во-первых, Петр был русским, а во-вторых, он был не просто Петр, а Петр Великий» [4, с. 48].

Точкой отсчета борьбы (именно борьбы!) по защите исторической правды о Великой Отечественной войне является, президент-

ский Указ В.В. Путина от 2008 г. о подготовке новой многотомной истории Великой Отечественной войны и образовании Редакционной комиссии. Но на этом пути предстоит еще большая работа. Необходимо, чтобы в научном и общественном сознании утвердилось понимание об объективности подходов к истории России, нашей национальной истории, не с каких-то универсалистских позиций в контексте глобалистских идей и ценностей (читай западных), а с точки зрения национальных исторических задач, решаемых русским и другими народами многонациональной России – государства-цивилизации.

Список литературы

1. *Ермаков Ф.И., Васильев А.А.* Попытки фальсификации истории и предыстории Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы исторической науки: сб. науч. тр. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Вып. 7. С. 61–72.

2. *Ермаков Ф.И., Васильев А.А.* Великая Отечественная война: фальсификация ее истории // Защищая Отчизну: матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 65-летию Великой Победы. Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2011. С. 15–27.

3. *Васильев А.А., Соловьев В.Ю.* Аргументированная правда: как противостоять попыткам переписать историю Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в памяти народа, медиапространстве и оценках современных исследователей: сб. науч, ст. по матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию начала Великой Отечественной войны / под ред. О.А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. С. 50–62.

4. *Моисеев Н.Н.* Размышления о будущем России // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 5. С 44–52.

Васильева Анастасия Сергеевна,
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права
(Санкт-Петербургский государственный
экономический университет)

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕЗУЛЬТАТОВ, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Статья посвящена формированию научного представления о правовом режиме результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта. Проводится анализ российской и зарубежной судебной практики по вопросу правового режима результатов, полученных в ходе работы искусственного интеллекта. Автор приходит к выводу о том, что результаты, созданные с использованием искусственного интеллекта, являются производными произведениями. Поэтому необходимо выработать подходы к правовому регулированию обучения искусственного интеллекта и последующего создания результатов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, результаты интеллектуальной деятельности, объекты авторских прав, результаты деятельности искусственного интеллекта, переработка, правовой режим.*

В современном мире результаты, получаемые в процессе работы искусственного интеллекта (далее – ИИ), признаются охраноспособными, если автором таких результатов является человек, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности (далее – РИД). Сейчас в большинстве стран ИИ рассматривается в качестве инструмента в руках творца-человека. Однако в связи с усовершенствованием работы ИИ и грядущей его автономностью возможно разделение результатов, созданных с применением ИИ, на две категории: РИД и результаты деятельности ИИ. Последние в перспективе должны обладать такими характеристиками, как упомянутая автономность ИИ в процессе создания результата; отсутствие копирования творческих работ авторов-людей; невозможность создания другой программой с ИИ идентичного результата, даже с учетом одинаковых промтов (запросов) и наборов данных; отсутствие любого творческого вклада человека; непредсказуемость результата деятельности ИИ для

человека и некоторые другие характеристики [1]. Пока о таких результатах говорить рано, так как ИИ не является автономным.

Если презюмировать, что любой результат, созданный с использованием ИИ, является РИД, то необходимо ответить на вопрос, такой результат зависим от тех данных, на которых происходило обучение, или же ИИ «вдохновился» творческими работами и выдал совершенно иной результат на основе запроса человека, не являющийся переработкой? В этом случае ответ пока очевиден, ИИ не может ничего создать сам, сформировать какую-либо идею и воплотить ее. Об этом свидетельствует и новейшая российская судебная практика. Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области пришел к выводу о том, что использование изображений в видеоролике, сгенерированном с применением ИИ, является переработкой [2]. Итак, если ИИ обучается на определенном наборе данных, то его результат является переработкой этих РИД. Переработка – один из способов использования произведения, осуществлять такое действие без согласия правообладателя нельзя. Следовательно, требуется заключение договора для использования РИД при обучении ИИ и для последующего создания ИИ-результата. Здесь важно подчеркнуть прямую связь между тем набором данных, на основе которого происходило обучение, и получаемым на выходе результате, созданном с использованием ИИ. В зарубежной практике две всемирно известные компании-кинопроизводители Disney и Universal подали в суд на Midjourney. Последняя занимается разработкой программного обеспечения, на основе которого возможно генерировать контент. Истцы заявляют, что ответчик копирует персонажей Disney и Universal. Также Midjourney воспроизводит, публично показывает, распространяет РИД, генерирует на основе защищенных авторским правом произведений работы (производные произведения). В иске содержится более 20 примеров промтов (запросов) и получаемых ИИ-работ, копирующих охраняемых персонажей, правообладателями которых являются истцы [3]. Стоит отметить, что это является первым иском, который предъявили крупные мировые компании и который направлен на запрет использования РИД в случае генерации ИИ-результатов.

С другой стороны, возникает вопрос, почему невозможно распространить подход, состоящий в возможности обучать ИИ на любых объектах авторских прав без заключения договоров? Напри-

мер, в Японии данный подход активно обсуждался несколько лет назад [4]. Поскольку ИИ обучается на множестве данных, так же как человек перед созданием РИД вдохновляется чем-либо, в том числе произведениями других людей, то было бы возможно не регулировать данный вопрос. Однако не стоит отождествлять творческий процесс по созданию РИД человеком и генерацию результата деятельности ИИ. Так, американским исследователем проведено разграничение чтения человека для вдохновения, на базе чего в последующем может быть создан РИД, и «web scrapping» (веб скрэппингом). Аналога перевода данного термина на русский язык нет, поэтому будем использовать транслитерацию. Веб скрэппинг предполагает, что с сайтов в сети Интернет извлекается информация с использованием автоматизированных средств. Сходство данных процессов заключается в том, что и чтение, и веб скрэппинг направлены на сбор информации, которая может послужить материалом для создания определенных результатов. Однако отличия данных процессов состоят в следующем. Во-первых, скорость обработки информации. Веб скрэппинг представляет собой автоматический процесс, чтение же осуществляется человеком. Из-за этого скорость обработки информации отлична, в первом случае процесс может занимать доли секунд, во втором – намного больший период времени. Во-вторых, при веб скрэппинге основная цель состоит в извлечении большого массива данных, чтение человека ориентировано на понимание. В-третьих, при веб скрэппинге обработка данных происходит с любых веб сайтов, чтение же ограничивается только теми сайтами, которые могут быть изучены человеком. Например, новостные сайты и блоги [5, с. 7]. По этой причине говорить, что ИИ «вдохновляется» чужими РИД по аналогии с творческим вдохновением человека, нельзя. Таким образом, ИИ не схож в процессе создания результата с человеком.

Подводя итог данному исследованию, можно прийти к выводу о том, что результат, получаемый в процессе генерации ИИ, является производным произведением. Из-за того, что создание производных произведений требует соблюдения прав авторов произведений, использованных для генерации производных, необходимо выработать подходы к регулированию обучения ИИ и последующего создания ИИ-результатов. К таковым, в частности, можно отнести заключение лицензионного договора между разработчиком ИИ и правообладателем РИД, предметом договора может выступать

предоставление права использования объекта авторских прав для обучения ИИ (воспроизведение и переработка), разметка объекта авторских прав, использование совместно с другими объектами авторских прав, включение объекта авторских прав в состав наборов данных, необходимых для разработки ИИ [6]. Это позволит обучать ИИ на огромном массиве данных, включающем объекты авторских прав, при этом не нарушая права авторов и правообладателей при создании производных произведений, которыми и являются результаты, созданные с использованием ИИ.

Список источников

1. *Васильева А.* Критерии (условия) охраноспособности результатов деятельности искусственного интеллекта, сопоставимых с объектами авторских прав // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сб. матер. XIII Междунар. юрид. форума (IP-Форума): в 2 т. Москва, 14–15 февраля 2025 г. М.: ИЦ Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 27–30.

2. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-64314/2024 от 20 мая 2025 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Case No. 25–5275. DISNEY ENTERPRISES, INC., a Delaware corporation; MARVEL CHARACTERS, INC., a Delaware corporation; MVL FILM FINANCE LLC, a Delaware limited liability company; LUCASFILM LTD. LLC, a California limited liability company; TWENTIETH CENTURY FOX FILM CORPORATION, a Delaware corporation; UNIVERSAL CITY STUDIOS PRODUCTIONS LLLP, a Delaware limited liability limited partnership; and DREAMWORKS ANIMATION L.L.C., a Delaware limited liability company, Plaintiffs, v. MIDJOURNEY, INC., a Delaware corporation, Defendant.

4. Япония не будет охранять права авторов в части обучения искусственного интеллекта. URL: https://national-expertise.ru/blog/japan_authors_ai/ (дата обращения: 01.06.2025).

5. *Aragon R.* The Copyright Conundrum. AI and the Future of Creativity. 26 October 2023. 100 p. P. 7.

6. *Васильева А.С.* Использование объектов авторских прав для обучения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 80–84.

Воронцова Елена Владимировна,
доцент кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства (Юго-Западный государственный университет), кандидат юридических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕХАНИЗМЫ ЕГО ЗАЩИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

В статье рассматривается процесс закрепления права на охрану здоровья в конституционном законодательстве советского периода и в современной России. Отмечается роль отраслевого законодательства в механизме охраны здоровья. Особое внимание обращается на изменения, внесенные в текст Конституции РФ в 2020 г., касающиеся вопросов охраны здоровья населения.

Ключевые слова: *право на охрану здоровья, конституционное закрепление, охрана здоровья граждан, система здравоохранения, отраслевое законодательство.*

Говоря о конституционном регулировании права на охрану здоровья, следует отметить, что в нашей стране данное право стало приобретать конституционно-правовое закрепление только с 1936 г., т.е. имеет совсем небольшую историю. С формально-юридической точки зрения только Конституция СССР 1936 г. содержала положения, которые объективно можно рассматривать в качестве правового закрепления сущностного содержания права на охрану здоровья в его современном понимании. Данный правовой акт, декларируя право граждан СССР на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, обозначал таким образом некоторые варианты реализации основополагающего права человека в области охраны здоровья (ст. 120 Конституции СССР, 1936 г.) [1]. При этом как таковое «право на охрану здоровья» в Конституции 1936 г. не закреплялось, однако содержавшиеся в упомянутой Конституции положения были значительным шагом на пути к созданию правового механизма реа-

[1] Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

лизации права на охрану здоровья, поскольку ранее принятые конституции – Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР 1924 г., Конституция РСФСР 1925 г., вообще не содержали положений, касавшихся прав граждан в области здоровья.

Кардинальные изменения в сфере правового регулирования вопросов охраны здоровья произошли в 1977 г. с принятием новой Конституции СССР, в которой право граждан на охрану здоровья закреплялось в качестве конституционного (ст. 42 Конституции СССР 1977 г.) [2]. Это стало основой для формирования государственной системы здравоохранения, которая, в свою очередь, являлась институциональным выражением государственно-правовой политики, направленной на реализацию вышеназванного права.

Практика конституционного закрепления основ государственной политики в области охраны здоровья получила свое развитие и в дальнейшем. Конституция РФ 1993 г. провозгласила право на охрану здоровья для каждого (ст. 41) [3]. Кроме того, конституционное закрепление получило и право на медицинскую помощь, причем Основной закон предусмотрел возможность ее бесплатного оказания в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения.

Упомянутые конституционные положения были конкретизированы в целом ряде федеральных законов: от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» и др., а также в стратегических документах. Так, в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года обращается внимание на то, что неблагоприятная окружающая среда является причиной ухудшения здоровья и повышения смертности населения [4]. В данном случае хотелось бы отметить, что в российском законодательстве обеспечение охраны окружающей среды рассматривается в качестве одного из основополагающих условий реализации права на охрану здоровья. В этом смысле экологическое право обладает

значительным потенциалом в качестве отрасли, нормы которой напрямую содействуют реализации данного конституционного права граждан.

Однако развитие отраслевого законодательства не исключает дальнейшего совершенствования непосредственно конституционно-правовых механизмов охраны здоровья. В этой связи хотелось бы обратить внимание на ряд дополнений, внесенных в текст Конституции РФ в 2020 г. В первую очередь следует сказать об *установлении единых правовых основ системы здравоохранения*, которые, согласно тексту Основного закона, относятся к ведению Российской Федерации (ст. 71) [3]. Закрепление данного положения говорит о возрастании роли государства в регулировании всех вопросов, связанных с охраной здоровья граждан, что, в свою очередь, обусловливается публично-правовым характером здоровья как социального блага.

Изменения внесены и в текст ст. 72 Конституции РФ, которая определяет предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. В рамках скоординированной деятельности теперь должны решаться такие вопросы как *обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирование культуры ответственного отношения к своему здоровью* [3]. На наш взгляд, конкретизация данных направлений совместной деятельности Российской Федерации и субъектов РФ оптимизирует функционирование всей системы здравоохранения в нашей стране, поскольку позволяет более эффективно использовать потенциал регионов в деле охраны здоровья.

Сохранению физического и психического здоровья населения, вне всякого сомнения, способствуют и нормативные положения, внесенные в текст ст. 114 Конституции России. Речь идет о *социальной ориентированности государственной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранении традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды*. На сохранение здоровья россиян направлены и нормы, закрепляющие за Правительством РФ обязанность осуществлять меры, направленные на *создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду* [3].

Таким образом, закрепление дополнительных положений, касающихся охраны здоровья граждан на конституционном уровне свидетельствует о пристальном внимании государства к данной проблеме. Однако одного лишь конституционного закрепления данных положений недостаточно для формирования эффективной системы охраны здоровья. Конституционно-правовые механизмы данной охраны должны конкретизироваться в отраслевом законодательстве, что требует активизации законодательной деятельности в данном направлении.

Список источников

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937 г.

2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии ВС СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.

3. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.06.2025).

4. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17 ст. 2546.

Воронцова Елена Владимировна,
доцент кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства (Юго-Западный государственный университет), кандидат юридических наук, доцент

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ[1]

Статья посвящена анализу современного состояния проблемы обеспечения продовольственной безопасности в России. Выделяются основные индикаторы обеспечения продовольственной безопасности, исследуются факторы, оказывающие негативное влияние на данный процесс. Обращается внимание на несовершенство правового механизма обеспечения продовольственной безопасности нашей страны.

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, пищевая продукция, обеспечение продовольственной безопасности, правовой механизм, качество, безопасность.*

Термин «продовольственная безопасность» впервые был введен в оборот в 1974 г. на Всемирной конференции по проблеме продовольствия, которая состоялась в Риме по инициативе Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Что касается нашей страны, то в официальных документах и научной литературе данный термин начинает широко использоваться со второй половины 90-х гг. XX в. В настоящее время легальное определение понятия «продовольственная безопасность» содержится в Доктрине продовольственной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. Согласно данному документу продовольственная безопасность Российской Федерации – состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах

[1] Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

Анализ вышеназванного определения позволяет сделать вывод о том, что в его содержании перечислены основные индикаторы обеспечения продовольственной безопасности. В качестве таковых в Доктрине продовольственной безопасности названы: продовольственная независимость, экономическая доступность продовольствия, физическая доступность продовольствия, соответствие пищевой продукции требованиям Евразийского экономического союза о техническом регулировании. Соответственно, на достижение пороговых значений данных индикаторов и направлена разносторонняя деятельность государства в области обеспечения продовольственной безопасности, тем более, что она является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики. Не будем забывать и том, что продовольственная безопасность является необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения.

Анализируя современную ситуацию в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, хотелось бы отметить, что на устойчивость процесса обеспечения необходимого уровня продовольственной безопасности нашей страны негативное влияние оказывают экономические санкции недружественных государств, что отражается на стабильности финансовой, банковской и иных сфер экономической деятельности. Существенное влияние на решение задач по обеспечению продовольственной безопасности оказывают проблемы с импортом сельскохозяйственной продукции, производственного оборудования, сырья, агрохимии и иных необходимых для производства продуктов питания материалов. При этом хотелось бы отметить, что подобное положение вещей, с одной стороны, создает очевидные трудности для производственной деятельности российских аграриев, а с другой стороны оказывает положительное влияние на ускорение темпов развития отечественных сельскохозяйственных технологий и иных факторов, способствующих достижению продовольственной безопасности.

Однако вопросами экономики и агротехнологий дело не ограничивается. В комплексе всех мер, направленных на достижение продовольственной безопасности, важную роль играет правовой механизм ее обеспечения. При этом данный механизм в нашей стране нельзя признать совершенным. Для российского законодательства в области обеспечения продовольственной безопасности характерны понятийные расхождения, пробельность, декларативный характер многих положений. Помимо этого, очевиден правовой дисбаланс в области обеспечения качества и безопасности товаров в сторону преимущественного обеспечения безопасности товаров в ущерб их качеству.

Таким образом, вопросы правового обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации по-прежнему являются весьма актуальными, что требует повышенного внимания к ним со стороны законодателя. При этом нашему государству удалось добиться определенных успехов в части обеспечения своей продовольственной безопасности. Данные Росстата свидетельствуют о том, что по уровню самообеспечения основными видами продовольствия наша страна практически вышла на уровень необходимых пороговых показателей [2]. Анализ полученных результатов исследованных проб продовольственного сырья и пищевой продукции, соответствующих требованиям ТР ТС и ТР ЕАЭС, по данным Государственного доклада «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2024 году», также показал положительную динамику. Так, доля проб, не соответствующих требованиям ТР ТС и ТР ЕАЭС, имеет тенденцию к снижению и составила 2,4 % в 2024 г. против 3,4 % в 2015 г. [3, с. 82]. При этом для полноценного решения проблемы продовольственной безопасности необходима системная поддержка (организационно-правовая, финансовая и т.д.) российских агропроизводителей со стороны государства и совершенствование правового механизма ее обеспечения.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4, ст. 345.

2. Уровень самообеспечения основными продуктами питания по Российской Федерации. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/K_so.xls (дата обращения: 01.06.2025).

3. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2024 году: государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2025. 424 с.

Ворошилова Светлана Вячеславовна,
профессор кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор юридических наук, профессор

ПРАВОВАЯ ОХРАНА МАТЕРИНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена правовым мероприятиям, направленным на защиту беременных женщин и матерей в условиях Великой Отечественной войны. Отдельное внимание уделяется мерам юридической ответственности за нарушение прав беременных женщин и склонение женщин к прерыванию беременности.

Ключевые слова: *Указ 8 июля 1944 г., материнство, беременные женщины, аборт.*

Охрана семьи, материнства и детства в условиях необходимости преодоления негативных демографических тенденций является приоритетной задачей государства, что подтверждается Указом Президента РФ от 15 августа 2022 г. [1]. Поиск эффективных механизмов укрепления семьи и повышения рождаемости, защиты беременных женщин и женщин с детьми предполагает обращение к отечественному опыту.

Великая Отечественная война стала страшной трагедией для всего советского народа. Резкое снижение рождаемости и рост смертности, в том числе, младенческой, обострили необходимость всемерной поддержки материнства [2, с. 8]. Среди нормативных правовых актов, направленных на защиту репродуктивного здоровья женщин, а также охрану материнства и детства особую роль сыграл Указ Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. (далее – Указ) [3].

Устанавливая награды и знаки отличия (медаль «Материнство», орден «Материнская слава» и почетное звание «Мать-героиня»), Указ приравнивал материнство к совершению героического поступка, что, в условиях военного времени, не вызывало сомнений.

Закрепляя понятие «многодетность», Указ определил выплаты и соответствующие льготы для женщин при рождении третьего и каждого следующего ребенка, как рожденного данного матерью, так и усыновленного, а также погибшего или пропавшего без вести на фронтах Отечественной войны (ст. 2). Стоит подчеркнуть,

что прежнее законодательство предусматривало выплату пособия только при рождении седьмого и последующих детей [4].

Если в начале войны размер государственных пособий по беременности и родам значительно снизился [5, с. 233], то с изданием Указа ситуация изменилась. Выплаты предоставлялись как единовременно, так и на ежемесячной основе, начиная со второго года жизни ребенка и до достижения им пятилетия. Размер пособия увеличивался с рождением каждого последующего ребенка. Так, при достижении двухлетнего возраста четвертым ребенком, мать получала единовременную выплату в размере 1 300 рублей и далее – по 80 рублей ежемесячно. В случае рождения одиннадцатого и каждого следующего ребенка, мать получала единовременно 5 000 рублей и 300 рублей ежемесячно (ст. 2). Так, благодаря Указу, по сведениям В.Н. Данилова, «в Саратове и области дополнительные материальные льготы получило 12 тыс. женщин. К весне 1945 г. было выплачено государственных пособий многодетным и одиноким матерям на сумму почти 3,5 млн руб.» [5, с. 234].

В условиях войны существенно возрастает число вдов и незамужних женщин с детьми, что повышает значение государственной поддержки не только многодетных семей, но и одиноких матерей [6, с. 50]. Повышение размера государственных пособий и установление льгот для беременных (запрет на сверхурочные работы, начиная с четырех месяцев беременности) и кормящих матерей (запрет привлекать к работам в ночное время), свидетельствуют о стремлении государства сохранить репродуктивное здоровье женщин. Уже в Проекте Указа, разработанном Н.С. Хрущевым, предлагалось предоставить двойной паек беременным женщинам и всем кормящим матерям. Неработающим матерям, имеющим более четырех детей, предлагалось выдавать продовольственную карточку, соответствующую по норме хлеба и продовольствия карточке рабочего [7, с. 60].

Эти меры были закреплены Указом от 8 июля 1944 г., согласно которому отпуск по беременности и родам увеличивался на две недели; нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам и кормящим матерям удваивались (ст. 8); а для многодетных семей (пять и более детей) и малоимущих родителей плата за детские учреждения снижалась на 50 % (ст. 10) [3].

В Постановлении СНК СССР от 10 ноября 1944 г. № 1571 предусматривалось усиление мер государственной поддержки мате-

ринства и детства путем расширения сети родильных домов и детских дошкольных учреждений, повышения качества медицинского и бытового обслуживания женщин и детей [8].

Другим направлением правовой политики, направленной на повышение рождаемости, являлось усиление борьбы с прерыванием беременности. Напомню, что Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 65/1134 от 27 июня 1936 г. предусматривало «За производство абортов вне больниц или в больнице, но с нарушением указанных условий, установить уголовное наказание врачу, производящему аборт, – от 1 года до 2 лет тюремного заключения, а за производство абортов в антисанитарной обстановке или лицами, не имеющими специального медицинского образования, установить уголовное наказание не ниже 3 лет тюремного заключения» (ст. 2) [4].

Вместе с тем эти радикальные меры способствовали росту криминальных абортов, что подтверждается судебной практикой. Так, по сведениям Министерства юстиции СССР число подобных преступлений в 1949 г. увеличилось в пять раз. Число осужденных возросло по сравнению с 1948 г. в Украинской ССР – на 39,8 %, в РСФСР – на 58,2 %, в Грузинской ССР – на 92,9 %, в Азербайджанской ССР – на 145 % [9, л. 37, 77–83].

Министерство юстиции и Генеральная прокуратура СССР рассматривали уголовную ответственность и идеологическое воздействие в качестве эффективных мер противодействия данным правонарушениям, критикуя применение мягких наказаний за склонение женщин к прерыванию беременности и совершение криминального аборта. В докладе заместителя генерального прокурора СССР министру юстиции СССР К.П. Горшенину подчеркивалось, что «в большинстве случаев суды назначают лицам, совершившим преступные аборты, неоправданно мягкие наказания». Кроме того, отмечалось, что «суды систематически нарушают п.4. постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. № 14/11/У «О судебной практике по делам о преступных абортах и самоабортах», обязывающий суды после вступления в законную силу приговора об объявлении общественного порицания женщине, осужденной по ст. 140 «б» УК РСФСР и соответствующим статьям других республик, направлять копию приговора общественным организациям по месту работы или по месту жительства осужденной» [10, л. 15–20].

Таким образом, в условиях Великой Отечественной войны Советское государство осуществляло целый комплекс правовых мероприятий, направленных на всемерную поддержку материнства, сочетая материальное и моральное поощрение рождаемости с усилением мер уголовного преследования за нарушение прав беременных женщин и совершение криминального аборта.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 15 августа 2022 г. № 558 «О некоторых вопросах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48239 (дата обращения: 16.06.2025).
2. *Исупов В.А.* Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3–18.
3. Указ ПВС СССР от 8 июля 1944 г. № 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.
4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». М.: б.и., 1937. 15 с.
5. *Данилов В.Н.* Основные направления социальной поддержки населения в годы Великой Отечественной войны: опыт Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т.16, вып. 2. С. 230–239.
6. *Ворошилова С.В.* Указ ПВС СССР от 8 июля 1944 г. об усилении охраны материнства и детства и его роль в укреплении семьи // История государства и права. 2025. № 6. С. 48–55.
7. *Nakachi M.* Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. № 1. Vol. 20. P. 40–68.
8. Постановление СНК СССР от 10 ноября 1944 г. № 1571 «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучше-

нию медицинского и бытового обслуживания женщин и детей». https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42802#xLofpqUqal2SluPP2 (дата обращения: 15.06.2025).

9. Переписка по делам о преступных абортах и самоабортах // ГАРФ. Ф. Р-9492 (Министерство юстиции СССР). Оп. 1а. Д. 648.

10. Переписка по делам о преступных абортах и самоабортах. ГАРФ. Ф. Р-9492 (Министерство юстиции СССР). Оп. 1а. Д. 736.

Вяткин Андрей Николаевич,
старший преподаватель кафедры криминалистики
(Уфимский университет науки и технологий)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СТАДИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ЗАГРЯЗНЕНИИ ПРИРОДЫ

В статье автор формулирует в схематичном виде основанные на анализе следственной и судебной практики предложения по использованию моделирования судебной стадии уголовного судопроизводства с учетом особенностей криминалистической характеристики уголовных дел о загрязнении окружающей природной среды.

Ключевые слова: *загрязнение природы, криминалистическая характеристика, прогнозирование, моделирование, планирование, тактика.*

Актуальность проблемы противодействия загрязнению окружающей природной среды не вызывает сомнений у кого-либо из современных исследователей в этой сфере [1, с. 87], подтверждается открытыми данными, публикуемыми специализированными органами [2], находит отражение в программных документах, регламентирующих государственную стратегию Российской Федерации в сфере экологии [3].

На этом фоне возникают некоторые сомнения в достоверности статистики о количестве уголовно-наказуемых фактов загрязнения природы, фиксируемых на территории России. По данным Министерства внутренних дел РФ, общее число преступлений в сфере экологии составляет порядка 20 000 ежегодно; в их структуре основную массу составляют незаконные рубки, на долю загрязнения компонентов природы – почвы, вод и атмосферы приходится менее 10 000 [4]. Количество приговоров судов по данной категории уголовных дел за 2024 г. составило менее 400 [5].

В свою очередь, низкий уровень выявления и пресечения уголовно-правовыми средствами фактов загрязнения природы обусловлен следующими основными факторами: низкий уровень правосознания населения, несовершенство правового регулирования, высокая степень коррупциогенности сферы экологического контроля [6, с. 163].

Перечисленные обстоятельства в их совокупности диктуют необходимость дальнейшего поиска инструментов повышения эф-

фективности противодействия преступлениям в рассматриваемой сфере. Полагаем, что к их числу следует отнести моделирование судебной стадии уголовного судопроизводства, осуществляемое на этапе предварительного расследования. Традиционно применяемое в криминалистике моделирование состоит в «создании материальной или мысленной модели, которой присуще необходимое для исследования сходство с оригиналом, находящимся в уголовно-процессуальной сфере, и в последующем исследовании указанной модели в качестве средства получения необходимой для раскрытия и расследования преступлений криминалистически значимой информации» [7, с. 122]. Моделированию как методу познания при расследовании посвящены труды И.М. Лузгина [8, с. 94], Д.Н. Лозовского [9, с. 115], Б.П. Смагоринского [10, с. 111], Л.Г. Шапиро [11, с. 226] и др.

В последние годы отмечается возрастание как практического, так и научного интереса и к моделированию на этапе расследования предстоящего судебного процесса. Во многом это обусловлено реформированием уголовного судопроизводства, обусловленного введением принципа состязательности, институтов присяжных заседателей. Наряду с публичным характером судебной стадии названные факторы предъявляют особые требования к качеству производства расследования (в широком смысле), прогнозированию осложнения ситуации в ходе судебного следствия, заблаговременному планированию тактики государственного обвинения.

Очевидно, что моделирование по каждой категории уголовных дел имеет свои особенности. Основой для прогнозирования развития судебно-следственной ситуации может служить складывающаяся по ним судебная практика. Вероятность комплексного и последовательного противодействия стороны защиты предварительному расследованию и рассмотрению дела в суде с учетом особенностей криминалистической характеристики загрязнения природы является крайне высокой [12, с. 75]. Так, рассмотренные судами дела о загрязнении природы промышленными предприятиями, где подсудимыми были их руководители, во всех случаях характеризовались активной позицией защиты, стремящейся развивать успех при каждом поводе, представляемом стороной обвинения: последовательно обжаловать действия и решения органа расследования, заключения специалистов и экспертиз, опираясь на несовершенство правового регулирования и инертность, номи-

нальность и формализм участия в деле представителя потерпевшего (сотрудника органа экологического контроля).

При получении доказательств обвинения (показаний свидетелей, формально признательных показаний обвиняемого; подтверждающих основную версию следствия заключений экспертиз), следует прогнозировать ухудшение следственной ситуации, изменения показаний, опровержения заключения экспертизы и т.д., своевременно принимая исчерпывающие меры к закреплению доказательств. Например, применение видеосъемки изъятия и упаковывания проб загрязненного компонента природы, сводит шансы успешности оспаривания защитой полученных таким образом доказательств к нулю.

Моделирование предстоящего судебного процесса может осуществляться посредством:

- обязательного проведения очных ставок обвиняемого со свидетелями, которые позволяют прогнозировать поведение свидетелей обвинения в условиях предстоящего публичного, перекрестного допроса в рамках судебного следствия в условиях состязательности уголовного процесса. Проведение очной ставки позволяет осуществить психологическую подготовку свидетеля к этому; прогнозировать возможные изменения его показаний и своевременно принять соответствующие тактические меры, допроса подозреваемого (обвиняемого) на месте загрязнения природы; проверки его показаний на месте, которые также характеризуются публичностью в условиях присутствия на допросе ряда иных участников судопроизводства (понятых, специалистов и т.д.). Следователю представляется возможность визуального наблюдения за поведением допрашиваемого, степенью уверенности его ориентирования в обстановке, что способствует формированию его убеждения в виновности допрашиваемого, позволяет прогнозировать его поведение во время предстоящего публичного допроса на судебной стадии,
- инициирования проведения на последующей стадии расследования оперативного совещания с прокурором, осуществляющим надзор за соблюдением законности при производстве расследования и оперативно-розыскной деятельностью; сотрудниками органа, осуществляющего оперативное сопровождение; представителями аппарата прокуратуры субъекта РФ, осуществляющими зональный контроль за осуществлением законности на стадии расследования и при поддержании государственного обвинения в целях моделиро-

вания предстоящего судебного следствия. В рамках такого совещания целесообразно:

- изложить доказательства обвинения и защиты в порядке, установленном для судебного следствия;
- совместно спрогнозировать возможные вопросы его участников;
- обсудить наличие или возможность возникновения оснований для признания каких-либо из доказательств недопустимыми;
- совместно оценить их достоверность, относимость и достаточность для принятия решения по делу;
- обсудить спорные вопросы квалификации, способные осложнить на предстоящем судебном процессе выполнение задач, стоящих перед государственным обвинителем;
- рассмотреть тактические приемы государственного обвинения, применимые в рамках предстоящего процесса по конкретному делу, последовательность представления доказательств обвинения и его оперативное сопровождение.

В условиях, осложненных негативными факторами обстановки преступления рассматриваемого вида, это позволяет своевременно выявить и устранить недостатки расследования, обеспечить эффективное выполнение задач уголовного судопроизводства.

Список источников

1. *Минаков А.В.* Региональные проблемы обеспечения экологической безопасности // Принципы построения новой экосистемы: социальные, экономические и юридические аспекты: монография. Чебоксары: Среда, 2025. С. 87–105.

2. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году» // Официальный сайт Минэкологии России. URL: https://www.mnr.gov.ru/ (дата обращения: 12.05.2025).

3. Стратегия экологической безопасности РФ до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201704200016.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

4. Официальный сайт МВД России: статистика и аналитика. URL: https://мвд.рф/dejatelnost (дата обращения: 12.05.2025).

5. Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 12.05.2025).

6. *Вяткин А.Н.* Некоторые вопросы криминалистической характеристики загрязнения вод // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 4(78). С. 163–170.

7. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия: монография. / под ред. Н.П. Яблокова. М.; Калининград: Калининигр. ун-т, 1997. 248 с.

8. *Лузгин И.М.* Моделирование при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1981 г. 152 с.

9. *Лозовский Д.Н.* Использование метода криминалистического моделирования в процессе расследования преступлений // Бизнес в законе. 2010. № 1. С. 115–118..

10. *Ковалев С.А., Смагоринский Б.П.* Использование криминалистического компьютерного моделирования при планировании расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4(26). С. 111–123.

11. *Шапиро Л.Г.* Основные направления развития криминалистической методики в условиях цифровизациии глобализации преступности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6(143). С. 224–229..

12. *Вяткин А.Н.* Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере экологии: междисциплинарный подход // Международный вестник криминалистики. 2023. № 4(88). С. 75–84.

Галкин Михаил Александрович,
аспирант кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия)

СУБЪЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассматривается круг участников уголовного судопроизводства, имеющих право на получение квалифицированной юридической помощи. Автор приходит к выводу о недопустимости отождествлять конституционное право на получение такого рода юридической помощи, гарантированное всем гражданам рф, и право участников процесса в его уголовно-процессуальном истолковании. Правом привлечь адвоката к участию в процессуальных действиях наделены только определенные участники уголовно-процессуальной деятельности, для которых данное право прямо предусмотрено УПК РФ.

Ключевые слова: *квалифицированная юридическая помощь, заинтересованные участники уголовного процесса, адвокат, представитель.*

В российском отраслевом законодательстве до настоящего времени не дано понятия квалифицированной юридической помощи. В опубликованном в 2008 г., но так и не принятом законопроекте «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации», под такой помощью подразумевалась «любая деятельность по предоставлению на постоянной профессиональной основе юридических услуг на территории Российской Федерации, которые могут состоять в «консультировании по вопросам права и разъяснении прав и обязанностей юридическим и физическим лицам; в подготовке и составлении юридически значимых документов; в представительстве и защите интересов юридических и физических лиц в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, в защите и представительстве в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях; в представительстве и защите интересов лиц в третейском суде, в органах государственной власти, местного самоуправления, общественных объединениях и иных организациях; в осуществлении иных видов деятельности

с целью обеспечения или защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц» [1].

Тем самым квалифицированная юридическая помощь – это вид юридической деятельности, которая представляет собой «нормативно регламентированную систему действий, осуществляемых соответствующими субъектами в четко установленных законом формах с использованием средств и способов, направленных на достижение правовых целей» [2].

В уголовном судопроизводстве квалифицированную юридическую помощь по большей части оказывают адвокаты, осуществляя защиту лиц, подвергаемых уголовному преследованию, и представляя интересы иных участников процесса. Кроме того, представлять интересы участников уголовного процесса – юридических лиц также могут иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом РФ, осуществлять такого рода деятельность.

Правом на получение квалифицированной юридической помощи при производстве по уголовным делам, в соответствии с УПК РФ, наделены заинтересованные участники процесса, причем не только со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик), но и со стороны обвинения (потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец). Кроме этих лиц, которые прямо заинтересованы в исходе уголовного дела, законодатель предоставил право воспользоваться помощью адвоката и некоторым лицам, отнесенным к группе «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ): свидетелю, а также лицу, в помещении которого производится обыск (п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189, ч. 11 ст. 182 УПК РФ). В процессуальной литературе высказана точка зрения о том, что перечень последних субъектов – обладателей данного права – должен быть расширен. Так, Е.Г. Ларин считает, что по смыслу положений уголовно-процессуального закона правом на получение квалифицированной юридической помощи также обладают лица, в помещении которых производится выемка; лица, предъявляемые для опознания; лица, в жилище которых производится осмотр, а также лица, подвергнутые личному обыску в помещении, где производится обыск [3, с. 7–8, 14].

Многие ученые процессуалисты, опираясь на положения ст. 48 Конституции РФ о том, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, полагают, что таким правом должны быть наделены все участники уголовного

судопроизводства, «независимо от того в каком процессуальном статусе они привлечены к участию в деле. Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этим лицам получить должное представление о своих правах и обязанностях» [4, с. 21]. Другие авторы также указывают на то, что квалифицированную юридическую помощь, «как целенаправленную деятельность адвоката по содействию в использовании предоставленных законом возможностей», могут получать любые лица, вовлекаемые в сферу уголовно-процессуальных правоотношений» [5, с. 17], что такая помощь должна оказываться в «целях содействия в реализации, защите прав, свобод и законных интересов каждого в уголовном судопроизводстве» [6, с. 32]. А.В. Закомолдин, обращаясь к провозглашенному в ст. 19 Конституции России положению о равенстве всех перед законом и судом, также считает, что данный конституционный принцип является гарантией обеспечения квалифицированной юридической помощью всех участников уголовного судопроизводства [7, с. 31].

Как представляется, конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи не следует отождествлять с правом на квалифицированную юридическую помощь в сфере уголовного судопроизводства, что нередко имеет место в работах, посвященных проблемам оказания и получения квалифицированной юридической помощи при производстве по уголовным делам. Для получения квалифицированной юридической помощи за рамками уголовного процесса любое «заинтересованное лицо может обратиться в юридическую консультацию, коллегию адвокатов, адвокатское бюро, адвокатский кабинет, … к практикующим юристам, не являющимся адвокатами» [8]. Точно также при осуществлении уголовного судопроизводства любые лица, вовлеченные в уголовно-процессуальные правоотношения, вправе обратиться к адвокату или иному профессиональному юристу для получения консультаций, разъяснения положений закона, своих прав и т.п. Но если говорить об участии профессионального юриста (как правило, адвоката), как лица, оказывающего такую помощь, в производстве по уголовному делу, то таким правом – правом привлечь адвоката к участию в процессуальных действиях – наделены только определенные участники уголовно-процессуальной деятельности, для которых данное право прямо предусмотрено УПК РФ. Таким образом, представляется неправильным отождествлять конституционное право на получение квалифицированной

юридической помощи, гарантированное всем гражданам Российской Федерации, и субъектов, обладающих таким правом в его уголовно-процессуальном истолковании.

Заинтересованные участники процесса со стороны защиты получают квалифицированную юридическую помощь в рамках реализации своего права на защиту. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, к таким лицам, помимо указанных выше подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика, также должны быть отнесены лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ [9].

Иные заинтересованные участники процесса, а также упомянутые выше лица из числа «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ) обеспечиваются квалифицированной юридической помощью путем наделения их правом иметь представителя [10].

Список источников

1. Проект Закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации». Документ официально опубликован не был. URL: http://www. advpalatanso.ru/novosti/366 (дата обращения: 28.05.2025).

2. *Калнина М.Ю.* Правозащитная деятельность как вид юридической деятельности в Российской Федерации. URL: http://www. fpa.su/biblioteka/izdaniya/problemy-realizatsii-konstitutsionnogo--zakonodatels/pravozaschitnaya-deyatelnost-kak-vid-yuridicheskoy--deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii-m-ykalnina/ (дата обращения: 28.05.2025).

3. *Ларин Е.Г.* Обеспечение участников уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью при производстве следственных действий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2008. 23 с.

4. *Лазарева В.А.* Роль адвокатуры в повышении качества и эффективности уголовного судопроизводства и гарантии ее реализации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сб. науч, ст. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2005. С. 19–29.

5. *Азизова О.А.* Адвокат как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 25 с.

6. *Мухудинова Н.Р.* Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Саранск, 2005. 26 с.

7. *Закомолдин А.В.* Квалифицированная юридическая помощь в системе гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. № 2(4). С. 28–35.

8. *Скобликов П.* Право на получение квалифицированной юридической помощи: каким должен быть комментарий ст. 48 Конституции РФ? URL: https://zakon.ru/discussion/2020/7/26/pravo_na_poluchenie_kvalificirovannoj_yuridicheskoj_pomoschi_kakim_dolzhen_byt_kommentarij_st_48_kon (дата обращения: 16.03.2025).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (п. 2) // Российская газета. 2015. 10 июля.

10. *Баев А.А.* Представитель как субъект реализации конституционной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 27 с.

Гомозова Ольга Юрьевна,
адъюнкт
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена анализу применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о юридически значимых сообщениях и их использовании в правоприменительной деятельности органов внутренних дел в контексте соблюдения принципа недопустимости недобросовестного поведения.

Ключевые слова: *добросовестность, юридически значимые сообщения, органы внутренних дел, арбитражное производство.*

Фундаментальность построения гражданских правоотношений состоит в их базировании на основных принципах гражданского права, в число которых входит принцип недопустимости недобросовестного поведения. Формулировка настоящего принципа, взамен именуемого во многих работах цивилистов принципа добросовестности, основана на положениях ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в которой говорится о недопущении осуществления гражданских прав с целью причинить вред другому лицу, а также иное недобросовестное осуществление гражданских прав – злоупотребление правом [1].

Сдерживая баланс законных действий субъектов, добросовестность пронизывает красной нитью цивилистические правоотношения. Особый практический интерес автора настоящей статьи вызывает исследование юридически значимых сообщений по нескольким причинам: отсутствия точного юридического закрепления смысла данного понятия, неясность его правовой природы. По смыслу ст. 165.1 ГК РФ юридически значимым сообщением признаются заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекущие для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю.

Иными словами, закон связывает юридически значимые сообщения с возникновением, изменением или прекращением у адресата гражданско-правовых последствий в силу закона или на основании сделки. Данная формулировка отражает связующее звено в перечне юридически значимых сообщений, приведенном в ст. 165.1 ГК РФ. По своему юридическому смыслу данные виды юридических сообщений сильно разнятся между собой, что порождает невозможность отнесения их к какому-либо виду юридических фактов. Мнение об отнесении юридически значимых сообщений к юридическим фактам обосновано не только на отнесении законодателем ст. 165.1 к главе 9 «Сделки», но и сложившейся доктрине в научных кругах.

Отметим, что вопрос отнесения юридически значимых сообщений к односторонним сделкам является спорным. С одной стороны, логика законодателя ясна – юридически значимые сообщения действительно близки по своей сути к сделке. С другой стороны, возможное возникновение потенциальных проблем из-за такого соотнесения очевидно – в случае, если мы говорим о применении норм о недействительности сделок.

Итак, юридические факты представляют собой факты реальной действительности, с наличием или отсутствием которых закон связывает юридические последствия в виде возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. Среди цивилистов бытует и иное мнение, согласно которому юридически значимые сообщения относятся к юридическим поступкам, потому как в их основе лежит волеизъявление – направление на доставку юридически значимого сообщения [2, с. 5].

Иную точку зрения в понимании материально-правовой природы юридически значимых сообщений имеет группа авторов, считающая, что данную дефиницию стоит отнести к отдельной разновидности юридических фактов – самостоятельное правовое явление [3, с. 53]. Как отмечает В.В. Богдан, юридически значимые сообщения представляют собой самостоятельную правовую категорию, являясь вторичным правомерным действием в рамках уже сложившихся гражданских правоотношений. Важное условие – соблюдение установленной законом процедуры осуществления юридических значимых действий [4, с. 16].

Автор настоящего исследования полностью поддерживает позицию большинства ученых об отнесении юридически значимых

сообщений к юридическим фактам, однако, перечень, приведенный в ст. 165.1 ГК РФ не представляется исчерпывающим в силу материальной природы дефиниции. Тем не менее, главное условие, предъявляемое к юридически значимым сообщениям, несмотря на их правовую природу, это влечение гражданско-правовых последствий.

Особый практический интерес в раскрытии материально-правовой природы юридически значимых сообщений представляет арбитражное производство по делу № А40-138161/23-27-9487 по иску генподрядчика к ответчику – подрядчику о взыскании неотработанного аванса, процентов за пользование авансом как коммерческим кредитом, неустойки за нарушения сроков выполнения работ по договору на выполнение комплекса работ по погружению свай оболочек для подготовки к испытаниям на объекте [5].

Решением суда первой инстанции вынесено решение, согласно которому все исковые требования истца были удовлетворены – с подрядчика в пользу генподрядчика решено взыскать вышеуказанное. Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда Решение оставлено без изменения, апелляционная жалоба без удовлетворения. Постановлением Арбитражного суда Московского округа Решение и Постановление оставлены без изменения, кассационная жалоба без удовлетворения. В рамках судебных заседаний истец настаивал на том, что ответчиком не были выполнены работы в полном объеме. Ответчик, в свою очередь, утверждал, что работы выполнены на всю сумму авансированных денежных средств.

Судами не было учтено то обстоятельство, которое появилось в результате уголовного судопроизводства в виде постановления о частичном прекращении уголовного преследования в отношении ответчика, то есть, подрядчика в виде лица, выполняющего административно-хозяйственные и организационно-распорядительные, управленческие функции в данной коммерческой организации.

Настоящее уголовное преследование было частично прекращено по причине, что обстоятельство в виде частичного выполнения работ на сумму аванса подтвердилось в ходе предварительного расследования, что нашло свое подтверждение в доказательственной базе по уголовному делу. Заявитель считает, что указанные обстоятельства – признание истцом факта выполнения работ и прекращение по этим основаниям уголовного преследования – являются существенными, так как о них не было и не могло быть известно за-

явителю, и эти обстоятельства неоспоримо свидетельствуют о том, что если бы они были известны, то это привело бы к принятию другого решения.

В связи с постановлением следователя истцом в лице подрядчика было подано заявление в Арбитражный суд города Москвы с просьбой пересмотреть судебный акт по вновь открывшимся обстоятельствам.

По смыслу гражданско-процессуального законодательства, вновь открывшиеся обстоятельства объективно не могут являться новыми фактами, поскольку и являются факты, имевшие место еще тогда, когда происходило разбирательство по делу, но в силу определенных причин настоящие факты не были известны участникам судопроизводства, информация по ним не была представлена в материалы делу, потому позиция сторон формировалась без учета данных фактов – об их наличии известно только после вынесения решения по делу. Законодатель приводит исчерпывающий перечень таких обстоятельств в ст. 392 ГПК РФ [6].

Отличительной особенностью новых обстоятельств от вновь открывшихся является то, что они возникают как факты реальной действительности после решения по делу, но имеют существенное значение для правильного разрешения дела, а также относятся к тем видам фактических обстоятельств, которые признаны процессуальным законодательством основаниями для пересмотра судебных актов. В гражданско-процессуальном законе также исчерпывающе перечислены виды новых обстоятельств.

В свете рассмотренной характеристики вновь открывшихся и новых обстоятельств встает логичный вопрос: чем является вынесенное следователем решение о прекращения уголовного преследование в отношении одной из сторон гражданского судопроизводства?

Автор настоящего исследования считает, что данный случай в юридической практике – это есть ни что иное, как юридически значимое сообщение. В связи с тем, что законодатель не дает данной дефиниции точное определение, а материально-правовая природа юридически значимых сообщений состоит в их отнесении к юридическим фактам, стоит сделать вывод о необходимости ввода в юридический практику применения настоящего понятия. Поскольку законодатель относит к юридически значимым сообщения не только «заявления, уведомления, извещения, требования»

но и «иные юридические значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю». Постановление, вынесенное следователем по рассмотренному автором делу необходимо отнести к юридически значимому сообщению, которое влечет за собой гражданско-правовое последствие в виде пересмотра Решение нижестоящего суда, учитывая произведенные работы по авансовой выплате денежных средств, уменьшив при этом сумму взыскиваемых денежных средств.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета.1994. № 238–239.

2. *Родионова О.М.* К вопросу о гражданско-правовой природе юридически значимых сообщение // Юрист. 2015. № 14. С. 4–8.

3. *Белов В.А.* Юридически значимые сообщения и их значение в потребительских правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2017. № 2. С. 51–61.

4. *Богдан В.В.* Юридически значимых сообщения в правоотношениях с участием потребителей // Advances in law studies. 2019. Т. 7, № 1. С. 16–20.

5. Постановление от 30 января 2024 г. по делу № А40-138161/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/dA1PiQFW1zQZ/ (дата обращения: 18.06.2025).

6. Гражданский процессуальный кодекс от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.

Грицианова Кристина Петровна,
следователь следственного отдела
по расследованию преступлений, совершенных на территории,
обслуживаемой отделом полиции № 4,
следственного управления МВД России по г. Волгограду,
лейтенант юстиции

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ СЛУЧАЕВ МОШЕННИЧЕСТВА

Статья посвящена анализу особенностей признания кредитного договора недействительным, а также особенностей оспаривания кредитных договоров в случаях мошенничеств

Ключевые слова: *доктринальные воззрения ученых-цивилистов на понятие «недействительная сделка», определение правовой природы недействительности сделок, соотношение ничтожных и оспоримых недействительных сделок, применение последствий недействительности сделок общих и специальных, разграничение способов защиты гражданских прав – реституции, кондикции и виндикации.*

Кредитный договор представляет собой разновидность двустороннего гражданско-правового соглашения, заключаемого в письменной форме, в силу которого кредитная организация (кредитор) предоставляет заемщику денежные средства на условиях возвратности, срочности и платности. Структура данного договора включает комплекс прав и обязанностей сторон, а также перечень индивидуально согласованных и общих условий, нарушение которых влечет за собой юридические последствия, предусмотренные действующим законодательством [1, с. 335]. В зависимости от цели предоставления денежных средств выделяются целевые и нецелевые кредитные договоры. Первые ограничивают сферу использования полученных заемщиком средств строго определенными направлениями (например, приобретение недвижимости, автотранспортных средств, рефинансирование ранее возникших обязательств и пр.). Вторые допускают свободу распоряжения предоставленными средствами без необходимости документального подтверждения целевого характера расходов. По сроку действия кредитные договоры подразделяются на краткосрочные (до одно-

го года включительно) и долгосрочные (свыше одного года). Этот критерий влияет на финансовую нагрузку заемщика, в том числе на размер процентной ставки и график погашения задолженности. Следующий классификационный признак – наличие или отсутствие обеспечения исполнения обязательств.

Кредитный договор может быть признан недействительным на следующих основаниях [2, с.166]:

1. Несоблюдение установленной законом письменной формы. В соответствии со ст. 820 ГК РФ, несоблюдение письменной формы кредитного договора влечет его ничтожность. Доказательства отсутствия воли на заключение договора, в том числе подделка подписи, отсутствие получения денежных средств, а также заключение договора неуполномоченным лицом, могут послужить основанием для признания сделки ничтожной в силу нарушения положений ст. 160 ГК РФ.

2. Заключение договора с пороками воли. Применяются положения §2 гл. 9 ГК РФ. В частности, ничтожными признаются договоры, заключенные в результате обмана, злоупотребления доверием, насилия, угроз и иных противоправных воздействий. Примером может служить судебная практика, приведенная в п. 6 Обзора ВС РФ № 1 от 24 апреля 2019 г., согласно которой договор, заключенный в результате мошенничества, является ничтожным.

3. Ущемление прав заемщика. Кредитные организации нередко включают в договоры положения, нарушающие баланс интересов сторон. Среди таких условий могут быть: необоснованные комиссии, запрет на досрочное погашение, взимание платы за перерасчет, а также попытки внедрения механизма начисления сложных процентов (проценты на проценты).

Важно отметить, что возможна как полная, так и частичная недействительность договора. Например, недействительными могут быть признаны положения, ограничивающие право на досрочное исполнение обязательств или устанавливающие незаконные комиссии. Прежде чем инициировать судебное разбирательство, рекомендуется предпринять попытку досудебного урегулирования конфликта, направив в банк претензию с изложением позиции и указанием на нарушение прав заемщика, однако практика показывает, что кредитные организации нередко игнорируют подобные обращения, расценивая их как способ недобросовестного уклонения от исполнения обязательств [3, с. 26].

На практике подавляющее большинство кредитов, включая предложения микрофинансовых организаций, оформляется без подписания традиционного бумажного договора. Подтверждением согласия заемщика в таких случаях служит уникальный цифровой код, передаваемый посредством смс-сообщения. Финансовая организация, как правило, способна документально подтвердить факт получения и использования данного кода, что придает юридическую силу заключенной сделке. Применение ст. 820 ГК РФ оказывается релевантным преимущественно в ситуациях, когда речь идет о подделке подписи на бумажной версии договора или подписании его лицом, не обладающим соответствующими полномочиями. В отношении онлайн-кредитов этот аргумент чаще всего оказывается неэффективным. Однако из этого правила существуют исключения. Так, в 2023 г. дело жительницы г. Обнинска, пострадавшей от действий злоумышленников, получивших заем через систему интернет-банкинга, дошло до рассмотрения в Верховном Суде РФ. Судебные инстанции низших уровней отказали в удовлетворении иска, однако Верховный Суд занял иную позицию. В определении № 85-КГ23-1-К1 Суд отметил, что отсутствие надлежащего письменного оформления договора, а также тот факт, что средства были немедленно выведены на сторонний счет, должны были послужить основанием для блокировки операции. Дело было направлено на новое рассмотрение. Подобная позиция демонстрирует, что при наличии признаков недобросовестности со стороны кредитора или очевидных нарушений процедуры оформления сделки гражданин вправе рассчитывать на судебную защиту. Тем не менее судебная практика по данному вопросу продолжает формироваться, а признание онлайн-кредита недействительным остается скорее исключением, чем правилом [4, с. 122]. Теоретически возможно сослаться на ст. 179 ГК РФ, регулирующую сделки, совершенные под влиянием обмана или угроз, однако доказывание соответствующих обстоятельств (например, недобросовестность поведения финансовой организации) в судебном порядке связано с рядом объективных трудностей. Исключением является участие в мошеннической схеме представителя самой кредитной организации, что требует отдельного доказывания.

В «классических» случаях социальной инженерии, когда преступники убеждают гражданина самостоятельно оформить кредит и перевести средства на якобы «безопасный» счет, отсутствуют

признаки вины со стороны банка. При отсутствии прямых оснований считать транзакцию подозрительной (например, если она не соответствует критериям, заложенным в алгоритмах антифрод-систем), кредитное учреждение не обязано приостанавливать или отменять перевод. Для доказательства недействительности кредитного договора, оформленного без ведома гражданина, в результате мошенничества, рекомендуется собрать следующий перечень документов:

- выписки с банковских счетов, подтверждающие, что кредитные средства не поступали на счета жертвы;
- детализация телефонных вызовов и смс-сообщений, демонстрирующая, что подтверждающий код заемщиком не получался;
- постановление о признании гражданина потерпевшим по уголовному делу о мошенничестве.

Кроме документальных доказательств, суд может учитывать поведение потерпевшего. Быстрое обращение в правоохранительные органы и кредитную организацию после выявления факта мошенничества значительно увеличивает шансы на положительный исход. Напротив, бездействие может быть расценено как подтверждение согласия с условиями заключенного договора, что создает неблагоприятную правовую позицию. Современная правоприменительная практика, складывающаяся в последние годы в области защиты прав граждан, пострадавших от мошеннических действий при оформлении потребительских кредитов, вызывает обоснованные опасения в связи с ее отступлением от конституционных принципов, в частности – от гарантий прав на судебную защиту и презумпции добросовестности. В подавляющем числе случаев последствия преступлений, направленных на хищение денежных средств у кредитных организаций, квалифицируются как результат добровольного заключения договоров займа. Подобный подход, по существу, легитимирует противоправные действия и перекладывает бремя их последствий на граждан, оказавшихся жертвами обмана. С позиций коммерческой целесообразности действия кредитных организаций вполне объяснимы. Признание потерпевших от мошенничества граждан заемщиками по кредитным договорам позволяет улучшать статистику по объему выданных ссуд, возмещать понесенные убытки за счет пострадавших лиц, избегать необходимости существенных вложений в системы внутренней безопасности, а также расширять клиентскую базу за счет лиц, ко-

торые в обычных условиях не планировали вступать в договорные отношения с банком.

К сожалению, судебные инстанции нередко следуют сложившейся практике, формируя решения по аналогии с предыдущими случаями, что фактически приводит к доминированию прецедентного подхода в условиях правовой системы, формально не признающей прецедент в качестве источника права. Как следствие, формирование прецедентной нагрузки в пользу банков сдерживает развитие справедливой практики по делам, связанным с мошенничеством в сфере потребительского кредитования. Это приводит к ситуации, при которой жертвы преступлений оказываются лишенными эффективной правовой защиты, гарантированной Конституцией РФ.

Список источников

1. *Пятов М.Л., Ковалев В.В., Татаренко Т.Г.* Правовое содержание мошенничества в сфере потребительского кредитования. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 2. С. 335–353.

2. *Щербаченко А.К.* Типичные версии о мошенничестве, совершенном группой лиц, и их место в системе базовой методики их раскрытия и расследования // Философия права. 2020. № 1(92). С. 165–169.

3. *Абросимов А.В.* К вопросу о критериях разумности и добросовестности в российском гражданском праве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 26–28.

4. *Соломин С.К., Соломина Н.Г.* Гражданское право: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2024. 288 с.

Давыдова Наталья Николаевна,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия)
кандидат юридических наук, доцент

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию проблем обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при осуществлении цифровизации уголовного судопроизводства, в том числе и при применении систем видео-конференц-связи. Автором проведен анализ действующего законодательства в части применения видео-конференц-связи в различных стадиях уголовного судопроизводства. Основное внимание уделяется соблюдению прав обвиняемого при применении систем видео-конференц-связи.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, обеспечение прав участников уголовного процесса, цифровизация производства по уголовным делам, видео-конференц-связь.*

Современное развитие науки и техники предоставляет возможность широкого использования цифровых технологий в различных видах судопроизводства. В судебной системе Российской Федерации достаточно активно и эффективно используются технические достижения. При производстве по делам широко используется видео-конференц-связь, арбитражные суды наряду с традиционным документооборотом успешно используют электронный документооборот. В уголовном судопроизводстве достаточно часто используется система видео-конференц-связи. В связи с особенностями уголовного судопроизводства, обязательностью досудебного производства введение электронного документооборота представляется, хотя и возможным, но достаточно сложным процессом.

Законодатель постепенно расширяет диапазон применения цифровых технологий в рамках уголовного судопроизводства, внося изменения в действующий УПК РФ. В настоящее время УПК РФ предусматривает возможность проведения судебного заседания, а также отдельных следственных действий путем использования систем видео-конференц-связи. Так, применяется система видео-

конференц-связи для участия обвиняемого в судебном заседании (ч. 6 ст. 35, ч. 6.1, ст. 241, ч. 1 ст. 293, ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ), путем использования систем видео-конференц-связи могут быть проведены допрос, очная ставка, предъявление для опознания (ст. 189.1 УПК РФ), свидетель и потерпевший в судебном заседании могут быть допрошены судом путем использования систем видео-конференц-связи (ч. 4 ст. 240, 278.1 УПК РФ), суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства с использованием систем видео-конференц-связи (ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ), при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, осужденный может участвовать в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи (ч. 2 ст. 399 УПК РФ), потерпевший, его законный представитель и представитель (ч. 2.1, ст. 399 УПК РФ); осужденный, лицо, содержащееся под стражей, вправе участвовать в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции (ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ), лицо, в отношении имущества которого приговором, постановлением суда иностранного государства принято решение о конфискации, содержащееся под стражей, вправе присутствовать в судебном заседании путем использования системы видео-конференц-связи (ч. 3 ст. 473.4 УПК РФ).

В действующем законодательстве при указании на возможность или необходимость использования системы видео-конференц-связи не содержится указания на основания для ее использования. В статьях упоминается в лучшем случае лишь о возможности их использования «в случае необходимости» (ст. 278.1 УПК РФ), «по решению суда» (ч. 6 ст. 35, ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 399, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 473.4 УПК РФ), в целях обеспечения безопасности по ходатайству любой из сторон судебного заседания (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ). О какой необходимости идет речь в УПК РФ, и в каких случаях, на каком основании суд должен принимать решение о проведении судебного заседания, где участие обвиняемого обеспечено путем использования систем видео-конференц-связи, на нормативном уровне не уточнено.

Полагаем, данный вопрос нуждается в более детальной законодательной регламентации, так как при проведении судебного заседания с использованием системы видео-конференц-связи обязательно должно учитываться мнение лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, за исключением случаев

использования системы видео-конференц-связи в целях обеспечения безопасности. В противном случае может быть нарушено право лица на защиту.

Не разрешен и вопрос об участии защитника при проведении процессуальных действий с использованием видео-конференц-связи. Если он участвует в производстве по делу, то неясно, где территориально он должен находиться: в месте нахождения своего подзащитного или в зале судебного заседания, где рассматривается уголовное дело. По мнению М.Г. Латыповой, нахождение представителя несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего должно совпадать с местом нахождения самого потерпевшего, свидетеля, допрашиваемого с использованием систем видео-конференц-связи [1, с. 49]. Нахождение защитника в последнем, ограничивает возможности обвиняемого или лица, содержащегося под стражей, на конфиденциальные консультации, а значит на получение квалифицированной юридической помощи. К тому же в судебном заседании могут быть исследованы доказательства путем осмотра (вещественные доказательства, видео и т.д.) и возникнуть необходимость детального их изучения, что исключает использование системы видео-конференц-связи, так как отдельные признаки могут быть искажены или невидны при передаче сигнала. В связи с этим следует согласиться с вице-президентом Федеральной палаты адвокатов В. Клювгантом, утверждающим, что защитники должны иметь возможность находиться в месте нахождения лица, интересы которого они представляют, а также в месте, где проводится судебное заседание [2]. С другой стороны, как обеспечить участие защитника и в судебном заседании, и по месту нахождения обвиняемого в случае наличия у него только одного защитника, в том числе и в случае недостатка денежных средств у подзащитного? Каким образом обеспечить участие законного представителя в двух разных местах, если у лица всего один законный представитель? В этом случае, законодательно должна быть предусмотрена возможность для адвоката, защитника, обвиняемого, представителей и законных представителей, свидетелей и потерпевших решать вопрос о форме участия их по делу по своему усмотрению, но на основании соответствующего решения суда.

Необходимо предусмотреть возможность для обвиняемого, изначально заявившего ходатайство о рассмотрении в отношении него уголовного дела посредством использования системы виде-

о-конференц-связи, пересмотреть свое решение и заявить ходатайство о рассмотрении его дела с его личным присутствием без использования системы видео-конференц-связи.

Представляется верным, законодательная регламентация проведения допроса экспертов и специалистов с использованием системы видео-конференц-связи, как на досудебном производстве, так и в судебных стадиях. Бывают ситуации, когда при производстве по делу необходимо использовать специальные знания, специалисты по которым встречаются редко и проживают в других городах. Для повышения эффективности уголовного судопроизводства и снижения судебных расходов необходимо закрепить возможность проведения допроса экспертов, специалистов с использованием системы видео-конференц-связи.

Целесообразно законодателем при написании слов «система видео-конференц-связи» использовать единообразие, так как в разных статьях используется разное написание слов в виде «видео-конференц-связь» или «видео-конференц-связь».

Таким образом, действующее законодательство, несомненно, развивается в нужном направлении в соответствии с научно-техническими достижениями, но необходима более детальная регламентация внесенных изменений, касающихся применения видео-конференц-связи, направленная на формализацию этого процесса, а также на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. В статье перечислены далеко не все проблемы, которые касаются применения системы видео-конференц-связи и обеспечения в связи с этим прав участников уголовного судопроизводства. Эта тема нуждается в более глубоком изучении.

Список источников

1. *Латыпова М.Г.* Обеспечение законных прав и интересов защищаемых лиц при допросе в досудебном и судебном производствах // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3. С. 46–51.

2. *Арстанова А.* Предлагается расширить использование технологий удаленного участия в уголовном судопроизводстве // Адвокатская газета. 2022. 17 мая.

Елистратова Валентина Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается сущность феномена транспарентности. Подвергается анализу его потенциал в сфере современного российского уголовного судопроизводства. Автор приходит к выводу, что эффективность отправления правосудия по уголовным делам предполагает модернизацию правовой системы государства с учетом действенных механизмов обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства для достижения необходимого баланса интересов государства, гражданского общества и личности как субъекта права.

Ключевые слова: *транспарентность, открытость, доступность, прозрачность, уголовное судопроизводство, правовая система, модернизация.*

В связи с отсутствием нормативно-правового закрепления термин «транспарентность» (от фр. la transparence – прозрачность) часто отождествляется с понятием прозрачности того или иного процесса. Однако такое отождествление представляется не вполне корректным, поскольку данные термины не соотносятся как полные синонимы, несмотря на буквальный перевод. «Транспарентность» является более широким понятием относительно понятия «прозрачность» и имеет более глубокое содержание.

Согласимся, что «использование отечественными юристами понятия транспарентности, рожденного и продвигаемого заморскими учеными, это не изъян, а умелое применение научной методологии» [1, с. 71]. При определении сущности транспарентности как «прозрачности сведений о деятельности всех органов государства и их доступности для общества и граждан» [2, с. 55] понятие прозрачности явно отождествляется с открытостью информации о деятельности органов власти, что в сочетании с доступностью сведений также не достаточно емко отражает содержание рассматриваемой категории.

Современное понимание транспарентности власти связано с максимальным уровнем открытости и доступности информационных потоков относительно принимаемых государственных решений, их обоснованности и результативности. Транспарентность, согласно распространенному определению, указывает на отсутствие секретности, информационную прозрачность, то есть ясность, основанную на открытости и доступности информации. Составляющие логической цепочки «открытость – доступность – прозрачность» раскрывают содержание феномена «транспарентность» власти [3, с. 67]. Названные элементы имеют собственное содержание, хотя тесно взаимосвязаны.

Информационная открытость органов государственной власти означает обязательность размещения полной информации о видах их деятельности в различных источниках информации, доступных для неопределенного круга лиц, с учетом соблюдения установленных законом ограничений. Доступность есть создание публичными органами власти условий для беспрепятственного доступа граждан к информации об их деятельности, а также к процессу принятия решений. Такой доступ должен регламентироваться соответствующими правовыми актами. Соответственно, доступность выступает одним из основных критериев открытости власти. Прозрачность представляет собой систематическое освещение деятельности власти, разъяснение целей, содержания и механизма реализации публичной политики. Если природа прозрачности заключается преимущественно в ее количестве, поскольку речь идет об увеличении или уменьшении объема информации, то открытость информации – в ее качестве, так как здесь подразумевается ее достоверность, правдивость, регулярность, оперативность и надежность дальнейшего использования [4, с. 4–5]. Соответственно, открытость и доступность власти ориентированы на обеспечение ее прозрачности, которую правомерно обозначить как элемент транспарентности с самостоятельным содержанием. Без обеспечения свободного доступа граждан к информации о деятельности органов власти и обратной связи невозможно вести речь о прозрачности деятельности властных структур. Обязательность обратной связи, с нашей точки зрения, позволяет говорить о прозрачности как самостоятельной составляющей феномена транспарентности с присущим ей качеством результативности.

Транспарентность уголовного судопроизводства предполагает не только открытость судебных заседаний, обязательную аудиозапись судебного заседания, доступность текстов судебных решений для граждан, властных решений компетентных лиц на конкретном этапе уголовного процесса, использование электронных документов, размещение на официальном сайте суда информации о поступивших внепроцессуальных обращениях по уголовным делам, находящимся в производстве суда, и т.д. Транспарентность связана с особенностями уголовного процесса, приводящими к ее отдельным ограничениям, которые, безусловно, требуют сегодня переосмысления и корректировки с учетом развития и трансформации уголовно-процессуальных отношений. Так, следственные органы и суд имеют право на ограничение доступа к информации по расследуемому уголовному делу.

Транспарентность уголовного судопроизводства следует рассматривать как фактор модернизации правовой системы современной России, которая должна проводиться параллельно с реформированием уголовно-процессуального законодательства. Например, необходимо решать существующие проблемы юридической аномии в уголовном судопроизводстве, порождающие рассогласованность, коллизии и неопределенность уголовно-процессуальных норм. Много вопросов, требующих своего разрешения в свете транспарентности, вызывает и использование в уголовном производстве электронных документов.

В современный период в России взят курс, пока еще очень несмелый, на обеспечение доступности для общественного контроля не только судебного, но и досудебного производства по уголовным делам. Этот процесс сложный и длительный в связи с отсутствием разработанного механизма модернизации, в том числе материально-технического обеспечения в сфере транспарентности судебной системы. Общественный контроль за правоохранительными органами и судом призван повысить правовую грамотность населения, и, соответственно, доверие граждан к правоохранительным органам и суду. Весьма актуально звучит мнение ученых о дальновидности суждений о том, что транспарентность ныне допустимо рассматривать как «основополагающую идею, как сущностную черту уголовного судопроизводства, способную, дозрев до правового оформления, пополнить собой систему принципов уголовного процесса» [5, с. 131].

Неотъемлемым условием обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства является внутренняя мотивация должностных лиц на открытость, поскольку ее отсутствие создает значительные препятствия и дополнительные издержки для граждан в обеспечении их интересов, негативно влияет на развитие социальной активности личности. Без такой внутренней мотивации властных участников уголовного процесса, которой сегодня не всегда хватает, развитие положительного потенциала идеи транспарентности вряд ли осуществимо.

Считаем, что модернизация правовой системы современной России в сфере уголовного судопроизводства должна осуществляться именно с учетом эффективных механизмов обеспечения его транспарентности. Ее реализация могла бы способствовать достижению необходимого баланса интересов государства, гражданского общества и личности как субъекта права в целях отправления справедливого правосудия по уголовным делам. Необходимо также учесть факторы, способствующие негативным проявлениям транспарентности в уголовном судопроизводстве, так как возможны и определенные риски, поскольку, по справедливому утверждению М.П. Полякова, «идея транспарентности уголовного судопроизводства, несмотря на внешнюю схожесть с добрыми и привычными идеями гласности и открытости …, небезобидная» [1, с. 71].

Согласимся с точкой зрения Н.В. Спесивова, что при формировании концепции транспарентности российского уголовного процесса (по нашему мнению, ее следует считать важной составляющей модернизации российской правовой системы) необходимо стремиться к балансу частных интересов заинтересованных участников процесса, публичных интересов государства в сфере уголовного судопроизводства и интересов общества по установлению контроля за осуществлением доступа к информации о публичной деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, с учетом их противоречий. По мнению ученого, цифровизация уголовного судопроизводства есть ключ к поиску такого баланса [2, с. 55].

Таким образом, транспарентность уголовного судопроизводства включает значительный потенциал для модернизации российской правовой системы, поскольку может стать действенным фактором укрепления правового порядка, поддержания стабильности в обществе и повышения его правовой культуры.

Список источников

1. *Поляков М.П.* Принцип транспарентности в уголовном процессе: мнения и сомнения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4(71). С. 69–76.

2. *Спесивов Н.В.* Цифровизация уголовного судопроизводства в контексте идеи повышения его транспарентности и эффективности // Цифровизация деятельности судов и перспективные задачи. 2022. № 1. С. 54–57.

3. *Елистратова В.В.* Открытость и доступность власти как важнейший фактор обеспечения интересов личности // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практических работников. Саратов: Саратовский источник, 2015. С. 66–69.

4. *Тованчова Е.Н* Транспарентность государственной власти: политологический аспект: автореф. дис. … канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2015. 22 с.

5. *Павленков Р.В., Колосович М.С.* Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1(68). С. 120–132.

Ересько Полина Владимировна,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия), кандидат педагогических наук, доцент

Верхотуров Дмитрий Сергеевич,
аспирант 1 курса специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки (Саратовская государственная юридическая академия)

ВЫЗОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ КРИПТОВАЛЮТ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ФИНАНСОВ (DEFI) В ЭКОНОМИКЕ МЕТАВСЕЛЕННЫХ

Статья посвящена анализу противоречия между принципами децентрализации в сфере криптовалют и DeFi, и необходимостью их публичного регулирования в контексте развития метавселенных. Интеграция DeFi и метавселенных формирует инновационную цифровую среду с собственной экономикой, основанной на криптовалютах, NFT и DAO. В статье исследуются правовые пробелы российского регулирования и необходимость комплексного подхода для обеспечения прозрачности и устойчивости виртуальных финансовых рынков.

Ключевые слова: *правовое регулирование, цифровая экономика, метавселенные, криптовалюта, токены, смарт-контракты, децентрализация.*

Современный этап цифровой экономики характеризуется развитием криптовалют, децентрализованных финансов (далее – DeFi) и формированием концепции метавселенных как новых цифровых пространств. Метавселенные представляют собой виртуальные трехмерные среды, моделирующие различные аспекты человеческой жизни – от социальной коммуникации до трудовой, образовательной [1, с. 473] и экономической деятельности. В метавселенной создаются уникальные цифровые активы (далее – NFT), функционирует внутренняя экономика, а пользователи могут владеть виртуальной недвижимостью, производить и отчуждать цифровые объекты. Децентрализованные финансы (далее – DeFi), основанные на технологии блокчейн и смарт-контрактах, обеспечивают проведение операций кредитования, обмена, стейкинга, выпуска токенов и участие

в децентрализованных автономных организациях (далее – DAO) без посредников.

Интеграция DeFi в метавселенные формирует автономную экономику на основе криптовалют и смарт-контрактов. Внутренние токены используются как средство расчета и залога при кредитовании через протоколы типа Aave или Compound, где все операции регулируются алгоритмами без посредников. Цифровые активы, включая виртуальную недвижимость и артефакты, могут передаваться в аренду или использоваться для инвестиционного дохода, а механизмы play-to-earn создают новый тип трудовых отношений.

Метавселенная, использующая криптовалюты для внутренних расчетов и DeFi-протоколы для создания сложных финансовых продуктов, становится полигоном для тестирования экономических моделей, которые впоследствии могут быть внедрены в инфраструктуру умного города с помощью технологий искусственного интеллекта [2, с. 5].

Особую роль занимает DAO – децентрализованные автономные организации, с помощью которых пользователи коллективно управляют проектами, распределяют средства и участвуют в принятии решений. Однако столь тесная интеграция DeFi и метавселенных создает правовые вызовы: анонимность транзакций и отсутствие централизованного контроля повышают риски незаконной легализации доходов, обхода налоговых требований и финансирования противоправной деятельности [3, с. 75].

Действующее законодательство большинства государств не учитывает специфику децентрализованных платформ, ограничиваясь общим регулированием цифровых активов и платежных систем. Анализ российского права свидетельствует об отсутствии комплексного регулирования данной технологии [4, с. 336]. Основные нормы о криптовалютах закреплены в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ). Согласно закону, цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) представляют собой цифровые права, включающие имущественные требования, возможность исполнения обязательств или осуществления прав, предусмотренных эмитентом. При этом различаются децентрализованные цифровые валюты (например, биткойн) и централизованные цифровые активы, вы-

пускаемые зарегистрированными операторами. Цифровая валюта в децентрализованной форме признается объектом гражданских прав, но не является законным средством платежа ст. 14 закона прямо запрещает ее использование для оплаты товаров, работ и услуг, что существенно ограничивает сферу применения.

В то же время централизованные цифровые активы (например, токены, выпускаемые через платформы «Атомайз» или «СберФинТех») допускаются к обороту, но только при условии, что соответствующая информационная система зарегистрирована в реестре Банка России. Такие активы подлежат учету, налогообложению и правовому сопровождению в рамках существующих публично-правовых механизмов, в отличие от DeFi-инструментов, функционирующих в децентрализованной среде. Особый интерес представляет внедрение цифрового рубля – централизованной государственной цифровой валюты, регулирование которой осуществляется в соответствии с Положением Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» [6]. В данном акте устанавливаются функции оператора платформы цифрового рубля, требования к участникам и пользователям, виды счетов, порядок их открытия, ведения и закрытия, а также виды операций и формы расчетов. В отличие от криптовалют и токенов, цифровой рубль выпускается исключительно Банком России и может использоваться в качестве законного платежного средства, включая для расчетов в цифровой экономике.

Функции по регулированию и контролю оборота ЦФА в России в значительной степени сосредоточены в компетенции Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ). ЦБ РФ выступает не только органом, наделенным правом устанавливать регуляторные рамки для эмиссии и обращения ЦФА, но и реализует целенаправленную политику по обеспечению прозрачности, устойчивости и предсказуемости цифровых финансовых рынков. В рамках реализации положений Закона № 259-ФЗ, именно ЦБ РФ ведет реестры операторов информационных систем и операторов обмена цифровых финансовых активов, выдвигая к ним целый ряд требований, включая требования к обеспечению информационной безопасности, раскрытию информации и соблюдению процедур идентификации пользователей. Кроме того, ЦБ РФ обладает полномочиями приостанавливать или ограничивать деятельность таких операторов в случае выявления нарушений или угроз финансовой стабильности.

В отношении цифрового рубля ЦБ РФ осуществляет полный цикл контроля – от эмиссии до сценариев применения, формируя архитектуру платформы, правила доступа и механизмы проведения операций. Такая модель демонстрирует ориентацию на тотальный контроль над цифровым оборотом и жесткое разграничение допустимых и недопустимых практик. В то же время в отношении децентрализованных форм цифровой экономики – криптовалют и DeFi-платформ – позиция регулятора остается сдержанной: подчеркиваются риски анонимности транзакций, отсутствия гарантий для участников и угрозы финансовой стабильности. Это отражается как в официальных докладах, так и в отсутствии законодательных инициатив, направленных на интеграцию децентрализованных финансов в правовое поле. Вопросы налогообложения операций с цифровыми валютами сохраняют высокий уровень неопределенности доходы физических лиц облагаются по правилам главы 23 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), а с 2024 года ст. 282.3 НК РФ устанавливает особенности налогового учета для предпринимательской деятельности. Дополнительные разъяснения о декларировании доходов от майнинга и расчете налогов размещены на промостранице ФНС «МайнингРеестр» [7].

Несмотря на закрепление налоговых норм, практическое отслеживание операций с цифровой валютой остается затруднительным. Децентрализованный характер платформ и отсутствие посредников традиционного финансового рынка приводят к тому, что большинство транзакций не фиксируются в общедоступных финансовых реестрах. Фактический контроль возможен лишь на этапе конвертации цифровых активов в фиатные средства. Дополнительную сложность представляет виртуальный оборот активов внутри метавселенной, где сделки с цифровым имуществом совершаются в автономных экосистемах, зачастую вне юрисдикции конкретного государства. В результате доходы от заключаемых сделок остаются вне сферы действия налоговых механизмов. В соответствии с ч. 10 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ Правительство РФ наделено полномочиями по организации доступа к специальным цифровым идентификаторам, позволяющим отслеживать движение цифровой валюты в информационных системах. Такой порядок предусматривает возможность открытия адреса-идентификатора – уникального цифрового реквизита, посредством которого можно установить субъектов и параметры операций. Полученные сведения

предоставляются федеральным органам исполнительной власти, прокуратуре, следственным и дознавательным структурам, а также оперативным подразделениям в целях реализации их полномочий и выполнения задач, предусмотренных законодательством.

Функционально адрес-идентификатор представляет собой элемент надзорной инфраструктуры, позволяющий осуществлять мониторинг цифровых транзакций в рамках уголовного, административного, налогового и оперативно-разыскного производства. Такая мера направлена на предотвращение использования цифровой валюты в противоправных целях, а также противодействию киберпреступности [8].

Исходя из проведенного анализа, существующие механизмы контроля, интеграция децентрализованных финансов и метавселенных формирует новую социально-экономическую модель. С одной стороны, технологии DeFi и виртуальные пространства способствуют созданию автономной цифровой экономики, основанной на смарт-контрактах, прямых переводах между кошельками и самоорганизующихся структурах DAO. С другой стороны, децентрализованный характер этих технологий порождает правовые вызовы: отсутствие посредников и централизованного контроля затрудняет применение налогового и финансового регулирования, а высокая анонимность операций осложняет отслеживание транзакций.

Список источников

1. *Ересько П.В.* Правовые проблемы использования виртуального пространства метавселенной в образовательном процессе вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, № 4. С. 471–477.

2. *Ковалева Н.Н., Изотова В.Ф., Чайковский Д.С.* Умный город и искусственный интеллект: правовые аспекты // Информационное право. 2022. № 3(73). С. 3–9.

3. *Варламова Е.В., Ересько П.В.* Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 71–77.

4. *Ересько П.В., Варламова Е.В., Сенина В.Е.* Проблемы использования и внедрения цифровых финансовых активов в России на основе технологии распределенного реестра // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТММ-2019): матер. XVIII Междунар. конф. им. А.Ф. Терпугова, Саратов, 26–30 июня 2019 г. Ч. 2. Саратов: Изд-во науч.-тех. лит., 2019. С. 335–340.

5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 173.

6. Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» (вместе с Порядком урегулирования споров и разногласий) (в ред. от 12 июля 2024 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2025 г.) // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 09.06.2025).

7. ФНС РФ разместила на своем сайте информацию о рыночных котировках криптовалют. URL: https://habr.com/ru/news/898726/ (дата обращения: 09.06.2025).

8. *Ересько П.В.* Киберпреступность как угроза информационной безопасности общества и государства // Труды XV Евразийского научного форума, Санкт-Петербург, 30 ноября 2023 г. СПб.: Ун-т при МПА ЕврАзЭС, 2024. С. 77–81.

Ермолаева Юлия Васильевна,
доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия), кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ НА СТРАЖЕ СОХРАНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

В статье рассматривается нормативно-правовое регулирование защиты исторической правды, обозначаются законодательные пределы такого регулирования. Анализируются сущность, содержание, способы установления исторической правды, сформировано понятие исторической правды, выделены проблемные аспекты в реализации данных конституционных положений в Российской Федерации. Отмечается важность локальной исторической памяти. Особое внимание уделяется конституционным ценностям как фильтрам исторической правды, делаются выводы для прошлого, настоящего и будущего поколения.

Ключевые слова: *историческая правда, конституционные ценности, патриотизм, историческая память, духовно-нравственные ценности.*

Актуальность темы подтверждают слова Президента РФ на параде в честь празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войны: «Мы храним память об исторических событиях… мы помним уроки Второй Мировой Войны и некогда не согласимся с искажением ее событий» [1].

Согласно Основам государственной политики по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации [2] и историческая память является одной из духовно-нравственных ценностей, и она является продуктом и носителем исторической правды. Важным средством сохранения государственного и культурного суверенитета является защита исторической правды. Введение в текст Конституции РФ поправки в ч. 3 ст. 67.1 вывело вопрос защиты исторической правды на конституционно-правовой уровень, под защиту конституционных ценностей российского государства. Подобное изменение носит духовно-нравственный, мировоззренческий, идеологический характер.

Сущность, содержание, способы установления исторической правды являются дискуссионными вопросами, так как в теории конституционного права нет однозначной позиции на этот счет. Историческая правда определяется через понятия: «действительность в прошлом», «историческая действительность», «исторические события», «объективная истина», «историческая память». Хотя на первый взгляд кажется, что понятия «правда» и «истина» стоит разграничивать, согласно словарю В.И. Даля «правда – это истина на деле» [3], а значит к сущностным характеристикам исторической правды можно отнести характеристики, относимые к установлению исторической истины: объективные (установление исторических фактов посредством изучения исторической базы, добросовестность и беспристрастность исследователя, объективность, доказательность, проверяемость и воспроизводимость факта, публичное его признание сообществом, распространение, общеизвестность [4]), и субъективные (обусловлены как личностью исследователя, так и господствующими в обществе, государстве ценностями). Исходя из этого исторической правдой можно признавать требующую охраны значимую, достоверную информацию, соответствующую действительности и имеющую подтверждающие факты.

Для того, чтобы преодолеть фрагментарность знаний, отсутствие системности в понимании различных событий истории, поверхностное представление о ключевых событиях истории [5] важно обратиться к конституционным ценностям. Признавая многогранность данного понятия, нам представляется, что это базовые идеи, принципы, ориентиры, которые определяют вектор развития государства и социума в целом, это не просто юридические понятия, но и их воплощение. Это и человек, его права и свободы, и демократия, и верховенство права, и социальная справедливость, и целостность государства, и конституционализм как система, которая обеспечивает устойчивость конституционных ценностей.

В таком случае конституционные ценности могут выступать в качестве фильтров исторической памяти. Они не статичны, они эволюционируют под влиянием исторических событий, социальных изменений и взаимодействия с другими культурами и могут подлежать переоценке. А к конфликтам и дискуссиям о прошлом могут приводить разные системы ценностей. Так, В.Т. Кабышев отмечал, что если в обществе ценности тверды, которые не может

изменить другая власть, значит это истинно гражданское общество [6, с. 59], однако, в то же время динамический характер конституционных ценностей в контексте исторического развития указывает на необходимость постоянной работы по их укреплению и защите.

О необходимости защиты исторической правды говорится в текущем законодательстве, например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (пп. 53, 88, 93, 101), а в Уголовном кодексе РФ в ст. 354.1 установлена ответственность за действия, связанные с реабилитацией нацизма. Учитывая, что закон охраняет только события, связанные с обороной страны, историей Великой Отечественной войны (и далее по объективной стороне данного преступления) – можно считать, что это и есть законодательные пределы той исторической правды, которую государство в настоящее время намерено оберегать. Кроме того, Конституционный Суд РФ отмечал, что свобода поиска исторической правды сохраняет свою легитимность и актуальность, а норма, закрепленная в ст. 67.1 Конституции РФ носит неполитический надпартийный характер [7]. Представляется, что это та самая граница соотношения защиты исторической правды с конституционным правом на свободу творчества, в том числе научного, и принципом идеологического многообразия [8, с. 120].

В многонациональном государстве существует также локальная региональная историческая память со своими специфическими характеристиками. Для нашей страны – это тоже часть исторической памяти. Это то, что объединяет российский народ, характеризует наш менталитет и составляет основу нашей национальной идентичности, осознание которой происходит в том числе через осознание идентичности в региональном аспекте, как представителей определенной этнонациональной общности.

Таким образом, роль исторической правды велика как для прошлого и настоящего, так как помогает осуществлять меры по противодействию фальсификации истории и внешнему влиянию на информационный суверенитет государства, определять вектор нормотворчества, так и для будущего поколения, которому необходимо уметь отличать факты, достоверные научные данные, определять источник информации, обладать способностью критически воспринимать разные версии истории и понимать причины этого. Защита исторической правды способствует формированию патри-

отизма, устойчивых ценностей гражданственности, обеспечивает правовую и нравственную ориентированность общества.

Список источников

1. Речь Путина В.В. на параде в честь 80-летия Великой Победы. URL: https://tass.ru/obschestvo/23897261 (дата обращения: 01.06.2025).

2. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

3. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-p/8110 (дата обращения: 01.06.2025).

4. См.: *Москалев Г.Л.* Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. № 8.

5. *Чупрынников С.А., Касьянов В.В., Самыгин П.С.* Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества // Гуманитарные, соц-экономические и общественные науки. Серия: исторические, Культурология. Политические науки. 2023. № 2.

6. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.

7. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1–3 // Российская газета. 2020. 17 марта.

8. *Астафичев П.А.* Историческая правда, как категория конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2021. № 5.

Жужгина Александра Андреевна,
ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Тюменский государственный университет)

КОМПЬЮТЕРНОЕ ЗРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА

Статья посвящена анализу правовых механизмов внедрения технологий компьютерного зрения в сферу охраны труда в Российской Федерации. Особое внимание уделяется вопросам распределения ответственности между работодателем, разработчиком и оператором ИИ-систем, обеспечению баланса между инновационным развитием и защитой прав работников, а также выявлению правовых пробелов в действующем регулировании. В работе проведен сравнительно-правовой анализ международных подходов, включая положения Акте об ИИ ЕС, и рассмотрены перспективы совершенствования национальной нормативной базы с учетом комплексного, межотраслевого характера регулирования цифровизации охраны труда.

Ключевые слова: *компьютерное зрение, охрана труда, правовое регулирование, искусственный интеллект, трудовые отношения, ответственность, персональные данные.*

Компьютерное зрение (от анг. computer vision, а также иногда машинное зрение – machine vision) – это теория и технология создания искусственных систем, которые получают, анализируют и интерпретируют информацию из изображений или видеоданных, автоматизируя задачи, которые обычно выполняет человеческое зрение [1, с. 15].

Современные скоростные процессоры, дешевая память на диске и высококачественные камеры и высокая пропускная способность каналов позволяют добиться значительных результатов в этой области, особенно в связи с последними исследованиями в области машинного обучения и, в частности, нейронных сетей. Рост качества технологий компьютерного зрения позволил активно их использовать в разных областях промышленности и бизнеса. К примеру, многие современные конвейеры оснащены автоматическими механизмами проверки качества деталей,

корректной маркировки, выравнивания деталей и других задач [2, с. 46].

Современная цифровизация производственной сферы и активное внедрение искусственного интеллекта, в частности технологий компьютерного зрения, оказывают значительное влияние на трансформацию системы охраны труда в России. Компьютерное зрение, как один из наиболее динамично развивающихся инструментов искусственного интеллекта, становится ключевым элементом автоматизации мониторинга безопасности, контроля за соблюдением требований охраны труда и минимизации человеческого фактора на опасных объектах. Эти процессы не только способствуют снижению уровня производственного травматизма, но и формируют новые правовые вызовы, связанные с защитой персональных данных работников, прозрачностью алгоритмов и определением ответственности за решения, принимаемые автоматизированными системами. В условиях стремления Российской Федерации к технологическому лидерству и необходимости адаптации национальных стандартов к новым реалиям, вопросы правового регулирования применения компьютерного зрения в охране труда приобретают особую актуальность [3, с. 20].

Современные алгоритмы компьютерного зрения позволяют с высокой точностью (до 95%) фиксировать наличие средств индивидуальной защиты (СИЗ), идентифицировать нарушителей технологической дисциплины, предотвращать несанкционированный доступ в зоны повышенной опасности и оперативно реагировать на внештатные ситуации. Системы автоматического мониторинга способны в реальном времени определять наличие или отсутствие СИЗ, фиксировать проникновение в опасные зоны, анализировать модели поведения работников и выявлять потенциально аварийные ситуации. Например, такие системы могут контролировать до 15 типов СИЗ и мгновенно подавать сигнал тревоги или блокировать доступ к опасному участку при выявлении нарушений [4].

Несмотря на высокую эффективность, использование компьютерного зрения связано с рядом негативных сторон, особенно в России, где уровень точности компьютерного зрения может быть разным в зависимости от региона и сферы использования. Российской судебной практике уже известны негативные примеры. В 2023 г. Александра Цветкова ошибочно задержали по системе распознавания лиц, и он провел 10 месяцев в СИЗО, пока не доказал

невиновность. В 2020 г. Антона Леушина в магазине «Ашан» также ошибочно приняли за вора из-за сбоя алгоритма [5].

Хотя приведенные случаи не связаны напрямую с социально-трудовыми отношениями, они наглядно демонстрируют потенциальные риски и последствия ошибок компьютерного зрения, которые могут быть актуальны и для сферы трудовых отношений, особенно при использовании видеонаблюдения и биометрических систем на рабочих местах. Существующее трудовое законодательство не успевает за технологическим развитием. Статья 214.2 ТК РФ допускает видеонаблюдение на рабочих местах исключительно в целях обеспечения безопасности, не затрагивая специфические аспекты применения ИИ. В частности, остаются неурегулированными вопросы обработки биометрических данных, принимаемых на основе видеопотока, включая требования к получению отдельного согласия работников и обеспечению условий хранения и обезличивания такой информации в соответствии с положениями ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных».

Российское трудовое законодательство в сфере охраны труда существенно отстает от современных технологических реалий и ориентировано преимущественно на традиционные формы обеспечения безопасности, не учитывая специфику применения ИИ. Статья 214.2 ТК РФ допускает использование видеонаблюдения исключительно для обеспечения безопасности, но не регулирует автоматический анализ изображений и принятие решений на основе алгоритмов, что порождает правовую неопределенность в отношении таких технологий. Вместе с тем, согласно п. 6 ч. 1 ст. 86 ТК РФ, установлен запрет на принятие кадровых решений исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных, однако этот запрет не распространяется на производственные решения, связанные с управлением технологическими процессами и обеспечением промышленной безопасности. В результате применение ИИ для повышения производственной безопасности возможно, но остается вне четких правовых рамок, что требует дальнейшего развития законодательства в данной области [6, с. 157].

Особую значимость проблема приобретения компьютерного зрения приобретает в условиях обязательств работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда, предусмотренных ст. 212 ТК РФ. Применение компьютерного зрения как элемента системы охраны труда предполагает не только техниче-

скую интеграцию, но и нормативное закрепление его роли в выявлении и предотвращении нарушений. В противном случае сохраняется риск признания полученных с помощью таких систем данных юридически ничтожными, особенно в спорах о дисциплинарной ответственности работников или расследовании несчастных случаев.

Дополнительные сложности вызывает необходимость обработки персональных, в том числе биометрических, данных. Системы компьютерного зрения фиксируют лицо работника, телодвижения, поведенческие реакции, что может трактоваться как сбор и использование биометрических идентификаторов. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» такая обработка требует отдельного письменного согласия субъекта, строгих условий хранения, защиты и возможности отзыва. В условиях производственной необходимости соблюдение всех этих требований оказывается затруднительным, особенно в случае круглосуточного видеонаблюдения, встроенного в систему охраны труда.

Значимым пробелом в правовом регулировании является отсутствие стандартов надежности интеллектуальных систем, применяемых в охране труда. В отличие от технических регламентов, установленных для традиционных средств защиты, такие показатели, как точность детекции средств индивидуальной защиты, уровень допустимых ложных срабатываний, периодичность аудита алгоритмов и критерии их соответствия нормам охраны труда, законодательством не определены. Между тем именно надежность, точность и воспроизводимость результатов определяют возможность признания цифровых систем полноценным инструментом охраны труда, наравне с инженерно-техническими и организационными мерами, предусмотренными законодательством.

Представляется необходимым законодательное закрепление правового режима применения технологий компьютерного зрения в сфере охраны труда как специализированного направления с особым регулированием. Следует установить обязанность работодателя по аудиту алгоритмов и верификации результатов с привлечением независимых экспертных организаций. Также целесообразно ввести в ТК РФ нормы, гарантирующие право работника на оспаривание решений, принятых автоматизированной системой в рамках производственного контроля, и предусмотреть необходимость

участия человека в оценке ситуаций, затрагивающих права и безопасность работников.

Отдельно следует урегулировать порядок обработки биометрических данных в контексте охраны труда. Предлагается ввести специальный режим, при котором использование видеопотока для анализа соблюдения требований безопасности допускается только при соблюдении минимальных условий: ограниченного срока хранения необезличенных данных, обязательного шифрования, технической невозможности доступа третьих лиц и предоставления работнику права в любое время отозвать согласие без ущерба для трудовых прав.

Важным направлением правовой трансформации выступает также определение ответственности субъектов, участвующих во внедрении и эксплуатации цифровых систем в сфере охраны труда. Предлагается установить солидарную ответственность работодателя и разработчика программного обеспечения за вред, причиненный в результате недостатков алгоритма или нарушений требований эксплуатации, включая необученность работников. При этом разработчик может нести автономную ответственность в случае, если причиной негативных последствий стали ошибки в программном коде, не выявленные в ходе испытаний, что соответствует подходу, закрепленному в статье 1064 Гражданского кодекса РФ в отношении вреда, причиненного источником повышенной опасности.

Таким образом, применение технологий компьютерного зрения в системе охраны труда требует комплексного нормативного осмысления. Отказ от правового регулирования этой сферы создает риск подрыва доверия к инновационным решениям и препятствует их внедрению. Законодатель должен обеспечить не только правовую определенность, но и должный уровень защиты прав работников, безопасность использования новых средств производственного контроля, а также формировать единые стандарты, интегрирующие цифровые технологии в систему охраны труда как ее неотъемлемый элемент.

Список источников

1. *Потапов А.С.* Системы компьютерного зрения: учеб. пособие. СПб.: Ун-т ИТМО, 2016. 161 с.

2. *Горячкин Б.С., Китов М.*А. Компьютерное зрение: современные подходы и технологии // Эшелон. 2020. № 9. С. 45–59.

3. *Михайлов А.В.* Правовое регулирование охраны труда в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с.

4. Под защитой AI. Как технологии повышают безопасность на производстве // СберПро Медиа. URL: https://sber.pro/publication/pod-zashchitoy-ai-kak-tekhnologii-povyshayut-bezopasnost-na-proizvodstve/ (дата обращения: 27.06.2025).

5. *Levashenko A., Girich M., Ermokhin I., Magomedova O., Malinina T.* Monitoring of international legal regulation trends aimed at development of legislation in the digital economy in Russia: Excluding risks in the use of AI in law enforcement, protection of intellectual property rights in training generative AI. Monitoring No. 5 (May 2024). Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 2024. 47 p.

6. *Новиков Д.А.* Трудовое право и искусственный интеллект: точки соприкосновения и расхождения // Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 156–174.

Зарапина Лидия Владимировна,
доцент кафедры гражданского права
(Российский государственный университет правосудия),
кандидат юридических наук, доцент

Белокопытова Наталья Юрьевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
(Северо-Кавказский федеральный университет,
Пятигорский институт (филиал))

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА В ОТНОШЕНИИ ОБЪЕКТОВ ПРАВА, СГЕНЕРИРОВАННЫХ НЕЙРОННЫМИ СЕТЯМИ

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования охраны творческого труда автора в отношении объектов, созданных нейронными сетями. Акцентировано внимание на решении проблемы правовой творческого труда авторов в отношении результатов интеллектуальной деятельности, сформированных в результате работы алгоритма нейросети – новой технологии, обладающей отдельными признаками самостоятельной разумной деятельности. В статье сделан вывод о необходимости комплексного изменения в контексте стремительного технологического развития как законодательных положений, так и правоприменительной практики с учетом актуализации соответствующих доктринальных позиций.

Ключевые слова: *авторское право, творческий труд, результат интеллектуальной деятельности, нейронная сеть, искусственный интеллект.*

До недавнего времени дискуссия относительно выявления значения понятия «творческого труда» автора результата интеллектуальной деятельности хотя и характеризовалась значительным объемом высказываемых позиций, все же не отходила от традиционного и единственно возможного подхода, по которому в качестве творца неизбежно рассматривался человек как уникальное существо, обладающее высочайшими когнитивными способностями. Представить себе нечто, способное поставить под сомнение данную аксиому, было невозможно: деятельность по созданию произведений, охраняемых авторским или смежными правами, изобретений, средств индивидуализации носит

ярко выраженный интеллектуальный характер, поэтому только гражданин (физическое лицо) способен самостоятельно сформировать осознанный результат этой деятельности. Вместе с тем развитие современных технологий привело к возникновению неясности и в этой, казалось бы, незыблемой доктринальной позиции – в первую очередь, из-за стремительного и, в сущности, неконтролируемого на сегодняшний день распространения технологий нейронных сетей (нейросетей).

На сегодняшний день разработана Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, согласно которой для целей развития правового регулирования под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, способный «имитировать» когнитивные способности человека и получать в этой связи результаты, сравнимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [1].

Поскольку деятельность любой нейросети направлена на создание результата интеллектуального труда человека посредством имитирования свойств его разума, неудивительно, что значительную популярность приобрели сегодня сервисы, позволяющие по текстовому запросу пользователя сформировать изображение, музыкальный файл или видеоматериал, который будет обладать уникальностью относительно ранее известных объектов интеллектуальной собственности. С учетом того, что возникновение правовой охраны на произведение литературы, науки или искусства не связывается с фактом его регистрации или обнародования (т.е. зависит исключительно от самого факта появления такого произведения в объективной форме), возникло неразрешенное на данный момент противоречие: с одной стороны, сформированный нейросетью объект в силу его возникновения способен стать объектом авторского права со всеми аспектами соответствующего статуса, но с другой – неясно, кто именно с позиции ст. 1257 ГК РФ будет обладать статусом автора такого произведения.

Само по себе использование автором технических средств для создания произведения с целью оптимизации или облегчения этого процесса не может рассматриваться в качестве обстоятельства, сколько-нибудь препятствующего предоставлению произведению правовой охраны и отрицающего творческий труд его создателя. Соответствующие позиции подтверждены Верховным Судом РФ,

указавшим, что собственноручное создание произведения или использование при этом технических средств не влияют на степень творческого характера труда автора. Вместе с тем Суд делает принципиально важное уточнение: предоставление правовой охраны объектам авторского права возможно лишь тогда, когда создание результата не осуществляется посредством автоматической работы технического средства, исключающего прямое воздействие человека [2]. Представляется, что такое уточнение имеет прямое отношение к проблеме применения категории «творческого труда» к процессу создания нейросетью объекта интеллектуальной собственности.

Пользователь нейросети, задающий текстовое описание создаваемого результата деятельности, фактически выступает лицом, оформляющим исходные данные для начала работы ее алгоритма. При этом после описания искомого результата пользователь теряет какую-либо возможность воздействия на процесс получения результата – такая возможность появляется у него лишь после вывода сформированного графического, музыкального или аудиовизуального объекта, т.е. после того, как результат работы нейросети стал частью объективной действительности. Разработчик нейросети, хотя и выступает создателем функционирующего алгоритма, которым оформляются произведения, фактически не принимает никакого личного участия в процессе создания конкретного из них. В этой связи одинаково неверными представляются позиции, согласно которым автором того или иного результата интеллектуальной деятельности, созданного алгоритмом нейросети, может быть признан ее пользователь или разработчик: в обоих случаях некорректно говорить о наличии достаточной степени творческого труда указанных лиц в процессе создания произведения. Невозможность прямо воздействовать на процесс оформления результата работы алгоритма, отсутствие изначального представления о таком результате, а также конкретных действий со стороны пользователя (разработчика), составляющих существо процесса формирования результата интеллектуальной деятельности прямо противоречат признакам творческой деятельности: осознанности, самостоятельности, наличию четкой цели и представления о конечном итоге труда, а сам процесс создания нейросетью объекта интеллектуальной собственности носит выраженный автономный (если не сказать – автоматический) характер, что по смыслу дей-

ствующего правового регулирования препятствует предоставлению правовой охраны таким объектам.

В отличие от творческой деятельности человека, характеризующейся осмысленностью, целеполаганием и высокой степенью субъективности, создание того или иного объекта нейросетью выступает лишь процессом последовательного исполнения пусть крайне сложного, но все же технического алгоритма, а сам процесс моделирования графического или звукового произведения невозможен без прямого использования ранее существовавших в реальности образцов. В этом смысле нейросеть фактически не столько создает новое произведение искусства, сколько компилирует образ из многих тысяч схожих объектов авторского права, что, по мнению авторов, исключает возможность признать процесс формирования результата работы алгоритма нейросети творческой деятельностью.

Представляется, что данная проблема выступает на сегодняшний день лишь одним из противоречий, которые надлежит разрешить в самом ближайшем будущем. Вместе с тем, она, несомненно, является крайне значимой, поскольку затрагивает сущностные аспекты общих положений подотрасли права интеллектуальной собственности. Авторами не поддерживается подход, согласно которому искусственный интеллект в целом и нейросеть в частности следует рассматривать в качестве традиционных технических средств (по меньшей мере в том смысле, который вкладывается в это понятие действующим правовым регулированием), использование которых воздействует на характер возникающих правоотношений несущественно – такая позиция в известной степени может стать своеобразным уходом от проблемы; вместе с тем, вполне разумными представляются предложения по усилению значимости в отношении такого рода новых результатов интеллектуальной деятельности института исключительного права, возникновение и использование которого, как известно, не зависят от творческого труда его обладателя. Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, сгенерированный посредством алгоритма нейросети, возможно признать за «организатором» такого создания [3, с. 222]; полагаем, что им может выступить как конкретный пользователь нейросети, так и иное лицо, по инициативе которого искусственный интеллект формирует объект интеллектуальной собственности.

Несомненно, поиски возможных путей урегулирования рассмотренной проблематики следует продолжить как на доктринальном, так и на законодательном, а также правоприменительном уровне.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) (в ред. от 15 февраля 2024 г.). URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.

3. *Черничкина Г.Н.* К вопросу развития правовой охраны произведения в условиях цифровизации с опорой на традиции // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 220–223.

Зуев Сергей Васильевич,
профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности
(Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)),
доктор юридических наук, профессор

ТЕХНИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ КАК «ОКНО» В СОВРЕМЕННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ

В статье определяется, что электронное судопроизводство во многом зависит от технической возможности государственных органов, а также всех участников уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: *уголовный процесс, техническая возможность, электронное судопроизводство, электронное правосудие.*

Современное развитие общества и государства характеризуются бурным развитием отношений в цифровой среде, поддерживаемой интернет-ресурсами. Благодаря широкому участию в интернет-коммуникациях государственных структур, коммерческих организаций и граждан формируется интернет-пространство, включая сайты, аккаунты, цифровые платформы. Отправление правосудия также становится электронным, однако многое зависит от технической возможностей всех субъектов. Применительно к уголовному процессу речь идет об участниках процессуальных отношений, в круг которых входит следователь, потерпевший, прокурор, суд и т.д.

Техническая возможность выступает неким барьером для тех, у кого нет достаточных средств на подключение к современным технологиям и «окном» для технологически обеспеченных лиц. В данном случае вполне уместно говорить о неравенстве, которое может быть преодолено за счет применения смешанных форм обращения: дистанционно через Интернет и личным посещением зданий, где расположены территориальные правоохранительные органы и суды.

Показательным примером законодательно поставленного условия может служить положение ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ, согласно которому **при наличии технической возможности** (выделено

авт. – С.З.) по ходатайству или с согласия обвиняемого, защитника или потерпевшего им может быть вручена копия обвинительного заключения с приложениями, не содержащими сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающих безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности.

Изготовление обвинительного заключения в форме электронного документы, его подписание усиленной квалифицированной электронной подписью, предоставление обвиняемому специального устройства для чтения электронных книг – все это также требует технического решения.

Представляется, что в перспективе случае можно будет просматривать нарастающую закономерность в плане зависимости выполнения процессуальных действий, а позже и принятие решений от работы технических устройств, от программного обеспечения, а также от участия специалистов и надежной защиты данных, от кибербезопасности.

Таким образом реализация назначения уголовного судопроизводства в цифровой среде, а значит защита прав и законных интересов его участников, будет опосредована машинной обработкой электронных данных.

Изучение работы цифровых платформ зарубежных стран, а также создаваемых сайтов в России показывает на необходимый уровень их обслуживания, разработку интерфейса, что в свою очередь требует от пользователей наличия компьютеров, смартфонов, планшетов, а также определенной цифровой грамотности.

Из-за ненадлежащего технического оснащения может возникать необеспеченность прав и законных интересов участников уголовного процесса. Представляется, что это может осложниться из-за отсутствия у лица устройства для работы с электронными данными; в связи с перебоями в электропитании в правоохранительных органах и судах; по причине некачественной интернет-связи, искажающей голос и изображение, прерывающейся значительное количество раз или на длительное время; ввиду недостаточной защищенности каналов связи, влекущей возможную утечку данных; из-за поломки оборудования и задержек с его ремонтом, отсутствием специалистов и т.д.

Возникает вопрос: кто и за какие денежные средства будет решать эти вопросы? На первый взгляд может показаться, что это не имеет прямого отношения к процессуальным вопросам. Финансовое обеспечение всегда было выведено за рамки проблем уголовного судопроизводства. Есть только институт процессуальных издержек, но он призван возмещать расходы, понесшие во время производства по уголовному делу, тогда как техническое обеспечение требует денежных затрат заблаговременно.

По мнению Н.В. Драничниковой, нормы уголовно-процессуального закона отчасти могут являться мерой имущественной ответственности и применяться для компенсации государству затрат, связанных с отправлением правосудия [1, с. 10–11].

Процессуальные издержки следует отличать от расходов на поддержание уголовного судопроизводства в целом. Данный институт в какой-то мере связан с компенсационной функцией права, механизм реализации которой представляет собой «систему правовых средств, методов, процедур последовательное использование которых обеспечивает субъекту возмещение причиненного вреда и восполнение понесенных затрат с целью восстановления социальной справедливости» [2, с. 9].

Представляется, что затраты по расходу и поддержание всего уголовного судопроизводства гораздо масштабны и вряд ли можно говорить о каком-то способе возмещения всех капиталовложений.

Уголовное судопроизводство – правовой механизм государства, и всегда было принято считать, что основные расходы возлагаются на бюджет страны. Если по традиции и дальше вопросы технического и технологического обеспечения цифрового уголовного судопроизводства будет решать государство, то за ним останется и монополия по решению вопросов надлежащего производства по уголовным делам, включая приобретение, поддержку состояния технических средств и программное обеспечение. Одновременно, многие ученые и практикующие юристы хотят расширить возможности адвокатов [3–5], в большей степени решать интересы потерпевших [6, 7].

Источников финансирования и технологического сопровождения цифрового уголовного судопроизводства видится несколько: государственные органы (правоохранительные органы, прокуратура и суд); граждане; адвокатские образования и IT-компании.

Представляется, что когда речь идет об осуществлении производства по уголовным делам, то решение большей части вопросов

должно оставаться за государством. Примером может служить то, что устройство для чтения электронных книг обвиняемому, находящемуся под стражей в следственном изоляторе, должно быть предоставлено органом предварительного расследования (ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ).

Дистанционное участие граждан в производстве следственных действий и рассмотрении дел в суде отчасти решается за счет личных сбережений граждан. При этом государство не берет на себя обязанность какой-то компенсации затрат, хотя вопрос об участии малообеспеченных граждан в таком случае остается открытым. Вряд можно утверждать о стопроцентном наличии у всех жителей страны смартфонов или компьютеров, поддерживающих Интернет.

В.А. Задорожная считает, что «гражданин, не имеющий доступа к интернету, технических средств и соответствующих навыков в цифровизированном уголовном процессе подобен лицу, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство» [8, с. 97].

Возможно адвокатскому сообществу следует, к примеру, взять на себя решение проблемы кибербезопасности и стать полноправным субъектом цифрового обеспечения уголовного судопроизводства. Равноправие процессуальное должно брать свое начало в решении материальных вопросов и текущих проблем. Одной из таких проблем всегда было и будет защита персональных данных и безопасность цифровых платформ в сети Интернет. Привлечены к этому могут сторонние организации, специализирующиеся на разработке современных мер защиты информации. Так, компания Positive Technologies занимается защитой в интернет-пространстве приложений и сайтов Альфа-Банка, Россетей, Минсельхоз России, МВД, Министерства обороны и др.

Техническая возможность обусловлена использованием лицензионных, сертифицированных компьютерных программ и других высокотехнологичных продуктов. Интерес представляет Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 января 2025 г. № 77-79/2025, в котором суд признал законным проведение очных ставок через Skype. Несмотря на то, что ст. 189.1 УПК РФ указывает на необходимость использования систем видео-конференц-связи государственных органов, суд учел вынужденные обстоятельства – нахождение свидетелей в зоне специальной военной операции и отсутствие технической возможности использовать государственные системы для решения задач предварительного расследования.

Следует также заметить, что ранее позиция судов была совершенно иная. Так, суд Ленинского районного суда города Ростова-на Дону в приговоре от 17 февраля 2022 г. № 1-27/2022(1-292/2021) признал недопустимым доказательством протокол допроса свидетеля, проведенного по видеосвязи через WhatsApp. Основанием послужило нарушение требований ст. 189.1 УПК РФ, которая предписывает проведение допросов посредством систем видео-конференц-связи государственных органов.

Таким образом, если в 2022 г. суды строго следовали букве закона, не допуская отклонений от формальных требований, то в 2025 г. подход стал более гибким: суды стали учитывать исключительные обстоятельства и признавать допустимость использования альтернативных средств видеосвязи, если это не нарушает права сторон и обеспечивает достоверность полученных доказательств. Это также свидетельствует о том, что судебная практика развивается, учитывая при этом технический прогресс и объективные сложности, которые могут возникать при проведении следственных действий. Такой подход позволяет обеспечить баланс между соблюдением процессуальных норм и достижением целей правосудия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Таким образом, каким будет электронный уголовный процесс, во многом зависит от активности тех, кто в этом заинтересован. В данном случае это касается не только ученых, практикующих юристов (включая адвокатов, прокуроров, судей), но и организаций, в том числе МВД, ФСБ, Следственный комитет, адвокатское сообщество и т.д. Только общими усилиями можно достичь желаемого результата.

Список источников

1. *Драничникова Н.В.* Институт процессуальных издержек в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. 27 с.

2. *Кузьмина М.В.* Компенсационная функция права и механизм ее реализации по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.

3. *Пироженко Я.Л.* Гарантии прав и обязанностей адвоката при ознакомлении с материалами уголовного дела // Евразийская адвокатура. 2024. № 2(67). С. 70–74.

4. *Постанюк В.Д.* Проблема реализации прав адвоката в уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2019. № 11(179). С. 163–165.

5. *Шмарева Т.А., Шмарев А.И., Стародумов С.В.* О гарантиях профессиональных прав адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 233–239.

6. *Олейник В.В.* Реализация потерпевшим права на участие в предварительном расследовании // Закон и право. 2019. № 11. С. 114–116.

7. *Бегова Д.Я.* Некоторые проблемы обеспечения прав потерпевшего в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 174–176.

8. *Задорожная В.А.* Цифровая коммуникация граждан и органов расследования: влияние на защиту потерпевших от преступлений // Защита жертв преступлений в современном обществе (PVCMS 2023): матер. VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (Челябинск, 21–22 февраля 2023 г.). Челябинск: Эскуэла, 2023. С. 94–101.

Исаенкова Оксана Владимировна,
заведующий кафедрой гражданского процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор юридических наук, профессор

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Представленный материал содержит анализ идентичности российского гражданского судопроизводства в контексте соотношения желаемого российским обществом уровня осуществления правосудия по гражданским делам и того, что имеет место быть в настоящем. Автор обосновывает приоритетность российской идентичности при реформировании правосудия по гражданским делам над ранее имевшей место быть глобализации процессуальных цивилистических норм и международными стандартами правосудия по гражданским делам.

Ключевые слова: *идентичность судопроизводства, российская идентичность, гражданский процесс, правосудие по гражданским делам, форма правосудия, гражданское процессуальное право, сфера гражданской юрисдикции*

Площадку Форума, в рамках которой представляются вниманию правовой общественности собственные позиции ученых-правоведов и практиков относительно перспектив развития законодательного регулирования процесса осуществления правосудия по гражданским делам и науки гражданского процессуального права, мы не случайно назвали «Идентичность российского гражданского судопроизводства». Принимая во внимание, что идентичность вообще была объектом моего научного внимания еще 25 лет назад [1, с. 168–169], когда все мы поклонялись международным стандартам (их, кстати, мы тоже изучали, но итогом анализа был вывод о необходимости фильтрации данных стандартов применительно к интересам именно российского государства [2, с. 356–358], то в первую очередь хотелось бы коснуться общих проблем, которые волнуют всех специалистов в области гражданского процессуального права, а именно инновационных изменений формы осуществления правосудия в сфере гражданской юрисдикции и тех противоречий, с которыми нам приходится сталкиваться

в результате таковой трансформации, когда желаемое определение идентичности выдается за действительное.

Представляется, что идентичность российского гражданского судопроизводства призвана стать основным индикатором, который позволит оградить российское общество от практически любых негативных тенденций предполагаемых коррекций формы судебной защиты гражданских прав. Конечно, в небольшом по объеме материале тенденции предполагаемых коррекций гражданской процессуальной формы можно обозначить лишь контурно, оставляя коллегам возможность дальнейшего развития либо критики предложенной идеи фильтрации как научных, так и законодательных новелл по индикатору их соответствия нашей идентичности.

Следует оговориться, что в правовом поле (в отличие от политического, информационного и др. подобных сфер человеческой жизни) идентичность не должна пониматься как неизменная постоянная величина, означающая полное тождество свойств и действий. Речь следует вести о понимании идентичности в контексте, близком к адекватности, при котором допускается в определенных рамках корректировать содержание действий (в нашем случае – совершаемых в гражданских процессуальных правоотношениях), но при сохранении основной (заранее императивно определенной) части признаков таких действий, которые отвечают за соблюдение правил тождества. Таковые заранее императивно определенные признаки становятся принципами, которыми никоим образом нельзя поступиться. В этом плане нам близка выраженная А.Ф. Вороновым надежда на восстановление изначального значения принципов процесса, основанная на представлении о цикличности эволюции принципов и на здоровом консерватизме как на направлении в политике [3, с. 90]. Экстраполируя таковой «здоровый консерватизм», стрежнем которого, по нашему мнению, как раз и выступает идентичность, на гражданское судопроизводство, можно вывести ограничения и запреты для коррекции гражданской процессуальной формы, в т.ч. ограничители идей интернационалистического толка, которые отражаются, в частности, в Модельных кодексах как сводах процессуальных правил «для всех и каждого», межгосударственных и надгосударственных судебных органов (например, ЕСЧП).

Выдвигая идею об идентичности в гражданском судопроизводстве в качестве основного индикатора его трансформации, от-

метим в качестве базы в таковой идее потребности российского общества получать действенную защиту прав, свобод и законных интересов в виде законных, обоснованных и разумных судебных актов с учетом имеющихся ресурсов участников гражданского судопроизводства, вне зависимости от досудебных возможностей (возраста, образования, материального положения, технических возможностей и умения ими воспользоваться и т.п.) и процессуального статуса (истец, ответчик, третье лицо и др.).

При этом упомянутая в предыдущем абзаце трансформация гражданского судопроизводства может проходить в двух вариантах: либо в стиле «упрощение» (порядка получения защиты в рамках гражданского судопроизводства), либо – «усложнение» (более строгая формализация этого же порядка).

Относительно введения совершенно новых правил в гражданское судопроизводства речь идет, главным образом, также о двух направлениях: так называемой виртуализации (роботизация) правосудия и всуе помянутом Едином гражданском процессуальном кодексе, Концепция которого была призвана унифицировать законодательство в области гражданского и арбитражного процессов, но так и осталась в проектном варианте, о котором время о времени вспоминают ученые, но, увы, не практики.

Основанные на законе (принятые в интересах российских граждан), разумные и исполнимые судебные акты должны быть доступными, и именно это, а не удобство судейской работы (при всем к ней уважении и почтении к лицам, ее осуществляющим) должны путеводными идеалами для выбранной на данный момент законодателем усложнения, традиционности или упрощения гражданской процессуальной формы.

Учитывая современные реалии, от изучения внешних, геополитических факторов влияния на тенденции развития российского законодательства и практики его применения вообще, и гражданского процессуального права, в частности, современным правоведам придется отходить в угоду внутренним факторам, собственной идентичности.

Итак, следует сделать вывод о современной тенденции приоритета российской идентичности при реформировании правосудия по гражданским делам над ранее имевшей место быть глобализации процессуальных цивилистических норм и международными стандартами правосудия по гражданским делам.

Список источников

1. *Исаенкова О.В.* Категория идентичности в современном правопонимании: тождественность или адекватность? // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 24 декабря 2004 г. / под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2004. С. 168–170.

2. Соответствие гражданского процессуального законодательства и судебной практики Российской Федерации по гражданским делам международным стандартам судебной защиты: монография / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрлитинформ, 2014. 376 с.

3. *Воронов А.Ф.* Не могу поступаться принципами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 12. С. 90–97.

Кирдина Наталия Анатольевна,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук;

Петрова Галина Борисовна,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДЕЛЫ РАЗУМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена анализу изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, расширяющих возможность использования систем видео-конференц-связи в судебном заседании. Авторы, признавая необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства, считают, однако, что условием любого изменения норм права должно быть соблюдение разумных начал, обеспечивающих баланс публичных и частных интересов. В данной статье поднимаются проблемные вопросы, вызванные с масштабным внедрением видео-конференц-связи в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: *видео-конференц-связь, ВКС, участие в судебном заседании, непосредственное участие подозреваемого, обвиняемого.*

Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] предусмотрел ст. 241.1. «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи». Нововведения уголовно-процессуального закона объясняются направленностью на оптимизацию уголовного судопроизводства за счет использования современных цифровых платформ и технологий, повышением доступности правосудия и уровня защиты прав граждан [2]. Однако следует констатировать, что создание нетрадиционной модели правового регулирования данного вопроса не только свидетельствует о стремлении законодателя идти в ногу со временем и отвечать потребностям развития научно-технического прогресса в целях обеспечения публичных интересов со сто-

роны государства, но и создает угрозу перекоса в балансе публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве в сторону первых [3]. До принятия данных изменений уголовно-процессуальный закон частично предусматривал использование в уголовном судопроизводстве видео-конференц-связи (далее – ВКС) и электронных документов. Так, применение ВКС судом первой инстанции было возможно только для допроса свидетеля и потерпевшего, а также для участия подсудимого в судебных заседаниях по делам террористической направленности в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 4 ст. 240 УПК РФ, ч. 6.1 ст. 241 (ныне утратила силу) УПК РФ).

Ныне законодатель, при сохранении нормы об обязательном участии подсудимого (обвиняемого, подозреваемого) непосредственно в судебном заседании, формулирует обширные исключения из этого правила, касающиеся не только судебного разбирательства, но и досудебного производства при проведении судебного заседания по рассмотрению судьей ходатайства органов уголовного преследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении ее срока. При наличии общей нормы о непосредственном участии подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании законодатель формулирует определенные исключения. Если имеется техническая возможность, суд сможет по собственной инициативе, при наличии обстоятельств, исключающих возможность участия подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании непосредственно, принять решение об его участии путем использования систем видео-конференц-связи (ч. 4 ст. 108 УПК РФ). Как видно, формулировка весьма расплывчата и позволяет суду делать не исключение из общего правила о непосредственном участии подозреваемого, обвиняемого, а превращать такой режим во вполне себе рядовую ситуацию.

Пленум Верховного Суда РФ дал толкование ситуаций, касающихся существа и перечня обстоятельств, исключающих возможность участия подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании непосредственно, и указал, что, по общему правилу, в силу положений ч. 4 ст. 108, ч. 8 и 13 ст. 109 УПК РФ, участие в судебном заседании подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, является

обязательным. Вопрос о форме такого участия – непосредственно или с использованием систем видео-конференц-связи – решается судом с учетом положений как указанных норм, так и ст. 241.1 УПК РФ, в том числе о наличии технической возможности использования систем ВКС. В силу ч. 4 ст. 108 УПК РФ суд принимает решение об участии подозреваемого путем использования систем ВКС, когда имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно (например, проведение карантинных мероприятий по месту содержания лица или временное отсутствие транспортной доступности, препятствующие доставлению задержанного в суд) [4].

Вместе с тем формулировки, используемые в ч. 4 ст. 108 УПК РФ и в приведенном Постановлении, позволяют суду делать не исключение из общего правила о непосредственном участии подозреваемого, обвиняемого, а превращать такой режим во вполне себе рядовую ситуацию. Разъяснения данной нормы и приведенные Пленумом Верховного Суда РФ примеры в виде отсутствия транспортной доступности или проведение карантинных мероприятий по месту содержания лица, с нашей точки зрения, не способствуют правильному толкованию и обусловливают риск того, что предоставление суду названных полномочий повлечет за собой ограничение (а фактически нарушение) требования и права на физическое, непосредственное участие подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании по избранию заключения под стражу. Таким образом, исключение из общего правила быстро приобретет массовый характер. Считаем, что Конституционный Суд РФ еще выскажет свою позицию по данному вопросу.

Анализируемые новации были обусловлены также необходимостью повышения гарантий прав граждан и юридических лиц на судебную защиту, усовершенствования действующих норм процессуального законодательства, регламентирующих порядок использования технологий удаленного участия в уголовном судопроизводстве, а также обеспечения рассмотрения уголовных дел судами различных инстанций с соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства, что особенно важно в тех ситуациях, когда подозреваемый, обвиняемый или подсудимый содержится в учреждениях уголовно-исполнительной системы [2]. Однако в действительности, благие намерения законодателя, желающего соблюсти некоторые публичные ин-

тересы, связанные с обеспечением разумного срока уголовного судопроизводства, снижением финансовых, временных, технических и прочих затрат государства на доставление подозреваемого, обвиняемого непосредственно в зал судебного заседания, достигаются за счет ущемления частных интересов основного участника уголовного судопроизводства, коим является подозреваемый, обвиняемый.

В литературе участие подсудимого правомерно рассматривается как элемент гласности [5]. Многие авторы, совершенно обоснованно не видя в применении ВКС нарушения гласности, усматривают ограничение другого постулата уголовного судопроизводства – непосредственности судебного разбирательства и связанного с ним конституционного права подсудимого на непосредственное участие в судебном разбирательстве [6]. Так, профессор Л.В. Головко справедливо считает, что «нет никаких оснований исходить из равноценности физического (реального) и дистанционного (виртуального) участия обвиняемого в судебном разбирательстве. У обвиняемого должно быть право не просто на участие, а на физическое участие в судебном разбирательстве» [7, с. 18].

На наш взгляд, соблюдение принципов презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому права на защиту, состязательности и равноправия сторон может быть реализовано только в условиях обеспечения такой модели судебного заседания, при которой право на справедливое судебное разбирательство реализуется в ходе публичного слушания уголовного дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом при предоставлении подсудимому реальной возможности активного участия. Только так можно обеспечить защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436168/ (дата обращения: 01.06.2025).

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 232773-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/

download/3343ADF7-D8A0-4A52-ADAC-90D83878A248 (дата обращения: 01.06.2025).

3. *Кирдина Н.А., Петрова Г.Б.* О балансе публичных и частных интересов в правовом регулировании участия в судебном заседании путем использования видео-конферец-связи // Актуальные проблемы современного российского уголовного судопроизводства: сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. В.Я. Чеканова / под ред. Н.С. Мановой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. С. 83–89.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 27 мая 2025 г.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 01.06.2025).

5. *Колосович М.С.* Участие подсудимого в судебном разбирательстве как элемент гласности сторон // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 95–101.

6. *Хайдаров А.А.* Об участии подсудимого, содержащегося под стражей, в процессуальных действиях в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи // Российский следователь. 2014. № 19. С. 21–24.

7. *Головко Л.В.* Право на физическое участие в судебном разбирательстве – новое фундаментальное право обвиняемого? // Государство и право (Армения). 2023. № 2(96). С. 13–20.

Коновалов Иван Николаевич,
профессор кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор исторических наук, профессор

ПРЕПОДАВАТЕЛИ, СОТРУДНИКИ И СТУДЕНТЫ САРАТОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Статья посвящена анализу вклада в Победу преподавателей, сотрудников и студентов Саратовского юридического института, как на фронте, так и в тылу, в ее основе лежат подлинные документы Государственного архива Саратовской области, архива Саратовской государственной юридической академии, а также электронных банков данных Министерства обороны РФ: «Память народа», «Подвиг народа», «Мемориал». В статье дополнен список преподавателей, сотрудников и студентов, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *преподаватели, сотрудники, студенты, Саратовский юридический институт, участники Великой Отечественной войны, труженики тыла.*

Сегодня, отмечая 80-летие Великой Победы, важно рассмотреть вклад преподавателей, сотрудников и студентов Саратовского юридического института имени Д.И. Курского в разгром фашизма. К сожалению, для поколения победителей и их потомков война не закончилась. Фашизм был повержен как идеология, как политический режим, осужден международным Нюрнбергским трибуналом, но все же окончательно уничтожен не был. Нацистских преступников, сражавшихся в националистических подразделениях СС, теперь героизируют, оказывают поддержку на государственном уровне в большинстве стран Запада. В 2014 г. к власти на Украине приходят последователи Степана Бандеры и Шухевича, которые развязали войну против русскоговорящего населения Украины и Крыма. Россия вынуждена была начать спецоперацию, главными целями которой является демилитаризация и денацификация Украины. В этой связи тема участия преподавателей, сотрудников и студентов Саратовского юридического института в Великой Отечественной войне становится весьма актуальной.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., с 23 июня в стране была объявлена всеобщая мобилизация.

С 23 июня по 1 августа 1941 г. на защиту Родины добровольцами и по мобилизации на фронт ушли более 60 студентов, преподавателей и сотрудников института. Среди тех, кого первыми призвали в армию и на кого выпали неимоверные тяготы войны, были: проректор по административно-хозяйственной части П.И. Ягунов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права С.А. Епанешников, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма М.И. Китаев, заведующий кафедрой политической экономии П.П. Кочегаров, преподаватель военной кафедры М.А. Добров, преподаватель В.П. Решетников, старший лаборант кафедры гражданского права Г.С. Куприенко, библиотекарь М.И. Якубенко, шофер А.Я. Рыжов, сотрудник института С.И. Митрофанов, студенты Н. Осипов, А. Ячеев, П. Мринич, И. Молчанов, Ю. Овчинников, Н. Старчиков [1, л. 1–145]. Всего же до конца августа в ряды Красной Армии было мобилизовано 159 человек. На первом курсе 1940/41 учебного года в институте обучалось около 200 студентов: после призыва в армию осталось 34 студента (5 юношей, остальные – девушки). Более 52 студентов для продолжения обучения были направлены в Военную юридическую академию [2, с. 15–16].

В связи со сложной обстановкой военного времени в 1941 г. государственные экзамены были проведены в сжатые сроки. Первыми их сдавали студенты, уходившие на фронт. Решением государственной экзаменационной комиссии при Саратовском юридическом институте от 28 июня 1941 г. 71 выпускнику была присвоена квалификация юриста (приказ по Саратовскому юридическому институту № 65 от 28 июня 1941 г., подписанный директором института П.И. Угрюмовым) [3, с. 54].

Учебная работа полностью подчинялась требованиям военного времени. На полях области в 1941 г. созрел хороший урожай. Стране нужен был хлеб, а убирать его было некому. И студенты выезжали на уборочные работы в колхозы и совхозы. На полевые работы представители института выезжали постоянно на протяжении всех военных лет. Кроме того, студенты и преподаватели института принимали активное участие в возведении оборонительных сооружений вокруг Саратова, а также на саратовских заводах и других объектах. Они рыли противотанковые

рвы, ходы сообщения, землянки и др. Бывали дни, когда на оборонительные работы выходили все студенты и преподаватели института.

В соответствии с требованиями военного времени был перестроен не только учебный процесс, но и научная работа, которая ориентировалась на достижение скорейшей победы над врагом.

Преподавателями и студентами разрабатывались такие научные темы, как «Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне», «Всеобщая воинская обязанность граждан СССР», «Проблемы земельного права, выдвинутые Великой Отечественной войной», «Реакционная сущность «расовой теории» фашистского уголовного права», «Имущественные отношения на освобожденной от оккупации территории».

В 1942 г. в связи с возникновением непосредственной угрозы городу (фронт приближался и достиг Сталинграда) в Саратове была создана дивизия народного ополчения. Ее командиром был назначен участник Гражданской войны, военный руководитель института К.К. Рыбалко, начальником политотдела – бывший директор института А.И. Федорцов, начальником штаба одного из полков дивизии – ассистент Р.А. Хрулицкий-Бурбо. Многие преподаватели и сотрудники вуза стали бойцами Кировского (районного) полка дивизии народного ополчения. Ополченцы восстанавливали разрушенные фашистской авиацией цеха заводов, рыли окопы, прокладывали коммуникации [4, с. 7].

Во время авианалетов на Саратов студенты и преподаватели института дежурили на крыше учебного корпуса. В 1942 г. немецкие бомбардировщики старались разрушить железнодорожный мост, подшипниковый, авиационный и нефтеперерабатывающий заводы, по ночам пускались в воздух ракеты, давая наводку авиации. Если фашистским самолетам не удавалось выполнить поставленную задачу, то они, возвращаясь на свои базы, сбрасывали зажигательные бомбы на городские здания.

А студенты и преподаватели, в свою очередь, во время дежурства сбрасывали эти бомбы с крыши учебного корпуса. С этой целью здесь были установлены посты-будки, где стояли ящики с песком и емкости с водой.

Одновременно преподаватели и студенты вуза вели активную патриотическую и пропагандистскую работу: давали шефские концерты художественной самодеятельности в госпиталях и военных

подразделениях, выступали с лекциями и докладами перед населением города и области.

После госпиталей и окончательной Победы над врагом достойным пополнением состава преподавателей и сотрудников Саратовского юридического института стали около 400 фронтовиков, участвовавших в боях против немецко-фашистских захватчиков. Аудитории заполнило новое поколение студентов. Многие из них были вчерашними фронтовиками, которых в институт принимали вне конкурса.

Как свидетельствуют архивные материалы, большинство из ушедших на фронт выполняли воинский долг в действующих боевых частях и дивизиях на офицерских должностях и в звании рядовых; военными прокурорами и следователями; командирами и политработниками стрелковых и танковых взводов, рот, батальонов, подразделений связи, артиллерийских дивизионов; моряками, летчиками и простыми солдатами – все отмечены боевыми орденами и медалями (почти 90 % фронтовиков получили ранения). Один сотрудник института и четверо студентов-фронтовиков в годы Великой Отечественной войны получили звание Героя Советского Союза. Это Алексей Фадеев, Борис Сорокин, Владимир Венцов, Иван Зелепукин и Павел Богатов.

По архивным документам, Книгам памяти, установлено, что в сражениях за Родину погибли, умерли от ран в полевых госпиталях и были официально признаны без вести пропавшими 22 человека, выпускников, сотрудников и студентов института.

Это капитан А.Г. Афанасьев – погиб в плену [5, л. 67], младший лейтенант Г.И. Астафьев – пропал без вести [6, л. 30], красноармеец Н.И. Беляков – пропал без вести [7, л. 4], гвардии старший лейтенант юстиции А.Н. Бакунов погиб в Венгрии [8, л. 2], Герой Советского Союза, командир пулеметной роты старший лейтенант В.К. Венцов – погиб при форсировании Днепра [9, л. 11], капитан юстиции В.Ф. Галаганов – погиб в бою [10, л. 3], младший лейтенант П.И. Казанцев – умер от ран [11, л. 7] , лейтенант И.П. Косяченко – пропал без вести [12, л. 6], старший лейтенант Г.С. Куприенко – погиб в бою, политрук А.Д. Майбардюк – пропал без вести [13, л. 19], военный юрист 3 ранга И.Б. Миронов – погиб в бою [14, л. 31], красноармеец В.Н. Наталин – погиб в бою [15, л 11], красноармеец Н.Г. Осипов – погиб в плену [16, л. 22], гвардии сержант С.Ф. Парамонов – погиб в бою [17, л. 12], старший сержант

В.Н. Полянин – погиб в бою [18, л. 6.], красноармеец Н.И. Порошенко – погиб в бою, младший лейтенант Н.И. Соколенко – погиб в бою [19, л. 2], военный судья лейтенант И.Г. Сорокин – погиб в бою [20, с. 37], сержант П.И. Сергеев – погиб в плену [21, л. 146], красноармеец Н.Ф. Старчиков – пропал без вести [22, л. 62], красноармеец М.М. Флямбаум – пропал без вести [23, л. 2].

В память о преподавателях, сотрудниках и студентах института, которые пали смертью храбрых на полях сражений, а также ковали Победу в тылу, на территории вуза в 2020 г. были установлены стенды с фотографиями участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла.

В годы войны в здании Института (ул. М. Горького, д. 45) находился госпиталь, поэтому администрацию института перевели в помещение Саратовского областного суда (ул. Некрасова, д. 17). Здесь же выделили и учебные помещения. Выпускники вуза, кому пришлось учиться в это трудное время, вспоминали, что занятия проходили в вечернюю смену, в холодных комнатах; сидеть приходилось в верхней одежде, а в сильные холода писали лекции в перчатках. С завершением войны госпиталь, размещавшийся в здании института на ул. М. Горького, в 1944 г. был свернут. Преподаватели и студенты с большой радостью вернулись в свое родное здание.

Долгие годы в академии трудились преподаватели и сотрудники – ветераны Великой Отечественной войны Н.А. Баринов, В.В. Борисов, В.И. Бурдавицин, М.В. Быков, А.М. Витченко, В.В. Гаврилов, В.Н. Демьяненко, В.А. Дубривный, В.Н. Заботкин, Я.Е. Камейко, А.П. Лобанов, В.М. Манохин Т.И. Масюкова, В.В. Пацевич, П.В. Рамзаев, В.К. Савенко, П.А. Соколянский, А.П. Чугунов, К.Ф. Тихонов, В.А. Тархов и многие другие. Наши славные ветераны и их боевые товарищи, ныне которых, к сожалению, уже нет, среди живущих, сделали самое главное дело в своей жизни – защитили Родину от врага, отстояли свободу и независимость Отечества. Для сегодняшнего поколения студентов они являются ярким примером мужества, героизма и отваги, любви к Родине и ее народу.

Список источников

1. ГАСО. Ф. 98. Оп. 57. Д. 10.

2. Академия в нашей жизни: 80 лет Саратовской государственной академии права / [под ред. С.Б. Суровова]. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2011. 488 с.

3. События люди в жизни вуза (по страницам газет и журналов) / Авт.-сост.: В.А. Елистратова, Л.Г. Зубкова; под общ. ред. С.Б. Суровова, Ф.А. Григорьева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2009. 233 с.

4. Поклонимся великим тем годам. Преподавателям, студентам, сотрудникам Саратовского юридического института имени Д.И. Курского – участникам сражений в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и труженикам тыла посвящается… / под общ. ред. Е.В. Ильговой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2020. 348 с.

5. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 2092.

6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563786. Д. 3.

7. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 583.

8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 701.

9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 68.

10. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 65.

11. ЦАМО. Ф. 1189. Оп. 2. Д. 34.

12. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 645.

13. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 636.

14. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 19.

15. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1207.

16. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977532. Д. 98.

17. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 230.

18. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1257.

19. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4729.

20. Книга памяти. Самарская область в 19 томах. Т. 5 / сост.: В.В. Абаев, В.Г. Анисимов, Н.Д. Кудинов и др. Самара: Дом Печати, 1994. 352 с.

21. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 26.

22. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 122.

23. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977522. Д. 31.

Коновалов Руфат Рафаилович,
старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева), судья Арбитражного суда Республики Татарстан в отставке

ЭВОЛЮЦИЯ СТАНДАРТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В РАМКАХ ДЕЛ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Статья посвящена анализу процессуальных особенностей доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве). Автором исследовано формирование и дальнейшее развитие повышенного стандарта доказывания в делах о банкротстве.

Ключевые слова: *доказывание, процессуальные особенности доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве), повышенный стандарт доказывания.*

Исследование процессуальных особенностей доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) имеет большое практическое значение, учитывая постоянно возрастающее количество таких дел в судебной практике, а также их огромную социально-экономическую роль в стабильности гражданского оборота.

Процесс доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве), безусловно, имеет свою специфику, предполагает применение различных доказательственных презумпций, корреляцию основного дела о банкротстве и обособленных споров и т.д. Одной из характерных особенностей доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) является также применение повышенного стандарта доказывания.

Само понятие «стандарт доказывания» не закреплено в российском законодательстве. И.В. Решетникова рассматривает стандарт доказывания как баланс вероятности, который должен быть, достигнут и при вынесении окончательного судебного акта по делу, и при доказывании отдельных вопросов в ходе судебного слушания [1].

Появление повышенного стандарта доказывания в делах о банкротстве связано с тем, что очень часто контролирующие должника лица, аффилированные с должником кредиторы предъявляют мнимые требования в банкротстве должника как с целью установления

контроля над процедурой банкротства должника, так и для необоснованного получения денежных средств из конкурсной массы.

Необходимость проведения проверки реальности заявленных требований привела к появлению термина «повышенный стандарт доказывания», который применяется преимущественно в делах о несостоятельности.

Одним из первых упоминаний о том, что при установлении требований в деле о банкротстве применяются какие-то специальные правила доказывания, является п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». «При оценке достоверности факта наличия требования суду надлежит учитывать среди прочего следующие обстоятельства: позволяло ли финансовое положение кредитора (с учетом его доходов) предоставить должнику соответствующие денежные средства, имеются ли в деле удовлетворительные сведения о том, как полученные средства были истрачены должником, отражалось ли получение этих средств в бухгалтерском и налоговом учете и отчетности и т.д.» [2]. Установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности.

Дальнейшее развитие вопрос применения повышенных требований к доказыванию в делах о банкротстве получил в деле ООО «Мурманские мультисервисные сети», рассмотренном Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в 2014 г., где впервые был применен термин «стандарт доказывания». «При рассмотрении подобных споров конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства prima facie, подтвердив существенность сомнений в наличии долга. При этом другой стороне не должно составлять затруднений опровергнуть указанные сомнения, поскольку именно она должна обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником» [3].

После упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ, данная правовая позиция была подтверждена в определениях Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Аффилированный кредитор должен исключить любые разумные сомнения в реальности долга, поскольку общность экономических интересов, в том числе повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по су-

ществу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) [4].

В 2018 году в деле о банкротстве банка «БФГ-Кредит» Верховный Суд РФ сформулировал теорию, согласно которой в российском гражданском праве существует иерархия стандартов доказывания:

1. Обычный (непоименованный) гражданский стандарт, применяемый по общему правилу.

2. Стандарт «ясные и убедительные доказательства», применяемый для включения в реестр требований неаффилированных кредиторов.

3. Стандарт «за пределами разумных сомнений», применяемый для включения в реестр требований аффилированных кредиторов (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413).

Позиции Высшего Арбитражного Суда РФ и в последующем Верховного Суда РФ о применении повышенного стандарта доказывания в делах о банкротстве нашли свое дальнейшее развитие в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от 29 января 2020 г. [5]. При этом Верховный Суд РФ в данном обзоре предложил совершенно новый механизм субординации требований аффилированных кредиторов в целях предотвращения «контролируемого банкротства».

Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ были внесены существенные изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и ст. 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в том числе предусмотрен документарный (без проведения судебного заседания) порядок рассмотрения требований о включении в реестр требований кредиторов.

При этом, согласно разъяснениям, изложенным в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ», несмотря на упрощение самой процедуры рассмотрения требований сохранилось положение о том, что при рассмотрении обособленного спора суд

с учетом поступивших возражений проверяет требование кредитора на предмет мнимости или предоставления компенсационного финансирования [6].

В то же время Верховный Суд РФ одновременно установил определенные пределы проводимой проверки и указал, что если после проверки на предмет мнимости действительность долга не вызывает сомнений, суд, рассматривающий дело о банкротстве, не исследует дополнительные обстоятельства, связанные с предшествующим заключению сделки уровнем дохода кредитора, с законностью приобретения переданных должнику средств, с последующей судьбой полученного должником по сделке имущества, с отражением поступления имущества в отчетности должника и т.д.

Выработанные Верховным Судом РФ новые правовые подходы к доказыванию, безусловно, будут способствовать формированию единообразной судебной практики в делах о банкротстве.

Список источников

1. *Решетникова И.В.* Стандарт доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 26–27.

2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 1446/14 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 7.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

Корзун Александр Валентинович,
старший преподаватель кафедры русского литературоведения (Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «СКАЗКИ О ЗАПРЕТНОЙ ЛЮБВИ» АЛЕКСАНДРА КАНА

Статья посвящена анализу художественного своеобразия «Сказки о запретной любви» Александра Кана, открывающих сказочный цикл «Сказки о Коре Сарам».

Ключевые слова: *экзистенция, метафизика, мифология, метафора, автобиография.*

Российско-казахстанский писатель и эссеист Александр Кан, проживающий в Казахстане, этнический кореец по национальности, пишущий на русском языке, в 2019–2020 гг. создал сказочный цикл «Сказки о Коре Сарам» (в переводе с корейского «коре сарам» означает местные корейцы, то есть корейцы, проживающие за пределами корейского полуострова). Цикл состоят из пяти сказок: «Сказка о запретной любви», «Сказка о летающей пижаме», «Сказка о влюбленном домовом», «Сказка о вечных мужьях и любовниках», «Сказка о поющем почтальоне». Каждая сказка в свою очередь состоит из ряда идейно и композиционно связанных между собой частей, которые можно назвать микроновеллами, имеющими свое название и сюжет. «Сказки о Коре Сарам» по заявлению автора – это попытка, и надо признать небезуспешная, создания мифологии этноса коре сарам» [1, с. 24].

«Сказки интересны и понятны не только диаспоре коре сарам, для которых Александр Кан создает мифологию, помогающую им в художественно-образной форме осмыслить свою судьбу, но и представителям других национальных культур, так как поднимаемые автором проблемы носят общечеловеческий универсальный характер» [1, с. 24].

Вся проза писателя, а это не только сказки, но и романы, повести, рассказы, на наш взгляд, представляет собой единое художественное целое, что проявляется в отчасти автобиографических образах главных героев, с которыми автор идентифицирует себя, проецируя на них факты своей жизни, в общих мотивах, в характер-

ном для Кана стиле подаче тем любви, семьи, дружбы, одиночества, обретения своего внутреннего «я».

Открывает сказочный цикл «Сказка о запретной любви» (март-июль 2019), где мы знакомимся с главным героем сказок Сашей Ли, сквозным персонажем, объединяющим сказки в единое произведение и на протяжении всех сказочных историй «занятого неустанным духовным поиском, решением экзистенциальных проблем, попыткой понимания своего места и времени, обретениями и утратами, взлетами и падениями» [1, с. 24]. В системе художественных координат писателя герой по фамилии Ли впервые встречается нам в повести «Полуночный конвой» (1991). Там он лишен имени, обезличен, стремится найти и идентифицировать самого себя. Далее герой с такой же фамилией, но на этот раз с таким же именем, как и в последующих сказках, появляется у автора в шеститомном романе «Треугольная Земля» (1994–1999). Начало «Сказки о запретной любви», ее первая часть, под названием «Любовник Саша Чуланов» сюжетно воспроизводит первую часть данного романа, имеющую схожее название «В чулане». Творчество – это духовная автобиография его творца, поэтому, как видим, экзистенциально близкий самому автору герой, воплощенный в сказочном нарративе, является результатом долгих художественных раздумий и обобщений. Образ Саши Ли близок автору, непосредственно с ним связан, можно утверждать, что это излюбленный образ Александра Кана, так как он объединяет целый ряд творений, в каждом по своему перевоплощаясь для заданного амплуа произведения, но сохраняя при этом естество своего характера, саму его суть, кроме того, духовное родство, ментальная близость чисто внешне подчеркивается тождественными именами автора и героя, их национальной принадлежностью и тем, что Саша Ли оказался во второй сказке «Сказке о летающей пижаме» сопричастен судьбе и делу всей жизни своего творца, подружившись с духами четырех писателей.

Кан намеренно дает герою широко распространенную корейскую фамилию Ли, вызывающую ассоциации с русской частицей ли, имеющей семантику некой неуверенности и вопроса, ставя таким образом под сомнение буквальное и метафизическое существование своего героя-инородца, выпавшего из времени и пространства после распада Советского Союза. В примечание-сноске ко второй сказке цикла «Сказке о летающей пижаме» (сентябрь

2019) автор так интерпретирует фамилию своего героя: «Существуем ЛИ мы? И корейцы ЛИ мы? И кто мы вообще такие? И если по существу, плодотворно и перспективно ЛИ духовно такое чужбинное существование?» [2]. В последней пятой сказке «Сказке о поющем почтальоне» (май 2020) Кан далее развивает свою мысль, называя свои сказки сказками о любви, «…в которых мой сквозной герой Саша Ли ищет ее, свою любовь, находит, ошибается, страдает, разочаровывается, вновь обретает. И в этом неудержимом стремлении, пронзительном посыле, извечной неутоленности, он, потомок обитателей метафизического чулана, в котором, по сути, жили наши отцы и деды, соответственно вечный дикарь, неофит, трубадур, поющий любовник, никак и ни за что не теряет своего жизнелюбия и стойкости. Ибо живет не только за себя, но и за всех родных и просто – коре сарам без границ! – неутоленных, не получивших в свое время такой возможности свободно жить и любить» [3]. Данные ремарки определяют тон всего сказочно-волшебного повествования, лейтмотивом которого является проблема духовной самоидентификации, экзистенциального существования [1, с. 24].

Постулируя, как было обозначено выше, главную тему своего сказочного цикла – тему любви, Кан первую сказку «Сказку о запретной любви» начинает словами «Наш герой – любовник, которого приютила одна семейная пара, повстречав его на вокзале: он не помнил, кто он и откуда, только имя Саша, и странная, короткая для русского мира, очевидно, корейская фамилия Ли» [4]. Прямая авторская характеристика, предопределяя ведущую тему цикла, маркирует важное, но отнюдь не исчерпывающее качество героя. Сразу нужно подчеркнуть, что слово «любовник» используется в сказке в положительной коннотации. В отличие от такого вечного образа мировой литературы, как Дон Жуан, сладострастного совратителя, неутомимого искателя женской любви, лишенного как правило высоких нравственных принципов, Саша Ли является скорее узником любви, он становится любовником вынужденно, по необходимости, интенция совершать любовные подвиги у него отсутствует. Обращаясь к поэтике заглавия мы видим, что в названии сказки звучит кантовский категорический императив. В контексте заглавия эпитет «запретной» емкий по смыслу, вызывает много ассоциаций, в том числе и библейскую аллюзию со сладким запретным плодом. Герою-инородцу, изгою запрещено любить, он как бы по умолчанию лишен этого права, жить полнокровной че-

ловеческой жизнью, однако обращение к волшебно-фантастическому сказочному жанру позволяет писателю изобразить, казалось бы, невозможное, как проходя через все испытания, вопреки всему, герой обретает счастье любить и быть любимым, создав крепкую семью.

Слова «он не помнил, кто он и откуда» [4] намекают на последствия насильственной депортации корейцев с Дальнего Востока, (который для многих жителей корейского полуострова в результате японской оккупации стал второй родиной во второй половине XIX в.), в Среднюю Азию и Казахстан в 1937 г., поэтому герой не помнит своего родства, будучи оторванным от своей настоящей родины, внезапно появляется на вокзале, очевидно будучи готовым ехать «куда глаза глядят» как человек без своего отечества, дома, семьи. Герою важно идентифицировать себя, понять кто он: будучи носителем русского языка и представителем русской культуры, он не знает своего родного языка, национальных обычаев и традиций, живет на чужой стороне, но при этом антропологически являет собой типичную внешность дальневосточного человека. Раздвоенность героя вообще характерна для художественного мира Александра Кана в первом же предложении удачно передается, как и у всех коре сарам сочетанием русского имени и корейской фамилии.

Супружеская пара приютила его у себя, поступив в высшей степени великодушно и гуманно, но впоследствии такая удивительная забота о чужом человеке, скорее всего неожиданно прежде всего для самих героев, обернулась корыстным расчетом. Автор не без тонкой иронии замечает, что хозяйка Соня «в своих усердных заботах и ласках, сама не заметила, как стала его любовницей» [4]. Бесхребетный муж недолго возмущался, смирился, усмотрев в этом свой интерес: свободное от семейной рутины время, встречи с друзьями, подружка на стороне. Семейные узы не были скреплены любовью, а высокая потребность в ней, судя по всему, ощущалась. Они стали жить втроем, как пишет писатель вполне себе счастливо, однако, чтобы не скомпрометировать себя перед гостями прятали Сашу Ли в чулане, где он должен был так долго находиться, что у него отнимались ноги. Автор реализует тем самым идею о том, что настоящим домом для его героя стал чулан – темное тесное замкнутое пространство, метафора тюрьмы, вызывающее сильный психологический и физический дискомфорт. Герой был бы и рад освободиться, но идти ему было некуда и ни-

кого у него в целом мире, кроме этой супружеской четы не было. Этим и объясняется название первой части сказки «Любовник Саша Чуланов». Изначально добрый поступок Сони был перечеркнут потребительским отношением к своему пленнику, но автор не клеймит ее, не делает из нее чудовище, оправдывая ее тем, что она все-таки искренне была привязана к Саше, любила его. Однако ни что не продолжается вечно, вот и однажды этот устоявшийся уклад был разрушен, когда Соню навестила ее овдовевшая подруга Нора с дочерью Ниной. Нина обнаружила его в чулане, найдя в нем родственную душу, «…словно он в этом чулане именно ее и ждал, и поговорили они в темноте об одиночестве, личном и всеобщем, о людском непонимании и даже желании исчезнуть с лица земли, и конечно о снах своих, мечтах и грезах, внутренних приключениях» [4], вызволила его на свободу, забрала его жить к себе с мамой, в отдельную комнату, а не в чулан, несмотря на все протесты Сони. В результате приключений, злоключений, сложных перипетий с Норой, Ниной, знакомству с учителем любви Тромбом (семантика имен Нора, Тромб актуализуется в повествовательной структуре) Саша с Ниной создают крепкую семью. Гимном торжествующей и созидающей любви заканчивается сказка своей заключительной частью, имеющей характерное жизнеутверждающее название «Парк Бессмертной Любви».

Список источников

1. *Корзун А.В.* «Голем убывающей луны» Александра Кана // Интернет-пространство как вызов научному сообществу XXI века: матер. республик. науч.-практ. конф. Ташкент, 10 июня 2021. Ташкент: Национ. Ун-т Узбекистана им. М. Улугбека, 2021. С. 23–27.

2. *Кан А.* Сказка о летающей пижаме. URL: https://koryo-saram.site/aleksandr-kan-skazka-o-letayushhej-pizhame/ (дата обращения: 27.06.2025).

3. *Кан А.* Сказка о поющем почтальоне. URL: https://koryo-saram.site/aleksandr-kan-skazka-o-poyushhem-pochtalone/ (дата обращения: 27.06.2025).

4. *Кан А.* Сказка о запретной любви. URL: https://koryo-saram.site/aleksandr-kan-skazka-o-zapretnoj-lyubvi/ (дата обращения: 27.06.2025).

Королев Павел Андреевич,
доцент кафедры истории государства и права
(Тульский государственный университет),
кандидат политических наук, доцент

ПРИЧИНЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Статья посвящена мотивационному анализу фальсификации истории Великой Отечественной войны. Данное явление рассматривается в более широком политическом контексте как инструмент политико-идеологического противостояния с конечными материально-экономическими целями. Также в статье приведены конкретные примеры фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *фальсификация истории, Великая Отечественная война, политические технологии.*

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне особенно остро стоит проблема фальсификации ее истории. Фальсификацию истории следует рассматривать как осознанное и преднамеренное ложное описание исторических событий [1, с. 23], в основе которого лежит политическая и материальная мотивация [2, с. 32]. Как правило, фальсификация истории базируется на механизмах убеждения: приводятся ссылки на персоналии-авторитеты, официальные источники, статистику, даты и пр. С одной стороны, это призвано создать достоверный образ фальсифицируемой информации, усилив тем самым эффективность ее воздействия на массовое сознание. С другой стороны, это подчеркивает рациональную природу самой технологии фальсификации истории.

Распад Советского Союза в 1991 г. не смог создать принципиально новой с идеологической точки зрения системы политического мироустройства. Продолжателя и правопреемницу СССР – Российскую Федерацию Запад продолжил рассматривать как своего экзистенциального противника, как это было после окончания Второй Мировой войны. По сути, «Холодная война» продолжается и наблюдаются ее прежние формы: локальные войны, называемые в настоящее время прокси-войнами, и пропагандистская борьба, частным случаем которой и является фальсификация истории.

Поскольку СССР вышел из Второй Мировой войны победителем, чей статус унаследовала и РФ, то с точки зрения политико-идеологической борьбы необходимо либо дискредитировать победителя, либо вообще лишить его данного статуса. Именно поэтому в настоящее время президент США заявляет о том, что единственным победителем во Второй Мировой войне были США, а остальные им лишь помогали [3]. Одновременно с тем польские и украинские политические лидеры обвиняют СССР в развязывании Второй Мировой войны [4, 5], хотя Польша вместе с Германией в 1938 г. делила Чехословакию [6, с. 22], а идейный ориентир современной украинской власти – ОУН и вовсе заявляла о своем союзе с Третьим Рейхом [7 с. 250–251] и участвовала в нападении на Польшу в сентябре 1939 г. [8, с. 196]. В украинской блогосфере фальсификация истории разворачивается особенно активно. В ней русские – главные коллаборанты и дезертиры. Численность РОА завышается в 10 раз, а украинцы называются освободителями Освенцима [9, с. 32].

В конечном счете, фальсификация истории Великой Отечественной войны и позиционирование СССР и РФ в западной пропаганде как отрицательных акторов призваны легитимизировать любые действия Запада (санкции, передача вооружений воюющим против России силам, прямое военное столкновение с РФ) в отношении России в логике борьбы добра со злом, лишив нашу страну образа гуманиста. Ведь воевал СССР в Великую Отечественную войну даже не столько за свободу и выживание, сколько против нового миропорядка, где все люди делились бы на «сверхлюдей-арийцев» и «унтерменшей-недочеловеков». Это был великий вклад СССР в гуманизацию человеческой истории второй половины XX в., который до сих пор помнит большая часть мира. Заменить этот образ великого гуманиста на образ тоталитарного двойника Третьего Рейха – лишь промежуточная цель Запада. В конечном счете, их цель видится материальной. Ведь если удастся настроить народы бывшего СССР против русских как оккупантов, а самим русским внушить комплекс вины, то последним придется отдать все, что у них есть, чтобы загладить свою вину: территории, полезные ископаемые, суверенитет и т.п. Дешевые российские ресурсы и рынок объемом в 150 млн человек могут отсрочить приближающийся социально-экономический коллапс Запада на некоторое время.

Таким образом, фальсификация истории Великой Отечественной войны – это лишь частный случай технологии идейно-политической борьбы с отдаленными материально-экономическими

последствиями. И чем острее будут становиться экономические проблемы Запада, прежде всего, ЕС, тем более агрессивные формы будет принимать и фальсификация истории, и поддержка вооруженной борьбы прокси-сил Запада против России.

Список источников

1. *Лушин А.Н.* Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 21–25.

2. *Вяземский Е.Е.* Проблемы фальсификации истории России и общее историческое образование: Теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28–43.

3. *Рябинина Ю.* Трамп снова приписал США заслуги в победе во Второй мировой войне. URL: https://rg.ru/2025/06/10/tramp-vystupil-s-novym-utverzhdeniem-o-roli-ssha-vo-vtoroj-mirovoj-vojne.html (дата обращения: 20.06.2025).

4. Премьер Польши считает, что Германия и СССР ответственны за начало Второй мировой войны. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9337829 (дата обращения: 20.06.2025).

5. *Павленко Е.* Зеленский обвинил СССР в развязывании Второй мировой войны. URL: https://www.pnp.ru/politics/zelenskiy-obvinil-sssr-v-razvyazyvanii-vtoroy-mirovoy-voyny.html (дата обращения: 20.06.2025).

6. *Зубачевский В.А.* «Главная цель – ослабление и разгром России». Ответственность Польши за развязывание второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2022. № 1. С. 16–31.

7. Акт провозглашения Украинского независимого государства. г. Львов 30 июня 1941 г. ЦДАВО України. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 5. Арк. 3. Подлинник. Перевод с украинского языка. Опубл.: ОУН у 1941 році. Документи. Київ, 2006. С. 250–251.

8. *Хлобустов О.М.* За «самостийную соборную державу»: террор и коллаборация в арсенале украинских националистов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4. С. 194–224.

9. *Федоров Г.Ф., Нагорная М.С.* Освобождение концлагеря Освенцим (Аушвиц-Биркенау): между политической конъюнктурой и исторической памятью // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2015. № 2. С. 31–34.

Костоев Хамид Мусаевич,
прокурор Боровского района (Прокуратура Калужской области)

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Статья посвящена анализу судебной защиты прав участников СВО, а также членов их семей в рамках гражданского судопроизводства. Предложено предоставить прокурору право безусловного обращения в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, участвующих в проведении контртеррористической операции, призванных на военную службу по мобилизации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, а также членов семей указанных граждан.

Ключевые слова: *судебная защита, правосудие по гражданским делам, исковое производство, права участников СВО, права членов семей участников СВО, прокурор.*

Особое внимание к защите прав участников СВО и членов их семей не нуждается в обосновании. Указ Президента РФ от 16 января 2025 г. № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» не случайно текущий, 2025 год, объявил Годом Защитника Отечества. При этом именно исковой порядок защиты прав граждан является наиболее эффективным, исторически сложившимся на протяжении веков основным средством защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов граждан [1, с. 5], в рамках которого (в отличии от иных видов гражданского судопроизводства, в частности, приказного и особого) действуют все принципы осуществления правосудия по гражданским делам и все возможные гарантии вынесения законного и обоснованного решения по делу [2, с. 6–12]. Кроме того, такой признак искового производства как наличие спора предполагает необходимость состязательного процесса [3, с. 107–111], что придает особую значимость и сложность реализации процессуальных прав, особенно теми субъектами, которые не обладают правовыми знаниями и навыками.

Инициирование судебной защиты в интересах участников СВО, а также членов их семей, и иная помощь в получении судеб-

ной защиты прав указанных субъектов является одной из приоритетных задач органов прокуратуры. При этом, эффективным, а порой и единственным способом восстановления нарушенных прав указанной категории лиц, а также средством восстановления социальной справедливости является обращение прокурора в суд с исковым требованием в порядке гражданского судопроизводства. Вместе с тем, содержание ст. 45 ГПК РФ далеко от совершенства, принимая во внимание то обстоятельство, что в ней не обозначены в качестве защищаемых прокурором субъектов ни участники СВО, ни члены их семей. Таким образом, инициируя гражданский процесс в интересах указанных лиц, прокурору приходится каждый раз указывать (и доказывать) либо на то, что гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд, либо на то, что заявление подается по оной из категорий дел, перечисленных в ст. 45 ГПК РФ.

С одной стороны, изложенное не является законодательной ошибкой, так как при принятии ГПК РФ невозможно было предположить проведение СВО и необходимость особой зашиты прав его участников. С другой стороны, Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ уже внесены изменения в ст. 215 и 216 ГПК РФ относительно особых правил приостановления производства по делам граждан, участвующих в проведении контртеррористической операции, призванных на военную службу по мобилизации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта. Полагаем, что подобных изменений давно ожидает и ст. 45 ГПК РФ.

Актуальность изменений подтверждает судебная практика. Так, органами прокуратуры Калужской области за 2024 г. и истекший период 2025 г. по обращениям участников СВО, а также членов их семей были инициированы исковые производства по различным категориям дел. Всего за указанный период в суды области прокурорами было предъявлено 67 исковых заявлений в защиту интересов указанных лиц, требования по основной части из которых в настоящее время рассмотрены и удовлетворены, 32 лица получили денежные средства на общую сумму более 21 млн рублей. Имеются и дела, в которых прокурор защищал и иные интересы, например, дела о лишении права на выплаты недобросовестных

родственников участников СВО. Органами прокуратуры сформирована практика лишения права на единовременную выплату недобросовестных родителей, не принимавших участия в воспитании погибших военнослужащих, что обеспечило права иных членов семей на получение выплаты в большем размере. Имеются также примеры установления в судебном порядке по искам прокуроров фактов родственных отношений с участниками СВО.

Так, Калужским районным судом Калужской области был удовлетворен иск прокуратуры Боровского района о взыскании части региональных выплат в пользу несовершеннолетней дочери погибшего участника СВО, неосновательно полученных родственником в качестве единовременной социальной выплаты. Суть дела состояла в следующем. По результатам прокурорской проверки на основании обращения Ч. (законного представителя несовершеннолетней Д.) было установлено, что в ходе специальной военной операции погиб Л. (отец Д). О. (отцом погибшего) было получено извещение из военного комиссариата о смерти Л. (сына) в Луганской области при выполнении задач в ходе СВО. Являясь отцом погибшего, О. 1 февраля 2024 г. подал в Министерство труда и социальной защиты Калужской области заявление о предоставлении дополнительной меры социальной поддержки в виде единовременной социальной выплаты. По результатам рассмотрения указанного заявления О. было предоставлена дополнительная мера социальной поддержки в размере 1 000 000 рублей. Было установлено также, что согласно свидетельству о рождении погибший является отцом несовершеннолетней Д., в отношении которой установлена опека и назначен опекун, но при этом извещение о смерти они не получали. Министерством труда и социальной защиты области не была организована проверка сведений о государственной регистрации рождения детей военнослужащего, чем и воспользовался О. (отец погибшего), получивший единовременную социальную выплату в полной сумме, в связи с чем, прокуратурой Боровского района в Калужский районный суд Калужской области 31 мая 2024 г. было направлено исковое заявление к О. о взыскании с отца погибшего суммы неосновательного обогащения в размере 500 000 рублей в пользу несовершеннолетней Д., 18.11.2012 г.р., которое 17 февраля 2025 г. судом было рассмотрено и удовлетворено.

Кроме того, органами прокуратуры области в настоящее время обеспечивается защита в судебном порядке участников СВО

и членов их семей по вопросам о восстановлении на работе в связи с незаконным увольнением участника СВО; о восстановлении на работе незаконно уволенной супруги участника СВО; о перерасчете размера пенсионных начислений матери участника СВО, жительнице Донбасса; об обеспечении участника СВО и супруги военнослужащего жильем как детей-сирот; о возложении на муниципалитет обязанности по предоставлению жилья во внеочередном порядке участнику СВО; о взыскании неосновательного обогащения с управляющей компании в интересах матери участника СВО; о признании неправомерным переноса срока расселения аварийного дома, в котором проживают участник СВО и его престарелая мать и др. И если по делам, связанным с защитой семьи, материнства, отцовства и детства, социальной защиты, и в других случаях, перечисленных в ст. 45 ГПК РФ, правомерность инициирования судебной защиты прокурором не вызывает сомнений, то, например, по делам, вытекающим из жилищных правоотношений, такое инициирование возможно только тогда, когда речь идет об обеспечении права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах. Но, как известно, большинство российских граждан проживают в квартирах и домах, принадлежащих им на праве собственности, а право на такое жилое помещение не может уже быть защищено прокурором путем подачи искового заявления без указания на причины, по которым гражданин не можем сам обратиться в суд. Причем стоит отметить, что закон не относит к таким причинам финансовые сложности, которые могут препятствовать оплате судебных расходов. Прокурор от оплаты таковых расходов освобожден, а вот иные лица обязаны оплачивать государственную пошлину, если только не освобождены от нее в силу закона (НК РФ) или по определению суда в порядке ст.90 ГПК РФ в соответствии с законодательством о налогах и сборов.

Выходом из ситуации видится внесение дополнений в ст. 45 ГПК РФ, предоставляющий право прокурора вне зависимости от категории гражданского дела обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, участвующих в проведении контртеррористической операции, призванных на военную службу по мобилизации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного или военного

положения, вооруженного конфликта, а также членов семей указанных граждан.

Такое дополнение будет соответствовать общенациональной идее поддержке защитников нашего Отечества и членов их семей.

Список источников

1. Иск в гражданском судопроизводстве: учебник для вузов / под ред. О.В. Исаенковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 208 с.

2. *Ткачева Н.Н.* Гарантии защиты прав и интересов в исковом производстве: монография / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. 220 с.

3. *Ткачева Н.Н.* Состязательность в гражданском судопроизводстве как гарантия вынесения законного и обоснованного решения // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Астерион, 2021. С. 106–112.

Костылева Елена Дмитриевна,
доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука (Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева), кандидат юридических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Статья посвящена анализу конституционных основ национальной безопасности в условиях сегодняшних вызовов и угроз. Проанализирована реализация одной из основных конституционных ценностей – Защита Отечества. Отмечена актуализация нормативного содержания норм, регулирующих военно-патриотическое воспитание и духовно-нравственное развитие современного общества. Рассмотрена военная безопасность как составная часть национальной безопасности. Сформулированы практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию и модернизации военной и национальной безопасности.

Ключевые слова: *национальная безопасность, военная безопасность, Защита Отечества.*

Современная Россия столкнулась с глобализацией вызовов и угроз, которые колоссально отразились на национальной безопасности страны. Нынешняя концепция конституционных ценностей в России претерпевает глубокие трансформации, нуждается в теоретической переоценке, переосмыслении. Для укрепление идейной основы легитимности Конституции РФ необходима реализация новых целей, идей таких как национальное возрождение патриотизма, любовь к Родине.

Национальная безопасность России, исходя из специфики разнообразных сфер жизни общества и угроз в основе содержит: государственную, военную, общественную, политическую, социальную, экономическую информационную и другие виды безопасности.

Военная безопасность входит в систему национальной безопасности и понимается как состояние защищенности государства от всевозможных военных угроз. Основой обеспечения военной безопасности является военная мощь государства дающая возмож-

ность противостоять военным угрозам, а также сплоченность общества в духе патриотизма.

В настоящее время российский народ идентифицирует себя опираясь на национальные конституционные ценности, а современной молодежи необходимо ощущать себя частью великого народа и гордится этим. Поэтому огромное значение приобретает воспитание в молодом поколении духовно-нравственных российских ценностей, гордости за то, что они являются частью великого русского народа.

Основные положения, принципы национальной безопасности России заложены в преамбуле Конституции РФ: «...возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями…», они отражают природу и содержание процесса обеспечения национальной безопасности, являются базовыми правовыми основами. Эти положения детализируются в статьях Конституции и предопределяют нормативную базу законодательства по национальной безопасности.

Согласно ст. 59 Конституции РФ, «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина РФ». Защита Отечества, является частью доктрины национальной безопасности России.

В ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ закреплено: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества…», то есть сам подвиг имеет конституционно-правовое значение.

В последнее время наблюдается актуализация нормативного содержания норм, регулирующих военно-патриотическое воспитание современного общества. Приняты нормативные акты, регулирующие деятельность и регламентирующие основные направления патриотического воспитания молодежи. В государственных программах, доктринах патриотизм рассматривается как главная и приоритетная конституционная российская ценность, основа нравственного всестороннего развития личности необходимая для духовного единства государства.

Контроль образовательного и воспитательного процессов крайне важен для страны и ее национальной безопасности. Устанавливая воспитательные ориентиры в военно-патриотическом направлении государство тем самым обосновывает свою консти-

туционную стратегию воинской безопасности, которая является частью национальной безопасности и вырабатывает сбалансированность в отношениях общества и отдельной личности. Контроль государства за реализацией воинской обязанности и военно-патриотического воспитания подрастающего поколения можно определить «как конституционный правовой императив, когда ответственное отношение адресуется к органам, осуществляющим публичную власть» [1, с. 54].

В связи со специальной военной операцией (СВО) и частичной мобилизации из России эмигрировало около миллиона человек армейского возраста, что стало свидетельством недостаточного патриотического воспитания в предыдущие годы. Поэтому сегодняшняя цель и главная задача – формирование у молодежи не декларированного монетизированного, патриотизма, а внутренних убеждений, способствующих любви и верности Родине.

В сегодняшней ситуации военно-патриотическое воспитание молодого поколения имеет неоспоримое значение, от которого напрямую зависит будущее страны, национальная безопасность государства. Поэтому в процессе реализации воинской обязанности происходит пересмотр нормативного содержания с целью сбалансированного взаимодействия норм и ценностей, когда «нормативность конституционных ценностей проявляется в прямом действии конституционных положений» [2, с. 100].

Несмотря на Нюрнбергский процесс, который: «явился ответом на небывалые в мировой истории злодеяния нацистов и милитаристов» [3, с. 42] преступления против человечества продолжаются и приобретают более извращенные формы.

Военная безопасность входит в систему национальной безопасности и понимается как состояние защищенности государства от всевозможных военных угроз. Основой обеспечения военной безопасности является военная мощь государства дающая возможность противостоять военным угрозам, а также сплоченность общества в духе патриотизма.

Список источников

1. *Умнова-Конюхова И.А., Костылева Е.Д.* Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации актуальные проблемы теории и практики: учеб. пособие. М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2023. 156 с.

2. *Костылева Е.Д.* Конституционные ценности и цели как ограничители прав и свобод человека в решениях Конституционного Суда РФ // Современный юрист. 2020. № 2(31). С. 98–108.

3. *Конюхова И.А., Костылева Е.Д.* Правовые формы участия Российской Федерации в деятельности международных судов: современное состояние и перспективы расширения // Журнал Конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 37–48.

Крайнов Александр Вячеславович,
соискатель кафедры гражданского права и процесса
(Волгоградский государственный университет)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В статье анализируется состояние законодательства, правовой доктрины и правоприменительной практики и делается вывод что в сфере гражданско-правового регулирования нет единообразного представления о понятии такого явления, как препятствия к осуществлению гражданских прав в сфере обязательств. Автором предлагается классификация препятствий.

Ключевые слова: *беспрепятственность осуществления гражданских прав, обязательство, исполнение обязательства, обстоятельства непреодолимой силы.*

В теоретико-правовой литературе отмечается, что «давно уже назрела потребность в разработке теории препятствий, связанной с вопросами оптимизации правового стимулирования и правового ограничения, с выявлением наиболее типичных и вредных для юридической организации общественных отношений и помех, с их понятием, классификацией, различным проявлением в правовой системе современного общества» [1, с. 128–129].

Прежде всего необходимо выяснить, что в рамках данного принципа понимается под «осуществлением гражданских прав». Так, С.В. Третьяков отмечает различие «между автономией воли как способностью создавать права и обязанности по своему усмотрению (автономно) для себя, и осуществлением субъективных прав как способностью по своему усмотрению конкретизировать, окончательно определять обязанности для другого лица» [2, с. 93]. Иными словами, в осуществлении гражданских прав основополагающее значение имеет не момент индивидуального самоопределения, а социального взаимодействия. Соответственно, в качестве препятствий выступают не только и не столько факторы, мешающие лицу осуществить свою волю, сколько отсутствие условий, позволяющих ему вступить в правоотношения с другими, или поведение других его участников.

По мнению В.Ю. Панченко, в процессе осуществления субъектом права своих интересов «необходима целая система юридических

фактов (фактический состав), где один из них должен быть обязательно решающим. Как раз именно такого факта подчас и не хватает субъекту для дальнейшего движения интереса к ценности, способной его удовлетворить. Отсутствие подобного решающего юридического факта выступает в роли препятствия)» [3, с. 11].

Является ли отсутствие юридического факта, который нужен для удовлетворения интересов, препятствием с точки зрения принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав? В социальном смысле – возможно, однако это не может квалифицироваться как препятствие в контексте данного принципа, поскольку он предполагает исключение препятствий, но гражданское право не может гарантировать никому наличия всех юридических фактов, необходимых для удовлетворения его интересов (именно поэтому закон предусматривает беспрепятственное осуществление только прав, но не законных интересов).

Что касается того, что «препятствием будет выступать неудовлетворение собственных интересов субъектом, а также общественных интересов», то само неудовлетворение интересов вовсе не обязательно является противоречащим праву. Возможно, сами интересы таковы, что не могут быть удовлетворены по объективным причинам (например, нереалистичны).

С точки зрения гражданского права вызывает сомнения и наличие такого вида препятствий, как «субъективные препятствия к правовой активности, блокирующие, затрудняющие готовность субъекта права использовать правовые средства-установления и правовые средства-деяния для реализации своих прав, свобод, законных интересов» [3, с. 16].

Так как субъективные права реализуются их носителем исключительно на основе собственного усмотрения, в соответствии с таким принципом гражданского законодательства, как «действие в своей воле и в своем интересе», то нежелание человека осуществлять свои права или защищать их не может квалифицироваться как препятствие к их осуществлению с точки зрения гражданского права, поскольку целью правового регулирования не является осуществление всеми субъектами своих прав в полном объеме.

А.В. Борцов выделяет существование препятствий, носящих непреодолимый характер: «ряд препятствий может быть преодолен, другие, например, устранить невозможно: физические недостатки, препятствующие участию в различных правоотношений, инвалид-

ность и т.д.» [4, с. 71]. Однако с точки зрения гражданского права препятствия, которые устранить невозможно, не могут считаться имеющими юридически значимый характер в смысле беспрепятственности осуществления гражданских прав, исходя из презумпции реалистичности нормативных требований, в соответствии с которой правовой принцип не может предусматривать то, что невыполнимо на практике.

Е.В. Вавилин, указывая на многообразие возможных препятствий к осуществлению гражданских прав, пишет, что они могут иметь место на разных этапах и относит к ним, в частности, пределы реализации прав, которые определены законодательными актами, содержащими запрещающие и обязывающие нормы, а также границы осуществления права, которые могут устанавливаться соглашением сторон [5, с. 98].

Однако следует иметь в виду, что далеко не любые нормы или соглашения, даже объективно мешающие воспользоваться теми или иными правами могут считаться препятствиями к осуществлению гражданских прав в контексте рассматриваемого принципа.

Как представляется, принцип беспрепятственности осуществления гражданских прав не распространяется на тот вид препятствий, который не зависит от воли человека. Сам факт, что эти препятствия являются неуправляемыми как на индивидуальном, так и на нормативном уровне означает, что запрет таких препятствий с точки зрения права невозможен, т.к. воздействие на них не имеет нормативного значения.

Вероятно, правильнее всего было бы рассматривать понятие препятствия в гражданском праве на трех разных уровнях: 1) максимально расширенное понимание препятствия как любого факта (не обязательно даже юридического факта в точном значении); 2) общее представление о препятствиях к осуществлению гражданских прав как о любых внешних факторах, мешающих субъектам гражданских правоотношений совершать правомерные деяния или получать доступ к социальным благам; 3) препятствия к осуществлению гражданских прав в узком смысле, включающие в себя исключительно деяния (действия и бездействия) субъектов гражданского права.

Список источников

1. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1994. 182 с.

2. *Третьяков С.В.* Между осуществлением и распоряжением правами: концепция субъективного (частного) права Ойгена Бухера // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов, А.Е. Шерстобитов. М., 2021. С. 93.

3. *Вавилин Е.В.* Препятствия и их ограничения в предпринимательской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 2. С. 98–105.

4. *Борцов А.В.* К вопросу о сущности юридических препятствий // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3, № 2 (7). С. 71–77.

5. *Панченко В.Ю.* О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. 2013. № 3. С. 10–18.

Курышев Евгений Юрьевич,
начальник кафедры гражданского права
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный
институт войск национальной гвардии Российской Федерации),
кандидат юридических наук, доцент

ИННОВАЦИИ В ПРАВЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА

Статья посвящена анализу взаимодействия процесса инноваций в праве и явления правового порядка в отечественной правовой системе.

Ключевые слова: *инновации в праве, законность, правопорядок, регулятивные конструкты, формы инноваций в праве.*

Стремительно меняющаяся действительность цифрового общества определяет динамику обновления всех элементов правовой жизни и предъявляет новые требования к их упорядоченности.

Дефиниция «правопорядок» вошла в российскую доктрину благодаря научным изысканиям Г.Ф. Шершеневича. По его мнению, правопорядок представляет собой объединяющие начала субъективных прав и юридических обязанностей в единое целое, обеспечивая осуществление первых и неизбежность исполнения вторых [1, с. 204].

В советской доктрине правопорядок выступает в качестве явления, привносящего в общественную жизнь упорядоченность и устойчивость, и являлся целью и итогом правового регулирования общественных отношений.

Профессор В.В. Борисов предложил следующий вариант понимания понятия правопорядка: «объективно и субъективно обусловленное состояние социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью, урегулированностью системы правовых отношений, основанных на нормативных требованиях, принципах права и законности, а также на демократических, гуманистических и нравственных требованиях, правах и обязанностях, свободе и ответственности всех субъектов права» [2, с. 562].

По мнению В.Н. Синюкова, в теории В.В. Борисова обосновано институциональное понимание правопорядка как основы постнормативной модели правового регулирования. Теория В.В. Борисова –

это новый нормативный конструктивизм, где учению об иерархии норм противопоставлена доктрина синкретичной правовой структуры [3].

Необходимо акцентировать внимание на том, что В.В. Борисов на теоретическом уровне объяснил важную зависимость некоторых понятий и категорий, связанных с правовым порядком. Во-первых, без законности нет правопорядка. Во-вторых, важнейшую роль в правопорядке играет урегулированность правоотношений (возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей).

Современный правопорядок нашей стране убедительно доказывает важность выводов профессора В.В. Борисова. Так, в ходе дискуссии, посвященной совершенствованию правового регулирования закупок малого объема в рамках Саратовского юридического форума, представитель Арбитражного Суда привел пример признания сделки недействительной в случае «дробления» закупок, в результате которой в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации к сторонам применяется двусторонняя реституция. В конечном итоге денежные средства поступают в бюджет, а подрядчик, который исполнил свои обязательства страдает, нарушаются права граждан и юридических лиц. В рамках указанного примера правоприменения соблюдается законность, но фактически разрушаются правоотношения в сфере малого и среднего бизнеса.

По мнению В.Н. Синюкова, обращаясь к теории В.В. Борисова необходимо понимать, что он положил определенность в основу не права и даже не правоотношений, а правопорядка, по сути, подведя к мысли о его вероятной постнормативности. Суть этой модели – в переводе представлений о правовом регулировании на квазинормативный – комплексный технико-социальный уровень [3]. Практический переход отраслевого правового регулирования общественных отношений на этот уровень мы сегодня наблюдаем в отечественном правопорядке. Речь в частности идет о так называемом «платформенном праве» [4]. Например, сейчас обсуждается идея создания единой платформы для групповых исков – системы сосредоточения информации в отношении поданных коллективных исков и тех исков, которые могут быть поданы в суд [5].

В настоящее время правопорядок рассматривается как завершающий этап всех юридических форм и процессов, через который реально обеспечивается осуществление субъективных прав, ис-

полнение юридических обязанностей всеми участниками правоотношений. Правопорядок в XXI в. мощно эволюционирует в пространство инновационной динамической среды с новыми регулятивными конструктами [6]. К регулятивным конструктам можно отнести, например: использование информационных технологий и систем искусственного интеллекта в процессе законотворчества; концепт машиночитаемого права; электронное договорное право; цифровую трансформацию третейского разбирательства.

Одним из направлений исследования правопорядка является функциональное направление, позволяющее выявить механизмы и способы его формирования и реализации.

К способам формирования правового порядка можно отнести инновации в праве.

Инновации в праве – это процесс внедрения в правовую систему правовых и неправовых элементов и процессов в целях улучшения системы права и совершенствование правопорядка.

В данном аспекте хотелось бы обратить внимание на тот факт, что правопорядок наряду с нормами права, юридической техникой выступает объектом инноваций в праве.

Следует отметить, что отличительной особенностью инноваций в праве выступают новые организационно-правовые идеи, возникшие в условиях правовой жизни, дополняющие существующие правовые традиции и улучшающие правопорядок. Например, развитие деликтных правоотношений в отечественном праве. Такая юридическая конструкция гражданско-правовых отношений, возникшая в римском праве, в свое время через право Византии была реципиирована в ранние отечественные судебники [7]. Например, в «Русской Правде» содержались нормы, регулирующие ответственность за причинение вреда. Институт возмещения вреда получил широкое развитие в советском гражданском праве в 60-е гг., а затем уже и в современной российской правовой системе, в частности в гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Известно, что основными формами инноваций в праве являются: рецепция права, эндогенная инновация права и реформа права [8]. Так, под эндогенной инновацией права понимается процесс формирования правовых идей, выработанных в рамках сложившейся правовой системы. Например, право оперативного управления отдельными видами имущества является правовым инно-

вационным явлением советской правовой системы и обусловлено господством государственной собственности.

Инновации в праве проявляются на различных уровнях правовой среды (доктринальном, нормативном, институциональном, социологическом). Инновации в праве рассматриваются как процесс со своей структурой и механизмом.

Инновации в праве имеют важное значение для формирования, генезиса российского правового порядка. В связи с этим задача субъектов правовой политики заключается в постоянном и систематическом поиске инновационных правовых идей, регулирующих движение социальной жизни, сущности справедливости, разрешении социальных коллизий на основе всего лучшего, существующего в правовой сфере. Выбор пути инновационного обновления права – это стратегия и тактика правовой политики развития национального правопорядка.

Список источников

1. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1911.

2. *Борисов В.В.* Правопорядок // Теория государства и права: курс лекций. 2-е изд. / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000.

3. *Синюков В.Н.* Теория правопорядка В.В. Борисова в современном российском контексте: значение и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pravoporyadka-v-v-borisova-v-sovremennom-rossiyskom-kontekste-znachenie-i-perspektivy (дата обращения: 23.06.2025).

4. *Кашкин С.Ю., Алтухов А.В., Пожилова Н.А.* Платформенное право как инструмент инновационных инвестиционных платформ (краудфандинг) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 1 (77). URL: https://cyberleninka.Ru/article/n/platformennoe-pravo-kak-instrument-innovatsionnyh-investitsionnyh-platform-kraudfanding (дата обращения: 23.06.2025).

5. *Гомозова О.Ю.* Создание платформы для подачи коллективных исков: за и против // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-platformy-dlya-podachi-kollektivnyh-iskov-za-i-protiv (дата обращения: 23.06.2025).

6. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография/ отв. ред. Н.Н. Черногор. Т. 1. М., 2019. 348 с.

7. *Кравченко Е.В.* Влияние византийских правовых норм на юридические памятники Древней Руси // Философия права. 2014. № 5 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vizantiyskih-pravovyh-norm-na-yuridicheskie-pamyatniki-drevney-rusi (дата обращения: 25.06.2025).

8. *Курышев Е.Ю.* Методология применения отдельных форм инноваций в праве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-primeneniya-otdelnyh-form-innovatsiy-v-prave (дата обращения: 25.06.2025).

Лавнов Михаил Александрович,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПАРАДИГМЫ: ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию влияния вызовов цифровой трансформации на уголовное судопроизводство через призму риск-ориентированного подхода. Цифровизация общественных отношений и развитие информационных технологий оказывают значительное влияние на уголовное судопроизводство. Подобные преобразования с неизбежностью создают не только новые возможности, но и новые риски. Уголовное судопроизводство должно учитывать такие изменения среды, адаптируясь к реалиям риска и неопределенности. Цель исследования – выявить особенности влияния цифровых вызовов на уголовное судопроизводство, а также предложить рекомендации по повышению его эффективности в новой реальности цифрового мира.

Ключевые слова: *риск-ориентированный подход, оценка рисков, риск-ориентированное правосудие, стратегия управления рисками, уголовное судопроизводство, цифровизация.*

Современные тенденции развития информационного пространства формируют новую реальность уголовного судопроизводства. Уголовный процесс как специфический вид государственной деятельности является чрезвычайно рискогенной средой. В научных публикациях, посвященных проблемам уголовного судопроизводства, все чаще встречается обоснование необходимости применения риск-ориентированного подхода и технологий риск-менеджмента. Так, по мнению М.М. Бабаева, риск-ориентированное правосудие является новой темой для отечественной юриспруденции, а в условиях растущей неопределенности новые технологии управления, основанные на риск-менеджменте, должны проникать в сферу уголовной юстиции [1]. В работах А.Ю. Чуриковой уделяется внимание внедрению риск-ориентированного подхода в уголовно-процессуальную деятельность прокурора [2], перспективам применения системы управления рисками в усло-

виях цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) [3]. Авторскую технологию управления рисками в уголовном и гражданском судопроизводстве предлагает Ю.А. Цветков, исследуя вопросы прогнозирования и хеджирования рисков в принятии решений [4]. Таким образом, очевидно, что исследование современной системы уголовной юстиции на основе концепции правового прогнозирования, применения риск-ориентированного подхода и технологий риск-менеджмента является одним из наиболее перспективных в современной юридической науке.

Повсеместное внедрение новых цифровых технологий позволяет говорить о преобразовании классических уголовно-процессуальных правоотношений, где такие технологии оказывают влияние на познавательную и контрольно-надзорную деятельность, порядок и формы взаимодействия между субъектами правоотношений и порядок обеспечения прав участников процесса. В контексте рассматриваемых проблем отдельного внимания заслуживают правоотношения, предшествующие принятию процессуальных решений, где цифровые технологии (к примеру, технологии нейронных сетей, языковых моделей, ИИ) будут использованы в качестве инструмента в руках компетентных должностных лиц.

Цифровая среда открывает новые перспективы повышения качества расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел путем внедрения автоматизированных аналитических инструментов, систем ИИ и современных способов обработки больших объемов данных. Это подчеркивает необходимость применения риск-ориентированного подхода, учитывающему вероятностный характер угроз и рисков, связанных с цифровой средой. Применение риск-ориентированного подхода позволяет оптимизировать распределение ресурсов правоохранительной системы и повысить эффективность соответствующей деятельности, выйти на новый уровень защищенности граждан, общества и государства в целом.

Риск-ориентированный подход представляет собой методологию управления деятельностью правоохранительных органов и судов, направленный на оценку вероятности наступления позитивных и негативных последствий в ходе профессиональной деятельности. Такая модель предполагает принятие того факта, что каждое решение всегда является детерминированным объективными и субъективными условиями, которые в свою очередь

создают поле риска. Это означает, что на первый план выходит понимание возможности наступления потенциальных как позитивных, так и негативных последствий, учет их тяжести и вероятности наступления, а также своевременная и адекватная реакция на подобные риски. Основные элементы риск-ориентированного подхода включают: планирование процессуальной деятельности; идентификацию потенциальных рисков; анализ и масштабирование рисков, создание матрицы рисков; выработка стратегии, политики и конкретных мер управления рисками; организация контроля за функционированием системы управления рисками; создание системы профилактики рисков [5].

Однако внедрение риск-ориентированных моделей сталкивается с рядом проблем, обусловленных спецификой уголовной юстиции и необходимостью соблюдения конституционных гарантий прав участников процесса. Важнейшими проблемами являются обеспечение конфиденциальности личной информации, защита персональных данных, соблюдение принципов уголовного судопроизводства.

С учетом изложенного представляется возможным выделить основные виды цифровых вызовов в уголовном судопроизводстве, для ответа на которых следует применять риск-ориентированный подход:

1. Цифровые технологии в сфере познавательной деятельности (уголовно-процессуальное доказывание). Цифровой след становится важным источником информации в уголовном деле. Преступления в сфере высоких технологий требуют привлечения соответствующих специалистов по информационной безопасности и криминалистике для выявления цифровых следов. Закон должен предусматривать возможность эффективного использования такой информации для целей уголовно-процессуального познания, определяя требования достоверности данных и конфиденциальность частной жизни граждан.

2. ИИ и автоматизация процессов

Развитие алгоритмов машинного обучения и анализа больших данных значительно расширяет возможности правоохранительных органов в области предотвращения преступлений и раскрытия правонарушений. Современные программы позволяют автоматически выявлять подозрительные транзакции, отслеживать движение денежных средств и анализировать поведение пользователей

в сети Интернет. Однако использование технологий ИИ вызывает этические и правовые вопросы [6–8]. Необходимо обеспечить прозрачность принятия решений, основанных на анализе данных, исключить дискриминационные факторы и защитить права граждан на неприкосновенность частной жизни. При этом, стратегия управления рисками при внедрении современных технологий ИИ в уголовное судопроизводство должны исходить от определения базовой модели уголовного судопроизводства, которая исторически строилась вокруг двух базовых полюсов, отражающих различные системы ценностей, а именно приоритет борьбы с преступностью или приоритет прав человека [9, 10].

3. Электронное правосудие и дистанционное участие сторон

Электронное правосудие предполагает активное применение информационно-коммуникационных технологий в организации судебных заседаний и вынесении решений. Это система организации судебной деятельности, при которой информационные технологии используются для обеспечения гласности, открытости и доступности судопроизводства, а также для взаимодействия между судами, участниками процесса и гражданами в цифровой форме. Тем не менее существует ряд проблем, которые носят как организационно-технический, так и фундаментально-теоретический характер, препятствующих широкому распространению электронного правосудия.

Современное уголовное судопроизводство находится перед лицом серьезных вызовов, вызванных глобальным процессом цифровизации. Риск-ориентированная парадигма становится основой для построения эффективной модели уголовной юстиции, способной адекватно реагировать на вызовы современности. Представляется, что для успешной реализации риск-ориентированной модели уголовного судопроизводства необходим комплексный подход, включающий: адаптацию законодательства к цифровым преобразованиям; обучение кадров, повышение квалификации работников правоохранительных органов и судов, формирование необходимых компетенций; разработка и внедрение соответствующих программных продуктов, обеспечение автоматизации процессов и преобразования классических уголовно-процессуальных правоотношений; организация постоянного мониторинга и оценки рисков, связанных с использованием цифровых технологий. Такой подход позволит успешно преодолеть возникающие трудности

и обеспечить эффективное функционирование уголовной юстиции в условиях масштабной цифровой трансформации.

Список источников

1. *Бабаев М.М.* Риск-ориентированное правосудие // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 2. С. 167–180.

2. *Чурикова А.Ю.* Риск-ориентированный подход в уголовно-процессуальной деятельности прокурора // Законность. 2022. № 8 (1054). С. 48–50.

3. *Чурикова А.Ю.* Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2025. 498 с.

4. *Цветков Ю.А.* Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 3. С. 649–667.

5. *Лавнов М.А.* Риск и риск-ориентированная модель уголовного судопроизводства // Университетские правовые диалоги: матер. Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 30–31 марта 2023 г. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2023. С. 350–353.

6. *Спесивов Н.В.* От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологи при отправлении правосудия по уголовным делам? // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 2 (195). С. 81–90.

7. *Суходолов А.П., Бычкова А.М.* Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 753–766.

8. *Чурикова А.Ю.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски использования // Информационное право. 2023. № 4(78). С. 22–25.

9. *Манова Н.С., Лавнов М.А., Чурикова А.Ю.* Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 39–53.

10. *Packer H.L.* Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. 1964. Vol. 113, № 1. P. 1–68.

Лазарева Ольга Владимировна,
доцент кафедры теории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА

Статья посвящена анализу правового порядка в условиях цифровизации правовой процедуры и ее влияния на порядок рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры. Современные тенденции развития правопорядка выявлены на конкретных примерах прокурорской и судебной практики.

Ключевые слова: *порядок, правовой порядок, процедура, цифровизация, порядок рассмотрения обращений, прокуратура.*

Процесс перехода к информационному обществу неизбежно ведет к изменению правовых процедур, их цифровизации, к появлению новых тенденций развития правотворческой и правоприменительной деятельности. Это приводит к тому, что правовое регулирование приобретает специфические особенности, закладываются новые принципы построения общества, формируется новая виртуальная, искусственная реальность, государство формирует, а точнее оформляет сложившийся правовой порядок [1, с. 269]. Как отмечал В.В. Борисов, «правопорядок имеет официальный публичный характер. Власть определяет его сферы, процедуры осуществления, его участников и регламентацию их взаимоотношений, последствия нарушения установленного порядка, осуществление ответственности правонарушителя и многое другое, от чего зависит его государственно-волевой властный характер» [2, с. 76].

С 2020 г. в органах и организациях прокуратуры введено в эксплуатацию специальное программное обеспечение – Единый портал прокуратуры Российской Федерации. В результате появились дистанционные форматы взаимодействия прокуратуры с населением [3]. Положительно оценивая нововведения, необходимо обратить внимание на отдельные проблемы применения [4]. В частности, при подаче заявлений идентификация пользователя производится при переходе по ссылке, полученной на электронную почту заявителя. Подтвердив свои намерения направить обращение

в органы прокуратуры, ему присваивается идентификационный номер. Только в таком случае имеется основание для рассмотрения обращения органами прокуратуры. В противном случае обращение имеет статус «NEW». Из материалов судебной практики. Истец К. требовал признать незаконным бездействия должностного лица. В обоснование иска он указал, что в органы прокуратуры было подано заявление посредством электронного сервиса приема сообщений, была активирована ссылка, но ответ на обращение не получен.

Восьмой кассационный суд общей юрисдикции от 26 марта 2025 г. № 88А-5643/2025 (УИД 24RS0040-01-2024-001120-64) установил, что обращение истца от 11 декабря 2023 г. в органы прокуратуры не поступило, что подтверждается тем, что при использовании Единого портала Генеральной прокуратуры РФ истец К. не перешел по ссылке. Следовательно, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для рассмотрения обращения истца в установленном порядке и как следствие об отсутствии оснований для его удовлетворения [5].

С аналогичными требованиями обратился другой заявитель. Пятый кассационный суд общей юрисдикции установил, что обращение было зарегистрировано, но по нему не проведена проверка и непринято мер прокурорского реагирования по факту нарушения прав [6]. Суд пришел к выводу удовлетворить требования заявителя. В данном случае было установлено неисполнение органами прокуратуры нормативных правовых актов.

В рамках данной категории споров, а именно признании незаконным бездействия прокуратуры рассмотрим другой пример. Заявитель ссылался на то, что перенаправление его обращения привело к увеличению срока его рассмотрения. Заявитель приводил доводы о том, что его права нарушены, так как уведомление о перенаправлении его обращения было направлено за пределами недельного срока со дня регистрации обращения. В силу отсутствия определенности сроков отправки исходящих документов судебная коллегия отказала в удовлетворении административного иска [7].

Рассмотрим категорию споров, а именно о признании незаконными действий (бездействия) прокурора, выразившихся в отказе в рассмотрении обращения. Обращение было подано иностранным гражданином на узбекском языке. После перевода на русский язык органы прокуратуры зарегистрировали заявление и дали

заявителю мотивированный ответ. Гражданину было разъяснено, что только суд может предоставить перевод протоколов судебных заседаний. Принимая во внимания отсутствие процедуры рассмотрения обращений, поданных на иностранном языке, восьмой кассационный суд общей юрисдикции, пришел к выводу, что незаконных действий прокуратурой не допущено [8].

Таким образом, рассмотренные категории споров на основе материалов судебной практики подтверждают, что работники органов и организаций прокуратуры строго исполняют ведомственные нормативные правовые акты Генеральной прокуратуры РФ. В противном случае привлекаются к юридической ответственности, например, к дисциплинарной в виде предупреждения о неполном служебном соответствии.

Список источников

1. *Денисенко В.В.* Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 269–276.

2. *Синюков В.Н., Синюков С.В.* Инновационный правопорядок. Теория правопорядка В.В. Борисова в современном российском контексте: учеб. пособие. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма: Вопросы теории: монография. М.: Норма, 2025. 252 с. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2211228 (дата обращения: 29.06.2025).

3. *Ступаченко Е.В.* Цифровизация организации прокурорской деятельности как необходимое условие функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 81–84.

4. *Яцуценко В.В.* Дистанционные форматы взаимодействия прокуратуры с населением: проблемы применения // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 164–169.

5. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2025 г. № 88А-5643/2025 (УИД 24RS0040-01-2024-001120-64). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29 января 2025 г. по делу № 88А-801/2025 (УИД 05RS0038-01-2019-006700-24). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2023 г. № 88А-15244/2023 по делу № 2а-882/2022 (УИД 04RS0005-01-2022-001148-72). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2025 г. № 88А-5671/2025 (УИД 70RS0004-01-2023-002804-22). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Лапина Ирена Александровна,
доцент кафедры криминалистики
(Белорусский государственный университет),
кандидат юридических наук, доцент

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В статье рассматриваются возможности использования цифровых технологий в деятельности судебного эксперта и следователя. Автор приходит к выводу, что с использованием технологий искусственного интеллекта возможно проведение определенных этапов судебно-экспертного исследования и иных следственных действий, технической работы при оформлении выводов и заключения эксперта, составлении протоколов следственных действий, что позволит оптимально перераспределить временные и человеческие ресурсы.

Ключевые слова: *цифровые технологии, искусственный интеллект, судебная экспертиза, криминалистика, заключение эксперта.*

В современном мире большое внимание уделяется развитию и созданию информационных технологий. В связи с этим в Республике Беларусь принят Указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» (с изм. на 25 октября 2022 г.) (далее – Указ Президента Республики Беларусь № 348), где обозначена одна из основных стратегических целей – достижение Республикой Беларусь уровня инновационного развития стран-лидеров в регионе Восточной Европы на основе реализации интеллектуального потенциала белорусской нации. Такой подход свидетельствует о стремлении Республики Беларусь к широкому внедрению современных технологий в целях оптимизации и развития всех сфер жизни человека, общества и государства.

На данный момент большое внимание уделяется развитию искусственного интеллекта. Постепенно он внедряется во все сферы общественной жизни. Так, в Указе Президента Республики Беларусь № 348 содержится положение о том, что для разработки

и широкомасштабного внедрения современных технологий обработки, хранения, поиска и передачи научно-технической информации необходимо обеспечить: разработку и внедрение в систему научно-технической информации технологий обработки больших массивов данных, искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности и других современных технологий работы с информацией.

Само понятие «искусственный интеллект» в нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует, в связи с чем ученые и практики в своей деятельности опираются на различные варианты такого определения. Обобщая информацию из научных источников, можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект представляет собой определенную совокупность информационно-технических средств, позволяющих компьютерной системе на основе поиска, анализа и синтеза полученной ранее и сохраненной на специальных ресурсах информации, формулировать ответы на заданные вопросы.

Полагаем, что внедрение искусственного интеллекта в судебную, следственную и судебно-экспертную деятельность является возможным и необходимым, поскольку именно в этих сферах юридической профессии существует актуальный запрос на поиск, обработку и анализ больших объемов разноплановой информации в течение небольшого промежутка времени, ограниченного процессуальными сроками. Кроме того, что касается судебной экспертизы, то частота обращений к судебным экспертам увеличилась, а исследуемые объекты и их признаки с каждым днем становятся все более разнообразными и объемными по качеству и числу.

При расследовании и рассмотрении дела органы дознания, следствия и суда зачастую обращаются к услугам сведущих лиц, испытывая необходимость в использовании специальных знаний при анализе всех обстоятельств дела и вынесении процессуальных решений. Возросшая потребность в проведении той или иной судебной экспертизы, привела к увеличению нагрузки на экспертов, что может негативно повлиять на результат судебно-экспертных исследований. При этом судебный эксперт должен строго соблюдать установленные сроки для подготовки и выдачи инициатору заключения по поставленным вопросам (справочно, белорусскими государственными судебными экспертами более 90% судебных экспертиз проводятся в срок до 30 суток с момента назначения).

В случае, когда одновременно у эксперта находится в производстве большое количество экспертиз, рациональное распределение рабочего времени, в силу объективных и субъективных факторов, может производиться неэффективно. Излишнее ускорение в проведении судебной экспертизы и выдачи заключения может повлечь за собой ошибки из разряда «человеческий фактор». Такая интенсификация труда, связанная одновременно с временными, физическими и психолого-интеллектуальными затратами, обусловленными необходимостью обрабатывать большие объемы данных за одну единицу времени, может снижать качество самого процесса исследования и отрицательно влиять на точность и корректность результата.

В целях преодоления негативных последствий интенсификации и усложнения различных этапов судебно-экспертной деятельности актуальным является использование автоматизированных систем поиска и обработки данных, а также – внедрение информационно-технических технологий в работу судебного эксперта для увеличения точности произведенных выводов, оптимизации рабочих процессов в судебной экспертизе, экономии времени как лиц, обращающихся к эксперту (инициаторов судебных экспертиз), так и самого судебного эксперта.

В то время как автоматизация уже более двух десятков лет используется в судебной экспертизе (автоматизированное место судебного эксперта-дактилоскописта, например), возможности использования нейронной сети в судебно-экспертной деятельности изучены еще слабо, вызывают различного рода сомнения и имеют достаточно много противников. В противовес мнению полезности внедрения в судебно-экспертную деятельность компьютерной системы, созданной по образу и подобию человеческого мозга, высказываются различные опасения: от сокращения рабочих мест и общего снижения квалификационных характеристик экспертов-специалистов до потери объективности и беспристрастности (ведь систему все-равно будут обслуживать и контролировать определенные субъекты, возможно – очень «далекие» от судебной экспертизы). Поэтому в каждом отдельном случае следует внимательно оценивать и взвешивать все «за» и «против». Вместе с тем процесс внедрения новых технологий в жизнь и работу необратим, и в настоящее время является уже объективным условием, внешним фактором, влияние которого, считаем, можно использовать с положительными результатами.

На сегодняшний день существуют реальные возможности внедрить технологии искусственного интеллекта при проведении как отдельных видов судебных экспертиз, так и иных следственных действий на этапах их подготовки, поиска необходимой (недостающей) информации и этапах фиксации проведенных манипуляций. Например, если использование такого навыка искусственного интеллекта как моделирование может существенно ускорить не только исследовательские процессы в судебной экспертизе, но и помочь оптимизировать проведение следственных действий. При осмотре места происшествия, на основе полученной первоначальной информации и знаний о типичных местах локализации следов, исходя и закономерностей процессов следообразования, воссоздать виртуально следовую картину происшествия, на основании которой можно будет в реальном месте быстрее и эффективнее обнаружить, зафиксировать, изъять определенные категории следов. Такая же методика может быть использована и при обыске, в поиске тайников и иных объектов, интересующих следствие, особенно в тех случаях, когда при моделировании ситуации будут использованы сведения не только о месте, искомых предметах, но и о самом преступнике.

Очевидно, что провести полностью искусственным интеллектом следственные действия или судебные экспертизы, при которых необходимо личное присутствие и мнение следователя и судебного эксперта как высококвалифицированных специалистов, с собственным профессиональным опытом и весомыми личностными характеристиками просто невозможно.

Вместе с тем такой подход вполне допустим для судебных экспертиз, в которых осуществляются расчеты, анализируются и сопоставляются одновременно несколько больших баз данных, справочных источников и т.п. К примеру, к таким экспертизам можно отнести судебную экономическую экспертизу. Кроме того, полезность использования нейронных сетей может быть продемонстрирована при проведении судебных экспертиз социально-гуманитарного профиля, где поиск сбор, анализ и сопоставление большого количества сведений из разноплановых источников социально-гуманитарного знания, поможет сформировать эксперту исследовательское поле и получить первоначальные аналитические данные. Использование при проведении таких экспертиз искусственного интеллекта позволит сэкономить процессуальное время и челове-

ческие трудозатраты, что в свою очередь положительно отразится не только на самих экспертах, но и на судопроизводстве в целом. В Республике Беларусь принят Закон «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-З, который направлен на законодательное обеспечение фундаментальных ценностей белорусского народа, на сохранение исторической памяти и защиту от фальсификации событий, происходивших в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Думается, что проведение судебных экспертиз социально-гуманитарного профиля способствует формированию доказательственной базы по делам, связанным с решением вышеуказанных задач.

Возникает вопрос о статусе заключения эксперта при проведении экспертизы с использованием технологий искусственного интеллекта. Заключение должно быть заверено полномочным лицом, которое в свою очередь несет ответственность за сделанные выводы, является процессуальным субъектом с полным объемом прав и обязанностей в отличие от искусственного интеллекта. В данном случае видится целесообразным использование искусственного интеллекта только в качестве одного из методических инструментов судебной экспертизы, при котором участие судебного эксперта-человека является обязательным и необходимым для контроля и окончательной формулировки выводов. При этом обязательно делать отметку о том, что судебная экспертиза произведена с использованием технологий искусственного интеллекта.

Кроме того, искусственный интеллект можно внедрить в процесс исследования и в иных видах судебных экспертиз (особенно – многообъектных). Нейронная сеть может помочь производить анализ дактилоскопических, трасологических данных, помогать в процессе сопоставления исследуемых объектов, их признаков и частей в судебных фототехнической, почерковедческой, баллистической, лингвистической, экологической и др. видов экспертиз. Это ускорит и облегчит работу судебного эксперта, а также будет способствовать получению более точных и достоверных результатов исследования.

Искусственный интеллект также может быть использован как техническое средство подготовки выводов и составления заключения. Судебный эксперт мог бы выбрать все необходимые параметры и указать кратко сделанные выводы, а с помощью технологий искусственного интеллекта эксперт мог бы сократить время

на подготовку заключения, создав дополнительные временные возможности внутри процессуальных сроков проведения самой судебной экспертизы, что в целом повысит организационно-технический уровень судебных экспертиз.

В Республике Беларусь организация процессов проведения следственных действий и судебных экспертиз базируется на тех же правовых принципах и основах, что и в Российской Федерации; и вопросы, и проблемы, интересующие наших ученых и практиков во многом схожи с аналогичными в России, вопросы подготовки будущих специалистов, юристов, судебных экспертов имеют много общего. В настоящее время на базе юридического факультета Белорусского государственного университета в рамках магистратуры впервые слушатели профилизации «Судебно-экспертная деятельность» прошли обучение и успешно защитили магистерские диссертации, в которых, как и в процессе обучения делался определенный акцент на новых подходах, методах и современных возможностях осуществления судебно-экспертной деятельности. В частности, особое внимание уделялось использованию информационных технологий, искусственного интеллекта и автоматизированных систем.

В качестве вывода можно отметить, что благодаря развитию электронных, информационно-компьютерных технологий возможно с использованием технологий искусственного интеллекта проведение определенных этапов судебно-экспертного исследования или иных следственных действий, технической работы при написании и оформлении выводов и заключения эксперта, составлении протоколов следственных действий, что позволит оптимально перераспределить временные и человеческие ресурсы, обеспечив современную правоприменительную деятельность дополнительными возможностями при осуществлении судебно-экспертной деятельности путем получения своевременных, технически выверенных, достоверных и точных выводов.

Лапшин Вячеслав Евгеньевич,
доцент кафедры судебной экспертизы
(Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, юридический факультет),
кандидат юридических наук

ПОСОБИЕ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ ПОД ОБЛОЖКОЙ РОМАНА В.О. БОГОМОЛОВА «МОМЕНТ ИСТИНЫ»

В статье представлен опыт использования художественного романа В.О. Богомолова «Момент истины» и его экранизации в преподавании криминалистики. Особое внимание уделяется методике освоения темы криминалистической габитологии с помощью фрагментов фильма, демонстрирующих аналитическую работу оперативных сотрудников. Подчеркивается значимость художественного контекста для формирования профессионального мышления обучающихся и развития практических навыков.

Ключевые слова: *В.О. Богомолов, художественная литература, фильм, Смерш, учебный процесс, криминалистическая подготовка, идентификация.*

Тема героического противостояния советского народа фашизму в годы Великой Отечественной войны является предметом оживленных дискуссий и по сей день. Примеры мужества героев той поры, проявленной ими смекалки и единой сплоченности с трудовым народом, непрестанно будут находить отклик в наших сердцах, воплощаясь в различных произведениях.

Мое знакомство с этим увлекательным романом состоялось, как ни странно, благодаря художественному фильму «В августе 44-го…»[1], снятому по роману В.О. Богомолова (03.07.1924–30.12.2003) [1]. И состоялось это знакомство лишь фрагментарно. Дело в том, что сюжетную подборку для учебного практического

[1] Художественный фильм, военная драма, режиссер М.Н. Пташук, снят на киностудии «Беларусьфильм» в 2000 г. Российская ТВ премьера состоялась 9 мая 2002 г. на телеканале НТВ. Информация с сайта РУВИКИ: https://ru.ruwiki.ru/В_августе_44-го...

занятия по разделу «Криминалистическая техника» из данного фильма специально подготовил профессор В.Д. Грабовский[1].

Во время учебных занятий по теме «Криминалистическая габитология как средство розыска и идентификации преступников», которые я, как молодой преподаватель, проводил под чутким руководством профессора кафедры, было продемонстрировано и разъяснено то, что мне и, конечно, обучающимся самостоятельно связать с изучаемой наукой в то время было не под силу.

Мой наставник, как всегда неторопливо и вальяжно, размеренным голосом, обращаясь к присутствующим, произносил: «Вы – то поколение, которое променяло книги на динамичный ряд экшен-боевиков… Так давайте сейчас посмотрим небольшие фрагменты, которые, я думаю, вызовут у вас отчетливую ассоциацию с нашей темой занятия». Да, профессор умел настраивать на нужный лад восприятия информации. Как кот Баюн, вкрадчиво и неторопливо увлекал за ходом своих мыслей, настраивая собеседника (ов) на общую тему общения. Ему не нужно было повышать голос, интонация оставалась постоянной, весь его авторитет притягивал к его персоне внимание, ожидая от профессионала только лучшего, интригующего и захватывающего.

Сюжет, который я впервые увидел, был психологически напряженным, он был взят из самого конца данной киноленты. В нем командир опергруппы Смерш, капитан П.В. Алехин, мысленно анализируя ранее собранную информацию о немецких шпионах, пытался связать скудную, но архи важную информацию с внешним обликом и образом действий остановленных на лесной тропе троих неизвестных, одетых в форму советских офицеров.

Ох, до чего же был напряженным тот момент, где голосом внутренних размышлений звучали мысли розыскника Павла Алехина:

«Глаза с прищуром! Быстрее!.. Кошевой?.. Глаза карие, бородавка… на левой щеке… Алексеев?.. Сросшиеся брови, противокозелок вогнутый… Скаба?.. Пойман!.. Игнатов Василий?.. Брюнет!.. Ревякин?.. Бойчевский?.. Лысенко?.. Гурьянов Денис?.. Полынин?.. Мищенко?..

Мищенко?!! Южнорусский говор… кривоватые, как у кавалеристов, ноги… глаза с прищуром… Неужели Мищенко?! Словес-

[1] Грабовский Владимир Дмитриевич (29.12.1939–10.01.2006) – кандидат юридических наук, профессор, российский ученый-криминалист. Начальник кафедры криминалистики (1986–2000), профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

ный портрет… пожалуй… Но тот, наверно, все же внушительней… Мищенко – девятьсот пятого… Ему тридцать девять… А этому?.. тридцать пять?.. Сорок?.. Неужели Мищенко?! Быстрее!!!» [2, с. 466].

Конечно, в кинофильме не представлены те истинные рассуждения, которыми так изобилуют страницы одноименной печатной версии. Стремясь раскрыть всю содержательную напряженность действия, сознательно приводится отсылка к страницам рассматриваемого произведения.

Делая отступление, стоит упомянуть о сложном характере писателя, который так и не принял воплощенный образ смершевцев, считая, что их персонажи во многом лишились психологической достоверности, заложенной в романе. Само собой разумеется, что уместить в рамки киноленты весь мыслительный процесс, представленный писателем, невозможно. Как бы то ни было, это весьма приличная экранизация[1] с плеядой великолепных актеров.

Именно в этом кинопроизведении умудренный опытом профессор усмотрел для нас не только занимательные игровые сюжеты, но и невидимую линию пересечения с криминалистическими приемами и методами. Так в дальнейшем, на примере данного фильма, он пытался донести до нас понимание, что знания криминалистики применялись в разное время, исходя из складывающихся обстоятельств, но каждый раз виртуозно и завораживающе.

Только сопоставив представленный внешний образ героев кинофильма и вдумчиво, зачастую по несколько раз, перечитывая некоторые страницы, мне удалось внутренне осознать грандиозность событий той поры и проникнуться глубинным замыслом автора, нашедшим выражение в достижении поставленной цели, продемонстрированных тактических приемах, а также представленном самопожертвовании героев романа. Так, многие годы этот образец исполнения обязанностей оставался для меня приоритетом в службе. Вот несколько будоражащих сознание примеров из книги: «Так давайте определимся, – решительно заявляет гене-

[1] На 25 сентября 2025 г. анонсирован выход художественного фильма «Август» по мотивам романа «Момент истины». Это будет новая, воплощенная на широком экране история, отражающая тренды современного кинематографа. Информация с сайта Первого канала: https://www.1tv.ru/movies/statyi/avgust-sostoyalas-internet-premera-pervogo-oficialnogo-treylera-filma-po-motivam-romana-vladimira-bogomolova-moment-istiny

рал Егоров, – давайте уясним, что для нас важнее: момент истины и «все концы» или же создание видимости нашей активности?..» [2, с. 302]. Или чего стоит тирада Евгения Таманцева, в конце которой звучит: «А момент истины? Не о шкуре – о деле надо думать!» [2, с. 445].

Антагонист в лице И.Г. Мищенко (старший разыскиваемой группы) – поистине грозный враг! Недаром в напряженный момент психологического противостояния Алехин четко удерживает в голове предостережение: «Да мы для них уже трупы!..» [2, с. 489]. Проникаясь рассуждениями героя, мы с каждой минутой приходим к убеждению, что перед нами – легендарный гитлеровский агент: долгие годы активно действует на стороне врага, прошел подготовку в Берлинской школе немецкой разведки, по распоряжению Гитлера в порядке исключения получил звание майора германской армии, яростно настроен антисоветски, в совершенстве владеет любым оружием, приемами защиты и нападения, представляет особую опасность при задержании.

Не переставая осознанно играть перед проверяемыми офицерами простака и дубоватого службиста, Павел Алехин в молниеносном потоке сознания помнит об архиважной задаче – во время проверки «прокачать» подозреваемых, не упустить ни одной зацепки, пропустить в уме все известные сведения о вражеских агентах, примерить их к проверяемым, чтобы решительно выйти на момент истины в процессе напряженной работы над «объектами исследования». Как четко и явственно звучат его рассуждения: «Твоя задача – заставить этих троих проявить свою суть…», «Фиксируй лица!..» [2, с. 489], «Словесный портрет совпадает… Неужели Мищенко?.. Не исключено!.. В баню бы с ним сейчас… поясницу посмотреть… Где он был в этот год… нет, одиннадцать месяцев?.. Куда его тогда ранили?.. Мищенко – это фигура!.. Не говори гоп!.. Не факт, что это Мищенко, и не факт, что они – «Неман»… Качай!» [2, с. 480].

Отдавая должное уважение сотрудникам Смерша, глубоко проникнувшись сутью ситуации, сложившейся в условиях военной обстановки, трудно представить весь тот комплекс физической и мыслительной работы, представленный нам в качестве примера в данном выдающемся произведении.

Да, Владимир Дмитриевич еще много раз наставлял меня, как структурно выстраивать учебное занятие, чем заинтересовать обучающихся, на что сделать упор в отведенное время, какие смелые

приемы продемонстрировать. Вот, говорил он, это и входит во весь необъятный арсенал средств, который при умелом использовании поможет не только превосходно провести «пару», но и в дальнейшем, при должном усердии, позволит выйти на высокий уровень педагогического мастерства. Достаточно долгое время, уже без него, происходила проработка интересных моментов с упором на данное произведение (роман и фильм). В них, с учетом разных занятий, были рассмотрены как тактические приемы, так и специфические технико-криминалистические методы, зачастую важные в практической работе следователя, оперативного работника и, конечно же, эксперта-криминалиста.

Как жаль, что заявленный объем данной публикации не позволяет передать всю структуру интересных элементов, примененных в процессе реализации педагогической деятельности, где нашло отражение не только данное художественное произведение, но и одноименная кинолента.

Список источников

1. Богомолов Владимир Осипович. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Богомолов,_Владимир_Осипович (дата обращения: 26.05.2025).

2. *Богомолов В.О.* Момент истины. Роман, повести, рассказы. Приложение к журналу «Дружба народов». М.: Известия, 1984. 544 с.

Манова Нина Сергеевна,
заведующий кафедрой уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор юридических наук, профессор

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: МОДНЫЙ ТРЕНД ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?[1]

В статье анализируется значимость транспарентности уголовного судопроизводства и ее роль в повышении эффективности данного вида государственной деятельности. Автор приходит к выводу о том, что транспарентность находится в прямой зависимости с проблемами достижения социального назначения уголовного процесса в силу того, что она предполагает не только прозрачность и подотчетность деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, но и уважение интересов и свобод участников уголовного процесса, основанных на базовых международных стандартах в области прав человека, а также справедливость уголовно-процессуальных процедур, обеспечивающих достижение баланса интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: *транспарентность уголовного судопроизводства, социальное назначение уголовного процесса, баланс интересов личности, общества и государства.*

В доктрине уголовного процесса периодически возникают некие «трендовые» темы, которые привлекают к себе внимание множества ученых. В последние несколько лет в числе таких тем оказались проблемы, связанные с цифровизацией уголовного судопроизводства [1–6], рискологией уголовно-процессуальной деятельности [4, 7–10] и ее транспарентностью [11–13]. Интерес научного сообщества к данным темам вполне понятен, так как в них во многом сконцентрированы те глобальные вызовы, с которыми сталкивается современное государство и общество.

Сегодня в целом устоялось представление о транспарентности как об открытости, доступности того или иного вида государственной деятельности, регулируемой правом, которые обеспе-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190, https://rscf.ru/project/25-28-01190/

чиваются путем передачи широкой общественности, отдельным гражданам информации о соответствующей деятельности органов власти. Применительно к уголовному судопроизводству категория «транспарентность» напрямую связывается с понятиями «гласность», «открытость» производства по уголовным делам. Однако при этом авторы, занимающиеся проблемами транспарентности уголовного процесса, единодушно подчеркивают, что она не может быть сведена исключительно к открытости данных о ходе и результатах досудебного и судебного производства для их участников и иных заинтересованных лиц. Транспарентность включает в себя «другие приоритетные публично-правовые ценности уголовного судопроизводства: независимость судей, презумпцию невиновности, следственную, адвокатскую и иную охраняемую законом тайну» [14, с. 16].

Некоторые ученые полагают, что транспарентность может и должна являться основополагающей идеей, «отражающей государственную политику в области уголовного судопроизводства» [15, с. 72], то есть должна являться одним из принципов уголовного процесса. Соглашаясь с данным представлением о роли, значении транспарентности в уголовном судопроизводстве, считаем возможным рассматривать ее как «как процессуальную основу открытого, доступного и справедливого уголовного судопроизводства в целом, как явление, позволяющее обществу контролировать данную сферу государственной деятельности, давать объективную оценку ее результатов и, как следствие, способствующее формированию доверия населения к уголовному судопроизводству, и поэтому «находящееся в прямой коррелирующей зависимости с проблемами достижения его социального назначения» [16, с. 111].

Столь высокая значимость транспарентности уголовного судопроизводства обусловлена тем, что именно она в состоянии существенно повлиять на достижение баланса интересов личности, общества, государства. Нахождение равновесия между открытостью, доступностью и прозрачностью информации и тайны производства по уголовным делам позволит обеспечить безопасность личности, общества и государства, права участников процесса, эффективное противодействие преступности и общественный контроль за данной сферой государственной деятельности. Сегодня нередко, в силу закрытости самой системы правоохранительных органов и укоренившегося в сознании российского населения правового

нигилизма, даже ставшие достоянием гласности решения следственных органов, органов прокуратуры встречают негативную реакцию, обусловленную неверием в законность их деятельности, убеждением в наличии двойных стандартов уголовного судопроизводства. А осуществление общественного контроля за правоохранительными органами и судом не просто в состоянии повысить правовую грамотность населения, но и способно стать значимой гарантией использования механизма судебной защиты заинтересованными участниками процесса, способствавать обеспечению справедливости самого судебного разбирательства, росту доверия населения к результатам деятельности следственных и судебных органов.

Для того же, чтобы общество могло осуществлять контроль за деятельностью таких органов, уголовное судопроизводство должно осуществляться точно по установленным процедурам, справедливость и значимость которых понятна населению. Как верно отмечено, «тщательное соблюдение уголовно-процессуальной процедуры предполагает получение истинного результата» [17, с. 125], а понимание и «доверие к примененной процедуре презюмирует доверие к полученным результатам» [13, с. 123].

Безусловно, что осуществляемая государством уголовная политика становится эффективной только в том случае, если она получает поддержку со стороны общественности. А это возможно, прежде всего, в случае точной законодательной формулировки правового и социального назначения уголовного судопроизводства, которое призвано обеспечить законность и правопорядок в стране, удовлетворяя при этом интересы государства, общества и отдельной личности. Восприятие обществом справедливости и полезности уголовного судопроизводства, общественное признание приоритетной важности данного вида деятельности во многом зависит от установления в уголовно-процессуальной сфере равновесия, баланса интересов личности и государства.

И именно транспарентность уголовного процесса, вбирающая в себя его социальную сущность, опирающаяся на баланс публичных и частных интересов, способна составить основу открытого (в четко очерченных границах института следственно-судебной тайны, гарантирующей защиту информации, могущей нанести вред и интересам расследования преступлений, и правам и законным интересам участников уголовного процесса) и справедливого

судопроизводства. Тем самым, концепция транспарентности уголовного судопроизводства предполагает не только прозрачность и подотчетность деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, но и уважение интересов и свобод участников уголовного процесса, основанных на базовых международных стандартах в области прав человека, а также справедливость уголовно-процессуальных процедур. А это, в свою очередь, является неотъемлемым условием достижения назначения уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / [В.С. Балакшин, В.Б. Вехов, В.Н. Григорьев и др.]. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.

2. *Медведева М.О.* Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 250 с.

3. Высокотехнологичный уголовный процесс / под ред. С.В. Зуева, Л.Н. Масленниковой. М.: Юрлитинформ, 2023. 216 с.

4. *Чурикова А.*Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 48 с.

5. *Глимейда В.В.* Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 241 с.

6. Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства / под ред. С.В. Зуева, О.В. Мичуриной. М.: Юрдитинформ, 2025. 328 с.

7. *Загрядская Е.А.* Риск-ориентированный подход к деятельности следователя: постановка проблемы // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2020. С. 143–146.

8. *Колоколов Н.А.* Риск в принятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 47–58.

9. *Победкин А.В.* Риски современного отечественного уголовного судопроизводства: на каких остановиться? // Уголовное су-

допроизводство России: современное состояние и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во Краснод. ун-та МВД России, 2020. С. 344–347.

10. *Лавнов М.А.* Оценка рисков в механизме принятия уголовно-процессуальных решений // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 349–353.

11. *Абросимова Е.* Транспарентность правосудия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 142–152.

12. *Тарасов А.А.* О транспарентности российского правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 109–114.

13. *Павленков Р.В., Колосович М.С.* Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 120–132.

14. *Тарасов А.А.* Транспарентность правосудия – важный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 15–20.

15. *Аширбекова М.Т.* Принципы уголовного судопроизводства: их сущностные черты, свойства и система // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летнему юбилею проф. А.В. Гриненко. М.: МГИМО МИД России, 2016. С. 69–74.

16. *Манова Н.С., Спесивов Н.В.* Защита прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве: эффективность правовой политики и перспективы ее совершенствования // Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 2024. С. 104–118.

17. *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 442 с.

Маркунин Роман Сергеевич,
доцент кафедры теории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

МЕСТО И РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена анализу различных подходов к понимаю правопорядка и роли юридической ответственности в его поддержании. На основе изученного материала делается вывод о существовании двух подходов к пониманию правопорядка, а именно: 1) как состояние общественных отношений; 2) как результат нормотворческой и правоприменительной деятельности. Исследование подтверждает, что юридическая ответственность может обеспечивать высокий уровень правопорядка в обществе, а правосознание играет ведущую роль в его поддержании. В заключении делается вывод о том, что эффективная система позитивной и негативной юридической ответственности выступает необходимым условием как формирования, так и поддержания правопорядка в обществе

Ключевые слова: *правопорядок, юридическая ответственность, правосознание, правовая культура, правонарушение, закон.*

Правопорядок как явление широко используется в действующем российском законодательстве. В настоящее время высокий уровень правопорядка выступает необходимой предпосылкой эффективности функционирования органов публичной власти и степени урегулированности различных сфер жизни общества.

В науке можно выделить два основных подхода к пониманию правопорядка:

- правопорядок как состояние общественных отношений или их совокупность;
- правопорядок, как результат нормотворческой и правоприменительной деятельности, включающий соблюдение установленных предписаний всеми субъектами правового регулирования [1, с. 187].

В рамках первого подхода С.В. Клевцов анализирует правопорядок как определенное качество и состояние общественной жизни, в которой отражаются основные элементы социального бытия [2, с. 62]. П.Е. Недбайло полагал, что правопорядок следует

рассматривать лишь как совокупность правоотношений [3, с. 125]. В.В. Борисов отошел от подобного упрощения, раскрывая правопорядок через состояние общественной жизни развитого общества, характеризующееся внутренне согласованной и урегулированной государством системой правовых отношений и связей; основанное на точной реализации требований и принципов права и законности, охране субъективного права и выполнении юридической обязанности каждым его участником [4, с. 74].

Сторонники второго подхода, в частности Л.С. Явич, утверждал, что правопорядок следует рассматривать как реализацию норм права, а именно право в действии [5, с. 8]. А.В. Виссаров изучает правопорядок как итог правового регулирования, его реализованная цель, которая формируется за счет действия норм права, актов реализации права и т.д. [6, с. 7].

Подобная неопределенность юридических дефиниций правопорядка выступает свидетельством сложности и многоаспектности этого явления, а также его многочисленных связей с иными явлениями правовой действительности, которые могут способствовать поддержанию высокого уровня правопорядка в обществе. Одним их таких явлений выступает юридическая ответственность. При этом ответственность обеспечивает требуемый уровень правопорядка в обществе вне зависимости от выбранного подхода к его сущности, указанных выше.

Следует признать, что юридическая ответственность способна выстроить высокий уровень убеждения субъектов в необходимости действовать правомерно, соотнося свои поступки с действующим законодательством. Таким образом ответственность создает условия для формирования и поддержания правопорядка.

Однако для наиболее эффективной реализации юридической ответственности в процессе поддержания правопорядка в обществе, ее необходимо рассматривать с двух аспектах: позитивного и негативного. Позитивная ответственность выражается в осознании субъектом своего долга перед обществом и государством действовать согласно установленным правилам поведения. Негативный аспект ответственности заключается в необходимости для лица претерпевать неблагоприятные для себя последствия в связи с правонарушением.

Негативная юридическая ответственность проявляется в виде реакции со стороны государства на деяния субъектов, совершив-

ших правонарушение. Таким образом факт привлечения к ответственности субъекта является свидетельством эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности.

Позитивная юридическая ответственность позволяет выстраивать особое состояние общественных отношений с присущим высоким уровнем правосознания и правовой культуры, что соответствует первому подходу к определению сущности правопорядка. Установление правопорядка не должно сводиться лишь к введению в действие законодательных актов. Вступление в силу законов является лишь исходным началом будущего правопорядка. Однако, для того чтобы законодательные акты успешно реализовывались, воплощаясь в реальные правоотношения, требуется высокий уровень правосознания и правовой культуры населения, которого нельзя будет достичь без позитивной юридической ответственности.

Таким образом, мы можем наблюдать взаимосвязь юридической ответственности и правопорядка. Развитие позитивной ответственности и ее должное закрепление на законодательном уровне способствует достижению особого состояния всех общественных отношений, в которых отсутствует нарушение установленных правовых норм. В данном случае обеспечивается поддержание правопорядка согласно первому подходу к его содержанию.

Негативная юридическая ответственность, связанная с претерпеванием неблагоприятных последствий для лица, способствует поддержанию правопорядка в рамках второго подхода, поскольку процесс привлечения к мерам ответственности становится свидетельством эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности.

При этом следует подчеркнуть наличие взаимосвязи между аспектами самой юридической ответственности. Так, чем выше уровень позитивной ответственности граждан, который воплощается в совершении исключительно правомерных, поощряемых государством деяний, тем меньше общество и государство испытывает необходимость в негативной ответственности и различных карательных мерах.

В результате следует констатировать, что наличие эффективной позитивной и негативной юридической ответственность служит необходимым условием формирования и дальнейшего поддержания правопорядка в обществе.

Список источников

1. *Степанов А.В.* Правопорядок: понятие, анализ точек зрения. Миграционный правопорядок как один из видов правопорядка // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4. С. 186–191.

2. *Клевцов С.В.* Гражданский правопорядок как воплощение идеи правопорядка // Наука и практика. 2014. № 3. С. 62–65.

3. *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат. 1960. 511 с.

4. *Борисов В.В.* Правовой порядок развитого социализма: вопросы теории: монография. М.: Норма. 2025. С. 74. 252 с.

5. *Явич Л.С.* Социалистический правопорядок. Л.: Изд-во Ленингр.ун-та. 1972. 78 с.

6. *Виссаров А.В.* Правопорядок и субъекты его обеспечения (теоретико-правовой аспект): автореф. … канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.

Мильшин Юрий Николаевич,
профессор кафедры Информационного права и цифровых технологий
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, профессор

УГРОЗЫ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

В статье раскрывается понятие угроз в обороте персональных данных. Анализируются виды угроз, направленные: на подрыв информационной безопасности государства; на различного рода организации и на личность. Дается характеристика актуальных угроз безопасности персональных данных.

Ключевые слова: *угрозы, оборот больших данных, безопасность, конфиденциальная безопасность, информационные системы.*

Угрозы в обороте данных представляют собой совокупность условий и факторов, которые создают опасность несанкционированного доступа к ним. Рассматриваемые угрозы можно классифицировать по различным критериям.

К первой группе можно отнести угрозы, направленные на подрыв информационной безопасности государства (информационная война, Информационное оружие, кибератаки, кибершпионаж, распространение секретной служебной информации (инсайдерской информации). Так, Хакерская война (Hackerwar) или Электронная война (Electronic) представляют собой диверсионные действия против гражданских (в хакерской), военных (в электронной) объектов противника и защиту от них (например, взлом банковских сетей), в них базы данных и технологии обработки, а точнее их подрыв являются целью врага. Если рассматривать такую угрозу для государства, связанную с распространением данных, как распространение секретной служебной информации, необходимо отметить, что вопрос оборота данного рода информации строго и всесторонне урегулирован в законодательстве РФ. А следовательно, данная угроза формируется как правило путем непосредственно противоправных действий лиц, имеющих доступ к ним либо несанкционированно посягающих на такого рода сведения.

Ко второй группе можно отнести угрозы, направленные на различного рода организации, компании, юридические лица (разглашение, утечка, и несанкционированный доступ) [1, с. 28]. Наиболее соотносимым с проблематикой правового регулирования оборота данных является явление утечки информации или данных, поскольку на сегодняшний день подобные ситуации учащаются и носят все более опасный характер.

Так, утечка конфиденциальной информации представляет собой бесконтрольный выход конфиденциальной информации за пределы информационных систем круга лиц, которым она была доверена по службе или стала известна в процессе работы. Эта утечка может быть следствием разглашения конфиденциальной информации, ухода информации по различным, главным образом техническим, каналам, несанкционированного доступа к конфиденциальной информации различными способами.

С целью защиты информационных систем все активнее вводят в работу специальные системы, пришедшие на смену традиционным методам защиты информации (системам контроля и управления доступом, антивирусам и межсетевым экранам), являющиеся решением проблемы утечки конфиденциальных данных – это DLP-системы. DLP-решения помогают выявлять, контролировать, защищать и снижать риски утечки конфиденциальных данных. Они используются для предотвращения несанкционированного доступа к конфиденциальным данным и защиты информации, которая может быть передана третьим лицам по ошибке или намеренно [2, с. 16].

Подобные системы предназначены не только для защиты данных клиентов и пользователей, но и для охраны операционных технологий, защиты внутренней коммерческой информации, данных сотрудников и т.д. Однако, данные системы также должны соответствовать требованиям и рекомендациям регулирующих органов – Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной службы безопасности России, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России.

К третьей группе относятся угрозы непосредственно личности (физическому лицу), в которые входят: киберслежка; онлайн-мошенничество (поддельные письма); фишинг (раскрытие персональных данных: логина, пароля, номера банковской карты).

Вопрос правового регулирования ответственности за нарушение прав личности посредством фишинга становится все более актуальным и как законодатели, так и органы уполномоченные на толкование права уделяют ему внимание [3, с. 137].

Кроме того, выделяют актуальные угрозы безопасности персональных данных, которые содержатся в пункте 6 Требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных, установленных Постановлением Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». Под актуальными угрозами безопасности персональных данных понимается совокупность условий и факторов, создающих актуальную опасность несанкционированного, в том числе случайного, доступа к персональным данным при их обработке в информационной системе, результатом которого могут стать уничтожение, изменение, блокирование, копирование, предоставление, распространение персональных данных, а также иные неправомерные действия.

Угрозы 1-го типа актуальны для информационной системы, если для нее в том числе актуальны угрозы, связанные с наличием недокументированных (недекларированных) возможностей в системном программном обеспечении, используемом в информационной системе.

Угрозы 2-го типа актуальны для информационной системы, если для нее в том числе актуальны угрозы, связанные с наличием недокументированных (недекларированных) возможностей в прикладном программном обеспечении, используемом в информационной системе.

Угрозы 3-го типа актуальны для информационной системы, если для нее актуальны угрозы, не связанные с наличием недокументированных (недекларированных) возможностей в системном и прикладном программном обеспечении, используемом в информационной системе [4].

Выделение этих видов угроз, понимание сути которых представляется непростым исходя из формулировки в Постановлении Правительства, осуществлено для дальнейшего установления уровней защищенности персональных данных и регламентации необходимых условий для их установления.

Список источников

1. *Фалеев М.И., Черных Г.С.* Угрозы национальной безопасности государства в информационной сфере // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования: науч.-аналит. сб. М., 2014. Т. 4, № 1 (6). С. 21–97.

2. *Баранов А.С.* Использование систем предотвращения утечек данных в организациях // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 15–16.

3. *Могунова М.М.* Технология осуществления и правовая регламентация незаконного овладения персональными банковскими данными (фишинг) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 135–141.

4. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137356/8c86cf6357879e861790a8a7ca8bea4227d56c72/ (дата обращения: 12.05.2025).

Набатов Михаил Борисович,
адвокат Адвокатской палаты Московской области,
кандидат юридических наук

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ К УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье анализируется феномен общественного доверия к уголовному судопроизводству. Сформулировано авторское определение, определено значение, критерии оценки данного явления и способы выявления уровня такого доверия. Приведены собранные автором эмпирические данные характеризующие уровень общественного доверия к уголовному судопроизводству в Российской Федерации, а также факторы, влияющие на уровень доверия. Рассмотрен вопрос влияния цифровизации общественных отношений и уголовного процесса, в частности, на уровень доверия общества к уголовному судопроизводству.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, цифровизация, общественное доверие, кибер-преступления, цифровые доказательства, цифровая криминалистика, экспертиза, искусственный интеллект.*

Согласно Конституции РФ человек является высшей ценностью, а защита его прав и свобод является обязанностью государства. Назначением уголовного судопроизводства является, в том числе, защита человека, находящегося как в статусе потерпевшего, так и обвиняемого (ст. 6 УПК РФ). По замечанию Л.В. Головко трудно найти сферу государственной деятельности, таящую в себе столько реального и потенциального риска для человека и гражданина, как уголовно-процессуальная деятельность [1, с. 80].

Исходя из вышеизложенного человек, люди, общество является или должны являться «мерилом всех вещей» применительно к процессу осуществления уголовного судопроизводства и оценке результатов такой деятельности. Между тем, как ни странно, вопрос исследования и оценки отношения общества к уголовному судопроизводству редко является объектом исследования ученых-процессуалистов. На это есть ряд объективных и субъективных причин, которые не являются предметом настоящей публикации.

По нашему мнению, одним из способов определения отношения людей к уголовному судопроизводству может стать исследование уровня общественного доверия к этому виду государственной деятельности. Например, И.Г. Смирнова предлагает определять горизонтальное и вертикальное доверие, где первое – это доверие между субъектами уголовного процесса, а второе – определяет легитимность судебно-следственной власти [2, с. 506]. Н.В. Софийчук отмечает что доверие в уголовном процессе, как общее понятие, весьма сложно поддается исследованию, а его изучение неизбежно остается во взаимосвязи с уголовно-процессуальной ситуацией, субъектом или явлением [3, с. 265].

Поскольку само определение общественного доверия к уголовному судопроизводству уголовно-процессуальной наукой не определено, мы предлагаем необходимым для единообразного понимания данного явления и его дальнейшего изучения сформулировать такое определение следующим образом. Общественное доверие к уголовному процессу – это отношение общества как сложной социальной структуры индивидов к уголовному судопроизводству, его осуществлению в целом и деятельности его представителей, выражающееся в уверенности либо неуверенности в том, что уголовное судопроизводство осуществляется правильно, объективно и беспристрастно в интересах индивида и/или всего общества, а уголовное наказание является справедливым.

Чтобы объективизировать, изучить, количественно определить наличие или отсутствия такого доверия мы предлагаем применять систему критериев-уровней. Например, при проводимых нами исследованиях респондентам задавался вопрос «Считаете ли вы, что рассмотрение уголовных дел осуществляется правильно, справедливо и беспристрастно?» Было предложено четыре варианта ответов: ответ – «нет» (такой ответ можно считать соответствующим отрицательному уровню доверия), «скорее нет» (ответ соответствует уровню «низкий»), ответ – «скорее да» (уровень удовлетворительный), и ответ – «да» (уровень высокий). В результате опроса были получены следующие неутешительные данные: «нет» – 72 %, «скорее нет» – 8 %, «скорее да» – 14 %, «да» – 6 %[1].

[1] Исследование проводилось в декабре 2024 г. – июне 2025 г. среди сотрудников одной из коммерческих компаний. В опросе участвовали представители различных социальных групп: представители рабочих специальностей, инженерно-технический состав, сотрудники экономических

Для определения того, что именно влияет на восприятие обществом уголовного судопроизводства, респондентам были заданы вопросы о том, какие качества, какие проявления вовне уголовного судопроизводства являются для людей наиболее ценными и значимыми. В результате исследования были получены такие результаты: 1) 22 % беспристрастность и объективность расследования и судебного разбирательства; осуществление правосудия без «обвинительного или оправдательных уклонов»; 2) 20 % открытость и понятность уголовного судопроизводства; 3) 17 % справедливость приговора; 4) 15 % уверенность в безопасности для гражданина, самого факта участия в уголовном судопроизводстве, в том, что «следователь во всем разберется»; 5) 14 % «надежные», достоверные, «правдивые» доказательства; 6) 12 % иные качества уголовного судопроизводства, которые мы пока оставим вне обсуждения.

Применительно к теме настоящей статьи остановимся более подробно на пункте 5 опроса, а именно, на важности для общества доверия к доказательствам, на основании которых принимаются решения в уголовном судопроизводстве, в том числе постановляются приговоры.

В настоящее время мы живем в условиях, в которых трудно найти правовую, экономическую, политическую, хозяйственную ситуацию в которой не имели бы значения, иногда решающее, цифровые, информационные технологии и продукты. Таким образом, можно констатировать, что государство и население вступило в эпоху тотальной цифровизации общественных отношений.

У этого явления есть свои издержки и риски. Например, председатель Государственной Думы В.В. Володин сообщил, что по состоянию на 6 июля 2025 г. каждое третье преступление совершается в цифровой среде, более 80 % из них – дистанционные хищения [4]. Как практикующий адвокат-защитник могу утверждать, что в настоящее время при расследовании и рассмотрении в суде практически любого уголовного дела применяются носители цифровой информации, цифровые технологии и продукты, т.е., так называемые цифровые (электронные) доказательства. Между тем до настоящего времени не только не сформулировано ни само легальное определение такого вида доказательства, ни требования ни к нему. Одна-

---

и бухгалтерских подразделений, руководство компании. Всего было опрошено 1 705 человек в головном офисе и филиалах организации, расположенных в трех федеральных округах.

ко, такой вид доказательств обладает рядом свойств, отличающих их от других видов доказательств, а именно человеконечитаемую, человеконевидимую, не воспринимаемую органолептически часть, сферу. Данное обстоятельство порождает высокий риск фальсификации, искажения, модифицирования таких доказательств. Например, возможности так называемого «искусственного интеллекта» позволяют создавать ранее не виданные способы и средства введения в заблуждение не только обывателей, но и специалистов [5]. Все вышеперечисленное порождает у общества вполне обоснованное недоверие к доказательствам в уголовном судопроизводстве, как потенциально сфабрикованным и не проверяемым.

Вышеизложенное обусловливает необходимость скорейшей выработки и принятия криминалистических решений и законодательных мер в целях обеспечения надлежащей защиты и обеспечения достоверности цифровых (электронных) доказательств. В частности, более широкое привлечение специалиста не только к исследованию, но и к оценке доказательств, что повысило бы, в том числе, уровень общественного доверия к уголовному судопроизводству.

Список источников

1. *Головко Л.В.* Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. С. 80.

2. *Смирнова И.Г.* Доверие как аксиологическая детерминанта процесса доказывания по уголовным делам: эмодзи как объект оценки судом // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 5. С. 504–512.

3. *Софийчук Н.В.* К вопросу о совместимости в уголовном судопроизводстве доверия и цифровых технологий: постановка вопроса // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: сб. науч. ст. Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы, 2024. С. 264–267.

4. Вячеслав Володин: продолжаем работу по противодействию кибермошенничеству и защите граждан от финансовых потерь. URL: http://duma.gov.ru/news/61738/ (дата обращения: 10.07.2025).

5. *Набатов М.Б.* Цифровизация уголовного процесса как фактор влияния на уровень общественного доверия к уголовному судопроизводству // Высокотехнологичное право: ожидание и реальность: матер. VI науч.-практ. конф. (Зеленоград, 14 февраля 2025 г.): в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Л.В. Бертовского, МИЭТ. 2025. С. 200–208.

Неижкаша Иван Сергеевич,
соискатель кафедры конституционного
и административного права
(Кубанский государственный университет)

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ С ОСОБЫМ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена анализу территорий с особым публично-правовым статусом, созданных Китаем совместно с другими странами. В рамках настоящей статьи показаны конкретные примеры таких международных территорий и специфика их деятельности.

Ключевые слова: *совместные территории, Китайская Народная Республика, особый публично-правовой статус, финансовое право, территории с преференциальными режимами, свободная экономическая зона, зона пограничного экономического сотрудничества.*

Развитие российского финансового права проходит в окружении иностранных законопорядков, опыт которых в отношении некоторых стран имеет большую продолжительность и устоявшиеся механизмы территориального и экономического развития.

К таким странам, в частности, относится одна из наиболее динамично развивающихся экономик мира: Китайская народная республика (далее – КНР или Китай). Эта страна формирует 30% от роста мировой экономики и является крупнейшим в мире экспортером [1, с. 493]. Более того, по объему прямых иностранных инвестиций КНР занимала первое место в мире в 2020 г. [2, с. 168], а по результатам 2024 г. стала шестой экономикой мира по данному показателю [3].

При наличии некоторых исследований российской науки в области права публичных финансов Китая данная сфера остается в целом неизученной [4, с. 254] и является актуальной для российского права.

В настоящее время КНР реализует в отношении свободных экономических зон политику по четырем основным направлениям:

1) развитие Нового шелкового пути;

2) продвижение Регионального всеобъемлющего экономического партнерства;

3) создание новых территорий с особым публично-правовым статусом;

4) внесение изменений в законодательство для прекращения оттока высокотехнологичных компаний [5, с. 27].

К мерам, направленным на реализацию зарубежных проектов и глобальную экспансию на международных рынках, относится создание совместных территорий с особым публично-правовым статусом с другими государствами.

В 2020 г. между Китаем, Японией, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией и десятью странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии было заключено Соглашение о «Всестороннем региональном экономическом партнерстве», которое вступило в силу в 2022 году и содержит меры, направленные на развитие экономики и торговли между странами-участницами [6, с. 44].

В рамках указанного соглашения Китай выделился тем, что уже внедрил его в Хэйлунцзянской зоне свободной торговли, усилив и без того существующий преференциальный режим дополнительными мерами в виде упрощения таможенных процедур, развития сферы торговли услугами [6, с. 48], углубления мер по поддержке иностранных инвестиций и особых мер для развития электронной коммерции [6, с. 49].

Свое внимание КНР направляет на развитие трансграничных районов или зон пограничного экономического сотрудничества с другими странами, с которыми имеет общую сухопутную границу, примерами чего выступают российско-китайские торговые зоны Дунжин-Полтавка, Маньчжурия, Хэйхэ-Благовещенск, Хуньчунь-Зарубино [7, с. 16], Суйфэньхэ [7, с. 17].

Основными видами деятельности зон пограничного экономического сотрудничества с Российской Федерацией являются:

- Хэйхэ-Благовещенск – переработка лесных ресурсов;
- Маньчжурия – химическая промышленность, деревообработка, строительство и транспортная логистика;
- Суйфэньхэ – производство одежды, деревообработка и торговля;
- Хуньчунь-Зарубино – экспортно-производственная зона [7, с. 17].

Трансграничное развитие особых территорий КНР демонстрирует также с Республикой Казахстан и Вьетнамом [8, с. 49], с последней существуют тесные связи в сферах производства, торговли и туризма, например, территория трансграничного города Дунсин-Монг Кай [8, с. 52].

С Республикой Казахстан связаны четыре приграничных казахстанских области (Восточно-Казахстанская, Абайская, Жетысуская и Алматинская) и один китайский район – Синьцзян-Уйгурский автономный район, на которых добываются нефть, природный газ, поликремний, а также развивается сельское хозяйство [8, с. 54].

Более того, Китай не ограничивается созданием международных территорий с особым публично-правовым статусом исключительно на своей территории или в пределах трансграничных территорий.

Одной из современных тенденций выступает создание территорий с преференциальными режимами, размещенных в других странах. Раскроем подробнее данный механизм с приведением конкретных примеров.

Между Китаем и другим государством подписывается соглашение о создании особой зоны, в рамках которой китайский опыт позволяет спланировать, разработать и использовать преимущества размещения территории с особым публично-правовым статусом за пределами КНР для китайских компаний и получения налоговых преференций от обеих стран-участниц такого соглашения.

Что касается страны, на территории которой физически расположена территория с особым публично-правовым статусом, то это отличная возможность для нее повысить уровень валового внутреннего продукта и экономики в целом. В качестве примера можно привести активное создание зон зарубежного торгово-экономического сотрудничества КНР в Африке, где уже учреждены 11 зон по всему континенту (далее в скобках указывается страна-партнер Китая, на территории которой располагается совместная территория с особым публично-правовым статусом):

1) Китайско-египетская Суэцкая зона торгово-экономического сотрудничества (Арабская Республика Египет);

2) Замбия-Китайская зона торгово-экономического сотрудничества (Республика Замбия);

3) Восточная промышленная зона Эфиопии (Федеративная Демократическая Республика Эфиопия);

4) Зона свободной торговли Нигерии Лекки (Федеративная Республика Нигерия);

5) Международная зона свободной торговли Джибути (Республика Джибути);

6) Современный промышленный парк сельского хозяйства, промышленности и торговли Цзянсу-Шиньянга (Объединенная Республика Танзания);

7) Зона развития китайско-суданского сельскохозяйственного сотрудничества (Республика Судан);

8) Китайско-угандийская зона торгово-экономического сотрудничества (Республика Уганда);

9) Зона торгово-экономического сотрудничества Мозамбик Бейра (Республика Мозамбик);

10) Индустриальный парк для комплексного использования ресурсов вокруг озера Виктория (Объединенная Республика Танзания);

11) Индустриальный парк Хисенс в ЮАР (Южно-Африканская Республика) [9, с. 26].

Экстерриториальной зоной для развития китайской экономики и проникновения на иностранные рынки является учреждение индустриальных парков на территории государств, где КНР имеет свои собственные экономические интересы, примером чего является, например, индустриальный парк в Республике Беларусь «Великий камень», расположенный в Смолевичском районе Минской области [10, с. 163].

Китай имеет свободные экономические зоны не только в Республике Беларусь, но и в Республиках Кыргызстан (сельскохозяйственная зона сотрудничества «Азиатская звезда») [11, с. 15] и Казахстан (свободная экономическая зона «Хоргос-Восточные ворота») [11, с. 16].

Не обошел опыт китайского размещения свободных экономических зон на территории других государств и Россию, где можно обнаружить сразу четыре свободные экономические зоны: Уссурийская зона торгово-экономического сотрудничества (район г. Уссурийска) [11, с. 16], Китайско-российская зона сотрудничества лесной промышленности и торговли (Томская область), Зона экономического и торгового сотрудничества в области лесоводства (Могочинский район Дальневосточного федерального округа), Зона китайско-российского сотрудничества в области современной сельскохозяйственной промышленности «Хуасинь» (Приморский край) [11, с. 17].

В правовой науке есть мнение, что в некоторых случаях участие Китая оказывает сильное влияние на развитие не только самой свободной экономической зоны, но и экономики страны, в кото-

рой она расположена, среди которых выделяют следующие страны: Камбоджа, Индонезия, Лаос [11, с. 9], Пакистан, Таиланд, Вьетнам, Иран [11, с. 10], Египет, Эфиопия, Нигерия, Замбия, Венгрия [11, с. 11], Турция [11, с. 12].

Вместе с тем, такая активная экспансия особых территорий за пределы Китая имеет и недостаток в виде сильной подверженности действию внешних факторов, обусловленных функционированием совместной территории с особым публично-правовым статусом на территории иностранного государства.

Этот вектор развития Китая в иностранных юрисдикциях в результате иногда заметно снижает темпы экономического роста самой КНР [12, с. 191].

Таким образом, достижение и сохранение Китаем лидирующих позиций на международной арене обусловлено постоянным совершенствованием уже изобретенных механизмов и способов развития экономики страны.

Одним из таких решений выступает создание совместных территорий с особым публично-правовым статусом экономической направленности с другими государствами, функционирующими как на благо китайской экономики, так и принимающей страны-партнера.

Весьма сильным, если не главным преимуществом, такого способа для КНР является создание собственного валового внутреннего продукта на территориях иностранных государств.

В то же время вторым преимуществом для КНР выступает тесная связь с принимающей страной (в подавляющем большинстве случаев это развивающиеся страны), которая становится зависима от высококвалифицированной рабочей силы и инновационных технологий, предоставляемых Китаем.

Список источников

1. *Новоселова Л.В.* Актуальные направления инструменты стимулирования экономической жизни в Китае // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 493–497.

2. *Левченко Т.А.* Анализ инвестиционной привлекательности Китая // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 4 (37). С. 165–168.

3. Рейтинг стран мира по уровню прямых иностранных инвестиций за 2024 год // Интернет-издание информационно-аналити-

ческого агентства «Центр гуманитарных технологий». URL: https://gtmarket.ru/ratings/foreign-direct-investment-index (дата обращения: 22.05.2025).

4. *Килинкарова Е.В., Трофимов А.А.* Обзор российских научных исследований в области права публичных финансов КНР // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 248–264.

5. *Шашло Н.В.* Механизм правового регулирования государственного финансового контроля на преференциальных территориях: опыт Китая // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2 (2). С. 22–30.

6. *Чу Ци.* Опыт сотрудничества Хэйлунцзянской зоны свободной торговли с международной интеграционной организацией ВРЭП // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 2(103). С. 43–50.

7. *Азаркова А.А., Варламова Д.В.* Трансграничное районообразование как фактор развития депрессивных районов страны на примере РФ и КНР // Экономика. Право. Инновации. 2023. № 3. С. 13–19.

8. *Доленина О.Е., Подкладова А.С.* Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития регионов Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 47–59.

9. *Ли Цзиньян.* Китайско-египетская Суэцкая зона торгово-экономического сотрудничества как перспективная модель экономического развития Африки // Международные отношения. 2022. № 2. С. 18–30.

10. *Тун Баохуэй.* Практика сочетания стратегий «ввоза» и «вывоза» в контексте инициативы «один пояс, один путь» (на примере Китайско-белорусского индустриального парка) // Образование и право. 2022. № 7. С. 161–169.

11. *Хейфец Б.А.* Специальные экономические зоны в рамках китайской «Инициативы Пояс и Путь» // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 1. С. 7–19.

12. *Калашникова Н.П., Павлова О.К.* Создание свободных экономических зон в Китайской Народной Республике (историко-политологический анализ) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27, вып. 4. С. 181–200.

Никитин Александр Александрович,
профессор кафедры теории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор юридических наук, доцент

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена исследованию влияния юридического прогнозирования на уровень правопорядка в обществе. Отмечается, что юридическое прогнозирование может способствовать совершенствованию правотворческой деятельности и повышению качества нормативно-правовых актов, выступающих правовой основой правопорядка.

Ключевые слова: *юридическое прогнозирование, правопорядок, законность, гарантии законности и правопорядка, правотворчество*

Правопорядок является одной из фундаментальных категорий теории государства и права и в целом современной юриспруденции. При этом, говоря о российской доктрине правопорядка, стоит отметить, что, несмотря на глубокие изменения, произошедшие в социально-экономической, правовой, политической и иных сферах жизни, названная доктрина – это продолжение советского учения о правовом порядке, вобравшее в себя значительную часть разработок советских ученых по данной проблеме.

Основоположником советской теории правопорядка является доктор юридических наук, профессор Виталий Васильевич Борисов. Именно В.В. Борисову удалось в монографическом исследовании разработать доктрину правопорядка, радикально отличающуюся от существовавших ранее теорий, имеющую стратегическое значение для юридической науки и практики, и предложившую новый междисциплинарный объект исследования [1, с. 23].

В своих работах В.В. Борисов рассматривал правопорядок как состояние общественной жизни, основанное на безоговорочном претворении в жизнь законов, систему (упорядоченную совокупность) правовых отношений. Также подчеркивалась взаимосвязь законности и правопорядка, невозможность их существования изолированно друг от друга, поскольку они соотносятся между собой

как средство (законность) и цель (правопорядок), причина и следствие, деятельность и ее результат [2, с. 8].

Такая тесная взаимосвязь законности и правопорядка, характер их соотношения друг с другом позволяют говорить о существовании общих условий, их обеспечивающих. Такими гарантиями выступают, как социально-экономические, общественные, политические, духовные условия (меры, средства, институты), так и специально-юридические. В системе собственно юридических гарантий на первом месте находятся законы и подзаконные акты, их улучшение и совершенствование [3, с. 346–357]. В.В. Борисов подчеркивал, что законы – это исходный юридический момент правопорядка, от уровня, квалификации и культуры которых зависит состояние правового порядка [4, с. 50].

Именно в контексте совершенствования законодательства следует рассматривать влияние юридического (правового) прогнозирования на состояние правопорядка.

Юридическое прогнозирование представляет собой теоретическую и практическую деятельность в социально-правовой сфере, направленную на выявление тенденций развития правовой системы на заданную перспективу с целью выработки предложений по ее совершенствованию. В своем диссертационном исследовании К.В. Агамиров отмечает, что юридическое прогнозирование должно охватывать пять уровней прогностических исследований: 1) стратегии развития законодательства и правовой системы в целом; 2) совершенствование отраслей законодательства, его институтов и норм; 3) функционирования правовых учреждений; 4) процессов правообразования и законотворчества; 5) правового поведения [5, с. 20, 22]. Мы видим, что в предложенной стратификации правового прогнозирования на уровни три из пяти уровней связаны с правотворчеством: развитием законодательства в целом, совершенствованием отдельных норм, изучением процессов правообразования и законотворчества. На наш взгляд, это подчеркивает важную роль юридических прогнозов как неких самостоятельных результатов указанного вида деятельности или прогностических исследований в правотворческом процессе.

Как уже отмечалось, качественное законодательство является правовой основой правопорядка, а улучшение и совершенствование законов и иных нормативно-правовых актов, устранение пробелов и коллизий – гарантией поддержания и укрепления законно-

сти и правопорядка. Для обеспечения качества нормативных правовых актов представляется необходимым развитие следующих направлений юридического прогнозирования.

Во-первых, прогнозирование изменений предмета правового регулирования. В рамках данного направления необходимо сформировать предвидение развития общественных отношений в определенной сфере на заданный период времени: приобретение общественными отношениями повышенной социальной значимости, являющейся условием их правового регулирования; изменение субъектного состава регулируемых отношений; трансформация поведения соответствующих субъектов; преобразование объектов, по поводу которых возникают отношения и т.д. Например, на сегодняшний день сохраняет актуальность вопрос о субъектном составе отношений, связанных с использованием источников повышенной опасности, управляемых с помощью автоматизированных систем (систем искусственного интеллекта).

Развитие данного направления юридического прогнозирования должно способствовать предупреждению и минимизации юридических коллизий и пробелов в праве, более правильному подбору средств и приемов, используемых в процессе подготовки нормативно-правовых актов.

Во-вторых, прогнозирование эффективности использования правовых средств для достижения поставленных целей. Данное направление видится как дополнение к первому и предполагает предвидение результатов, к которым в конкретной сфере общественных отношений приведет использование тех или иных правовых средств (запретов, льгот, поощрений и т.д.).

Осуществление юридического прогнозирования в названных направлениях должно идти в русле основных идей, исходных начал, формирующих систему принципов юридического прогнозирования. Безусловно, как и иная юридическая деятельность правовое прогнозирование должно проводиться с соблюдением требований законности, демократизма, гуманизма и других общеправовых принципов. Предложенные направления юридического прогнозирования в сфере правотворчества позволяют сформулировать ряд специфических принципов, определяющих сущность именно этого вида деятельности.

1. Принцип взаимосвязи и взаимообусловленности юридического и иных неправовых видов прогнозирования.

2. Принцип сочетания оперативности проведения и стратегического характера результатов юридического прогнозирования.

3. Принцип оптимальной дальности правового прогнозирования.

4. Принцип сочетания стабильности и актуализации прогнозов.

Таким образом, осуществление юридического прогнозирования в сфере правотворчества должно способствовать повышению качества нормативно-правовых актов, что, в свою очередь, является важнейшей гарантией установления и поддержания правового порядка в обществе.

Список источников

1. Саратовские научно-педагогические школы теоретиков государства и права / [Ю.А. Кондрашов, И.В. Воронкова, А.И. Переплетчикова и др.; под ред. В.Л. Кулапова]. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. 196 с.

2. *Борисов В.В.* Ленинские принципы законности и правопорядка // Вопросы теории государства и права: сб. ст. под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1968. Вып. 1. С. 3–28.

3. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.

4. *Борисов В.В.* Правопорядок советского общества и пути его укрепления // Вопросы теории государства и права: сб. ст. под ред. М.И. Байтина и В.В. Борисова. Саратов, 1971. Вып. 2. С. 42–67.

5. *Агамиров К.В.* Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020. 48 с.

Овчинникова Наталья Олеговна,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируются перспективы и проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в российское уголовное судопроизводство. Рассматриваются проблемы правового регулирования указанных общественных отношений, а также возникающие в процессе внедрения правоприменительные и этические риски.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросеть, цифровые технологии, IT-технологии, информационные системы, риски, уголовное судопроизводство.*

В условиях современной действительности Искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ) может использоваться в уголовном процессе только как вспомогательный инструмент, поскольку законодательное регулирование использования ИИ в настоящий момент отсутствует. На уровне законодательных инициатив были выдвинуты предложения только в отношении дополнения норм Уголовного кодекса РФ. Предлагается уточнить способ совершения преступления, например, «… с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе искусственного интеллекта» [1]. Также вектор законодательных новелл направлен на реформирование гражданского судопроизводства. Был внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ законопроект, направленный на регулирование правил применения ИИ-технологий при вынесении судебных приказов по типовым делам, по делам о простых бракоразводных процессах, взыскании платы за ЖКХ, задолженности по кредитам и т.д., которые не требуют анализа позиций сторон по делу [2].

Стоит отметить, что в уголовном судопроизводстве не бывает типовых дел, при разрешении которых не требовался бы анализ позиций сторон, и которые можно было бы отдать на самостоятельное разрешении нейросети без контроля человека.

Возможности. В связи с отсутствием правового регулирования порядка применения технологий ИИ по уголовным делам, его использование может носить исключительно вспомогательный, администрирующий характер. Например, возможно применение автоматизированного распределения дел между судьями с учетом их загруженности, графика их работы и отпусков, специфики дела и прочих критериев; применение для идентификации участников процесса с помощью технологий визуальной и голосовой аутентификации; для преобразования аудиозаписи судебного заседания по уголовному делу в текстовый формат, что это ускоряет ее обработку и обеспечивает точное воспроизведение хода судебного заседания в протоколе судебного заседания; для проверки подлинности представленных аудиозаписей судебных заседаний [3].

Возможно и составление проектов судебных решений на основе анализа материалов уголовного дела. ИИ способен анализировать большие объемы информации и устанавливать логические связи между фактическими обстоятельствами уголовного дела. Однако итоговое решение должен принимать судья самостоятельно, руководствуясь законом и совестью, а не рекомендациями ИИ.

Внедрение электронного документооборота уже активно используется в практике судов, органов прокуратуры, органов расследования, но исключительно наряду с бумажным, что скорее усложнят правоприменительный процесс, вынуждает делать двойную работу, увеличивает временные затраты.

Например, относительно недавно была внедрена Государственная автоматизированная система правовой статистики (далее – ГАС ПС), которая «… предназначена для автоматизированного сбора и учета информации о преступлениях, состояния преступности и раскрываемости преступлений, для формирования государственной отчетности и недопущения фактов сокрытия преступлений от учета» [4, с. 225]. Приказ Генеральной прокуратуры РФ «О вводе в опытную эксплуатацию модернизированного специального программного обеспечения государственной автоматизированной системы правовой статистики» оформил правила функционирования и использования единой информационной среды, где происходит обмен данными между судами и правоохранительными органами. Информация о подсудимом, обвинении и предварительном расследовании формируется автоматически из баз данных и передается в картотеки уголовных дел, заменяя бумажные носители на цифро-

вые. Несмотря на успешность работы, ГАС ПС недоступна всем регионам. К примеру, в Саратовской области «программа … функционирует только в транспортной прокуратуре, в таможне и судах», по всей России лишь 40 % судов подключены к ней из-за недофинансирования [5, с. 101].

Учитывая данные проблемы, представляется, что прежде, чем внедрять подобные системы, необходимо материально и технически обеспечить возможность их эффективной и бесперебойной работы, исключив при этом дублирование в бумажном документообороте. Что позволит не номинально, а реально облегчить и ускорить деятельность того или иного органа.

Этические риски. Центральные этические риски заключаются в том, что согласно действующему законодательству участниками уголовно-процессуальных правоотношений могут быть исключительно люди. При расследовании и разрешении уголовного дела с помощью нейросети уголовное судопроизводство фактически осуществляется технологией ИИ, что недопустимо в существующих условиях. Помимо этого, существуют риски, связанные с прозрачностью и безопасностью работы ИИ.

Прозрачность алгоритмов. Решения, принимаемые нейросетью, и алгоритмы, которые она использовала, должны быть прозрачными и понятными для участников уголовного процесса. Здесь возникает конфликт интересов участников процесса и организации-владельца технологии ИИ, алгоритмы которой, как правило, составляют коммерческую тайну. В описанном случае, чтобы избежать конфликта, технологией ИИ должно владеть государство.

Безопасность данных и конфиденциальность. Использование ИИ в сфере правосудия по уголовным делам требует обеспечения безопасности данных, нет никаких гарантий, что алгоритмы нейросетей будут надежно защищены от возможных атак и утечек информации о персональных данных участников процесса.

Предвзятость. Нейросети могут «унаследовать» предвзятость и ошибочность данных, на основе которых они обучались. Как правило, нейросеть учится на больших объемах данных, то есть на решениях, вынесенных судьями по той или иной категории уголовных дел, где не исключены судебные ошибки.

Ответственность. Если ИИ принимает судебное решение самостоятельно, то вопросы ответственности за возможные ошибки становятся критическими, поскольку речь идет о судьбе живого

человека, примененного к нему наказания, и последствий в виде судимости [6].

Сохранение баланса. Замена человеческого решения полностью автоматизированными системами ИИ может привести к утрате человеческой эмпатии, интуиции и способности к моральной оценке преступного деяния.

Практика. В Китайской Народной Республике с 2022 г. консультация с ИИ при принятии решений по уголовным делам для судей стала обязательной. Нейросеть автоматически формирует решение по уголовному делу, а также рекомендует конкретные нормы закона, подлежащие применению, подбирает практику, наиболее отвечающую обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела [7].

В России в настоящий момент подобная практика отсутствует. Это значит, что для полноценного участия ИИ в уголовном судопроизводстве потребуются фундаментальные изменения законодательства. Это процесс длительный, дорогостоящий, не имеющий достаточной практической базы и достаточных оснований.

Таким образом, внедрение технологий ИИ и IT-технологий в уголовное судопроизводство сталкивается с противоречиями между эффективностью и защитой прав участников процесса. Несмотря на прогресс, отсутствие четкого регулирования использования алгоритмов ИИ ведет к нарушениям права на защиту. Безопасное и прозрачное применение технологий ИИ в уголовном процессе России невозможно без контроля человека. Уголовное правосудие основывается на принципах законности, состязательности, независимости судей, свободы оценки доказательств, которые по своей природе исключают возможность принятия решения по уголовному делу системой ИИ. Чтобы допустить ИИ к принятию решений по уголовным делам, даже под контролем человека, применяемые технологии должны быть совершенны, что в принципе не представляется возможным.

Список источников

1. *Сикач А.С.* Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном процессе: зарубежный опыт // Аллея науки. 2023. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/2September2023/PERSPEKTIVI-ISPOL-ZOVaNIYa-ISKUSSTVENNOGO-INTELLEKTa-V-UGOLOVNOM-PROTSESSE-ZaRUBEZHNII-OPIT.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

2. Глава Верховного суда: ИИ облегчит работу судьям при принятии бесспорных решений URL: https://tass.ru/politika/23754587 (дата обращения: 02.06.2025).

3. *Черемисина Д.В.* Искусственный интеллект в уголовном процессе как помощник следователя и суда // НАУ. 2024. № 106-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-ugolovnom-protsesse-kak-pomoschnik-sledovatelya-i-suda (дата обращения: 09.06.2025).

4. *Корнишина О.А.* Внедрения цифровых технологий в систему учета преступлений: возможности и проблемы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 1(162). С. 223–228.

5. *Шунин А.Д.* Вопросы применения IT технологий в уголовном судопроизводстве // Современные юридические исследования: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 100–102. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82296889 (дата обращения: 09.06.2025).

6. *Закурдаев Д.А.* Применение искусственного интеллекта в судебной, правоохранительной и адвокатской деятельности: возможности, этические аспекты и проблемы // Молодой ученый. 2024. № 2(501). С. 193–196. URL: https://moluch.ru/archive/501/110059/ (дата обращения: 09.06.2025).

7. Нейросети в судебной системе: китайский симбиоз и российская тоска. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/neiroseti-v-sudebnoi-sisteme-kitaiskii-simbioz-i-rossiiskaya-toska (дата обращения: 09.06.2025).

Омельянюк Георгий Георгиевич,
ученый секретарь ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, профессор кафедры «Безопасность в цифровом мире» (Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана), профессор кафедры земельных ресурсов и оценки почв (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), доктор юридических наук, профессор

Усов Александр Иванович,
первый заместитель директора ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, профессор кафедры «Безопасность в цифровом мире» (Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана), и.о. заведующего кафедрой судебной экспертологии (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье рассматривается влияние цифровой трансформации на развитие судебной экспертологии. Авторы приходят к выводу о том, что в условиях цифровой трансформации возникает необходимость коренного изменения судебно-экспертных технологий, внедрения новых методических продуктов, принципиально новых решений актуальных научных задач судебно-экспертной деятельности, существенного повышения уровня культуры профессиональной деятельности судебного эксперта.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, судебно-экспертная деятельность, компьютерно-техническая экспертиза, судебный эксперт.*

Развитие судебной экспертологии неразрывно связано с цифровой трансформацией, которая представляет собой процесс интеграции цифровых технологий во все аспекты судебно-экспертной деятельности. Для максимально эффективного использова-

ния новых технологий и их оперативного внедрения во все сферы судебно-экспертной деятельности необходимо преобразование производственных процессов, информационного и методического обеспечения, совершенствование модели обучения судебных экспертов и разработка новых подходов к подтверждению их компетентности.

В настоящее время цифровая трансформация фактически уже вошла в повседневную деятельность любой судебно-экспертной организации. Прежде всего, это связано с возможностями существенного расширения доказательственной базы путем изучения в ходе судопроизводства различных электронных данных. Криминалистическое понимание электронных данных и их следов подразумевает всю совокупность получаемой компьютерной информации, используемой при осуществлении розыскных действий, выдвижении поисковых версий, определении направления действий следователя и различных следственных действий, при проведении судебной экспертизы и т.д.

С учетом определения цифровой трансформации и положений судебной экспертологии производство судебной экспертизы состоит их следующих взаимоувязанных элементов: методов, основанных на применении специальных знаний; объектов экспертных исследований; компетентности судебного эксперта. Современная типовая IT-инфраструктура судебно-экспертной организации – это многокомпонентный программно-аппаратный комплекс, сложный в управлении за счет большого количества включенных в IT-инфраструктуру подсистем. Чем больше подсистем и решений включено в IT-инфраструктуру, тем выше вероятность, что для управления таким многообразием будут использованы надстройки, вторичные информационные систем [1, с. 48].

С позиций института специальных знаний можно утверждать, что новые способы совершения преступлений, информация о которых сохраняется в электронном виде, требуют изучения, прежде всего, в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы со всеми возможными ее специализациями. Наряду с традиционными информационно-технологическими объектами (такими как, компьютер, смартфон, программные продукты, базы данных, сети), особого внимания, заслуживают объекты компьютерной имитации, которые, как правило, напрямую не относятся к сфере компьютерной информации, а имеют другую природу. К ним относятся: компьютер-

ная имитация документов, бухгалтерской отчетности, изображений печатей и штампов, письменных текстов, показаний аналитических приборов, фонограмм, фотоснимков, видеозаписей и т.д. Данные объекты могут быть предметом исследования различных видов экспертиз, например, судебно-технической экспертизы документов, или судебной почерковедческой экспертизы, где, например, ставится вопрос о способе имитации, т.е. возможности использования высокоточного графопостроителя при имитации подписи. Здесь, конечно, необходимо проведение комплексной экспертизы с участием экспертов судебной компьютерно-технической экспертизы.

Разработка и внедрение единых платформенных решений в сферу судебно-экспертной деятельности на основе системного подхода предполагает повышение прозрачности, управляемости, простоты и надежности IT-решений, быструю реакцию на изменение окружающей среды, в т.ч. с учетом потребностей судопроизводства и обновления законодательства, возможность функционирования экспертных систем с максимально эффективным использованием инструментального оборудования и минимальными людскими ресурсами. Современный подход к цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности базируется на использовании таких базовых понятий как цифровая зрелость, современный IT-ландшафт, цифровая платформа [1, с. 48].

Следует отметить, что все составляющие современной судебно-экспертной деятельности (организация и производство судебных экспертиз, научно-методическое, информационное, кадровое и финансовое обеспечение) подвержены влиянию цифровой трансформации [2].

Судебные эксперты все чаще имеют дело в ходе проведения исследования с так называемой цифровой стадией жизненного цикла объекта экспертизы, определенной промежуточной стадией существования объекта экспертизы. Например, при проведении судебной экспертизы звукозаписей, если на исследование предоставляется аналоговая запись, то осуществляется ее оцифровка и далее экспертная работа проводится с цифровым объектом, т.к. требуется применение специального программного обеспечения, позволяющего анализировать осциллограммы и спектрограммы. Важную роль в указанных судебно-экспертных технологиях приобретает содержание и границы комплексного подхода при исследовании объекта экспертизы.

С позиций технологического аспекта цифровая трансформация судебно-экспертной деятельности представляет собой деятельность по позитивному или негативному цифровому преобразованию исходных, промежуточных и окончательных данных об объекте экспертного исследования, которое влияет на решение судебно-экспертных задач и требует соответствующей фиксации при оформлении заключения эксперта, а также взаимосвязанное с организацией и производством судебных экспертиз, с научно-методическим, кадровым, финансовым обеспечением судебно-экспертной деятельности [3].

Кроме того, в результате масштабной цифровизации всех сфер человеческой деятельности и быстрого внедрения технологий искусственного интеллекта возникла потребность криминалистического и судебно-экспертного обеспечения судопроизводства по делам, в которых имеет место применение технологий искусственного интеллекта. Перспективы развития технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности связаны с обработкой больших данных на основе экспертной ситуации, достоверностью данных, используемых при обучении искусственного интеллекта, и дальнейшей валидацией (оценкой пригодности) применяемых методических материалов, анализом результатов судебно-экспертной деятельности с применением технологии искусственного интеллекта. Одной из наиболее перспективных представлена технология генерирования и распознавания текстов, в том числе для решения рутинных задач поиска и обработки массива документов по стандартизации [4]. В зависимости от свойств объекта, подлежащего исследованию, экспертиза проводится либо в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы, либо комплексно, с привлечением экспертов в области лингвистической, фоноскопической и других видов судебных экспертиз.

Одним из актуальных объектов судебной экспертизы, которые сегодня представляются на исследование в цифровой форме, являются информационные материалы пропагандистского и агитационного характера, в которых продвигаются идеи, связанные с разрушением традиционных духовных ценностей, навязывании инородных ценностей, искажении исторической памяти народа, сепаратизма, русофобии и т.п. [1, с. 53]

При этом решающую роль при расследовании этих преступлений играют результаты проведения судебных экспертиз социаль-

но-гуманитарного профиля: лингвистической, психологической, политологической, религиоведческой, этиковедческой экспертиз. При этом наиболее эффективным является проведение комплексных экспертиз информационных материалов, содержащих запрещенный контент.

Таким образом, в практическом плане имеет место преобразование объекта судебной экспертизы в процессе его жизненного цикла, т.е. его качественное измеряемое изменение в аспекте отображения признаков и их природы. По результатам проведенного исследования выявленная совокупность признаков интерпретируется и используется для решения общей экспертной задачи в отношении представленного (нецифрового) объекта [1, с. 54].

Важную роль в цифровой трансформации методического обеспечения судебно-экспертной деятельности играют технологии искусственного интеллекта, которые уже выполняют функцию помощника судебного эксперта и способствуют обработке большого массива цифровых данных. Например, технологии искусственного интеллекта могут быть применены в целях оптимизации процесса производства судебной лингвистической экспертизы, в том числе для сокращения его сроков [1, с. 53].

Отдельного обсуждения при рассмотрении цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности заслуживает тема, посвященная определению профессиональной компетенции судебного эксперта, т.е. объема специальных знаний в предметной области судебной экспертизы, которым должен обладать судебный эксперт. Общепринято, что пределы компетенции судебного эксперта определяются его специализацией, т.е. подготовленностью к производству экспертиз определенного вида. Эта подготовленность предполагает наличие у эксперта теоретических знаний в области данной экспертной специальности и практическое владение методиками, позволяющими ему эффективно решать задачи в соответствии с возможностями конкретного вида судебной экспертизы.

Применительно к ключевым судебно-экспертным областям, задействованным при цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности, границы специальных знаний в обязательном порядке должны охватывать грамотное понимание современных информационных технологий, их функционала и динамики развития, а также возможность эффективного использования их в судебно-экспертной деятельности.

Совмещение системного и комплексного подходов, представляющих собой различные аспекты экспертного исследования, позволяет в полной мере реализовать принципы объективности, всесторонности и полноты исследований как ключевых принципов судебно-экспертной деятельности [5]. В условиях цифровой трансформации возникает необходимость коренного изменения судебно-экспертных технологий, внедрения новых методических продуктов, принципиально новых решений актуальных научных задач судебно-экспертной деятельности, существенного повышения уровня культуры профессиональной деятельности судебного эксперта.

Список источников

1. *Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Лапина И.А., Карпухина Е.С., Кузнецов В.О.* Роль цифровой трансформации в развитии судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 3. С. 47–57.

2. *Лапина И.А., Омельянюк Г.Г., Усов А.И.* Новые тенденции в сфере судебно-экспертной деятельности как ответ на вызовы современности // Судебная экспертиза Беларуси. 2021. № 1(12). С. 5–13.

3. *Омельянюк Г.Г., Усов А.И.* Тренды развития судебной компьютерно-технической экспертизы в условиях цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: матер. II Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (26 февраля 2021 г.). Красноярск: КрасГАУ, 2021. С. 246–253.

4. *Чеснокова Е.В., Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Никулина М.В.* Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 60–77.

5. *Усов А.И., Омельянюк Г.Г.* Цифровая трансформация как катализатор прогресса судебной экспертологии // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности. Минск, 2024. С. 230–233.

Осипов Роман Алексеевич,
доцент кафедры теории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена анализу значения правовой культуры в процессе обеспечения законности в российском обществе. В работе исследуется взаимосвязь правовых категорий законности и правовой культуры. Проводится анализ зависимости выбора правомерного поведения субъектов права от их уровня правовой культуры. Рассматриваются признаки, характеризующие правомерное поведение субъектов права. Выделяются некоторые критерии оценки правовой культуры субъектов права.

Ключевые слова: *правовая культура, законность, правомерное поведение, правопорядок, правосознание.*

Законность является важнейшей многоаспектной правовой категорией, она рассматривается как принцип правового государства и как система требований по соблюдению действующего законодательства. Законность предполагает соблюдение действующих в государстве правовых норм все субъектами права, в основе такого соблюдения лежит правомерное поведение указанных субъектов. Одной из фундаментальных характеристик правомерного поведения является его сознательный характер, что предполагает наличие у субъектов права высокого уровня правового сознания и правовой культуры.

Сегодня важным условием правовой социализации личности является высокий уровень ее индивидуальной правовой культуры, которой в итоге воплощается в правомерном поведении и является фундаментом правового порядка и законности в государстве.

Безусловно без наличия у человека достойного уровня правовых знаний, а также навыков и умений их применения на практике невозможно классифицировать поведение субъекта права как правомерное. Проводя корреляционный анализ законности и правоверного поведения, можно заключить, что данные категории являются родственными и взаимодополняющими. Также, взаимосвязь

юридически образованного человека и уровня законности в государстве очевидна, что подтверждает тезис о значимости высокого уровня правовой культуры в процессе укрепления последней.

Рассуждая о сознательном характере правомерного поведения следует отметить, что осознанный выбор человеком данной разновидности юридически значимого поведения обуславливается не только высоким уровнем правовой грамотности индивида. Важным критерием выбора гражданином законопослушного поведение является осознанное понимание его эффективности и социальной значимости. Человек, который понимает необходимость соблюдения действующего законодательства и права, а также наблюдает что государственные органы и иные субъекты правоотношений, включая других граждан соблюдают действующие правовые нормы будет охотнее выбирать правомерное поведение нежели, его противоположность.

Также сознательный выбор индивида правомерного поведения представляет собой совокупность наличия у него желания поступать определенным образом, правовых знаний, навыков и умений к их применению. Сознательность такого поведения обеспечивается деятельностью компетентных органов публичной власти и должностных лиц, которые призваны способствовать наиболее полному удовлетворению законных интересов, реализации субъективных прав, а также исполнению юридических обязанностей всеми субъектами правоотношений.

Современные исследователи правовой культуры при определении индикаторов ее оценки используют следующие характеристики:

- уровень знания и понимания действующего законодательства;
- уровень доверия к праву и закону;
- эффективность правовых норм в процессе правового регулирования общественных отношений;
- уровень развития правовой доктрины и сложившихся в обществе правовых обычаев;
- состояние правовой системы;
- эффективность деятельности государственных органов и должностных лиц [1, с. 308].

Безусловно правовая культура является комплексной и многоаспектной правовой категорией масштабы влияния которой простираются далеко за пределами нормативного регулирования отношений. Она является важным критерием определения уровня

развития личности, механизма государства, права, законодательства, гражданского общества и правового государства, а также правовой системы в целом.

Государство и само общество заинтересованы в том, чтобы люди знали и понимали действующее право и законодательство, уважительно относились к ним и добровольно соблюдали и исполняли нормативно-правовые предписания, то есть имели достаточно высокий уровень индивидуальной правовой культуры. Все это оказывает непосредственное влияние на установление режима законности в российском обществе [2, с. 701].

Стоит согласиться с мнением И.А. Демидовой в том, что «состояние законности и правопорядка в общественных отношениях может рассматриваться одним из социальных проявлений правовой культуры» [3, с. 7].

Правовая культура – необходимое условие сознательного осуществления гражданином своего долга перед обществом, что способствует преодолению отсталых взглядов, отклоняющегося поведения людей, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью [4, с. 392].

Очевидно, деструктивное влияние на состояние законности в современном российском обществе оказывают различные деформации правового сознания личности: правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм, правовой эгоцентризм, правовой дилетантизм, криминальное перерождение правового сознания и другие. Каждая из которых пагубно в той или иной степени влияет на выбор индивидом правомерного поведения в юридически значимой ситуации и потенциального совершения им противоправных деяний.

Для минимизации распространения в обществе подобных, безусловного негативных явлений современной правовой действительности требуется грамотная и комплексная деятельность компетентных органов публичной власти по правовому воспитанию граждан, которая позитивным образом скажется на укреплении законности и правового порядка в российском обществе.

Список источников

1. *Патиев Н.М., Алимбекова Ж.К.* Правовая культура и ее роль в обеспечении законности в обществе // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 1. С. 307–311.

2. *Зайцева М.А., Агеева С.В.* Правовая культура как фактор установления режима законности в современном российском обществе // Форум молодых ученых. 2019. № 2(30). С. 699–703.

3. *Демидова И.А.* Законность и правовой порядок как социальные критерии правовой культуры общества: теоретический аспект // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 1. С. 6–16.

4. *Костина К.А.* Правовая культура в сфере правового регулирования: понятие и сущность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9(113). С. 388–392.

Переплетчикова Анастасия Игоревна,
доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия), кандидат юридических наук

Марцинкевич Виталий Валерьевич,
прокурор города Пятигорска Ставропольского края, советник юстиции

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕФИНИЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ ОСНОВЫ ПРАВОПОРЯДКА

Статья посвящена исследованию роли правовых дефиниций в функционировании правопорядка. Кроме того, юридические дефиниции рассматриваются как одна из интегрирующих основ правопорядка и правовой политики.

Ключевые слова: *юридическая дефиниция, правопорядок, антикоррупционная экспертиза, прокуратура, правовая политика.*

Значимость юридических дефиниций для правового регулирования неоднократно подчеркивалась исследователями [1, с. 115; 2, с. 189]. Грамотно сформулированные законодательные дефиниции способствуют не только повышению качества нормативных правовых актов, но и эффективности их реализации. Тем не менее остаются вопросы, связанные с правовыми дефинициями и нуждающиеся в дальнейшей доктринальной разработке. Например, какое значение они имеют для установления и поддержания правопорядка?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего определиться со значением терминов «дефиниция» и «правопорядок». Дефиниция происходит от латинского слова «definitio» – определение и представляет собой краткое определение какого-либо понятия, которое содержит его наиболее важные признаки [3]. М.Л. Давыдова полагает, что нормативно-правовая дефиниция раскрывает содержание правового понятия путем указания его основных юридически значимых признаков или элементов в целях обеспечения единства правового регулирования [4]. Можно прийти к выводу, что сущность дефиниции как в общеупотребительном, так и в юридическом смысле сводится к раскрытию содержания понятия посредством перечисления его существенных признаков. Следует отметить, что в рамках данной статьи рассматриваются законодательно зафиксированные юридические дефиниции.

Анализируя термин «правопорядок», нельзя не обратить внимания на то, что существуют разнообразные варианты его определений [5, с. 57–74]. В наиболее общем виде правопорядок понимается в юридической литературе как устойчивая, внутренне согласованная система отношений и связей, урегулированных действующим правом и гарантированных государством [6, с. 454]. В.В. Борисов полагал, что правопорядок тесным образом связан со всеми юридическими явлениями жизни, выступает некоей суммирующей, но не всеобъемлющей величиной по отношению к правовым категориям. Ученый выделял такую функцию правопорядка, как достижение им качественной определенности как целостного образования [5, с. 76–77, 195]. Определенность содержания общественных отношений, определенность правового положения организаций, должностных лиц и граждан выделялись в качестве свойств правопорядка и другими исследователями [7, с. 124–125; 8, с. 21].

Представляется, что одним из «строительных материалов», закладывающих основу для правопорядка, являются юридические дефиниции. Раскрывая суть того или иного понятия на законодательном уровне, они способствуют конкретности содержания общественных отношений. У правореализующего субъекта складывается более ясное представление о сущности, назначении и признаках определяемого понятия, что помогает эффективному правовому регулированию социальных отношений. По мнению Л.Ф. Апт, посредством дефиниций законодатель закрепляет собственное понимание понятий, неопределенное, неоднозначное содержание которых могло бы порождать известные затруднения в представлениях о смысле действующего закона [9, с. 24–25]. Дефиниции упрощают понимание права. Тем самым уменьшается количество препятствий на пути к его воплощению в жизнь. Юридические нормы реализуются эффективнее. Если правопорядок – порядок, базирующийся на праве, то глубокое постижение права как основы создает более прочный фундамент и для правопорядка. Так, приведенная в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» дефиниция общества с ограниченной ответственностью конкретизирует правовой статус общества в целом, а также его участников. Исходя из законодательного определения ясно, например, что участники общества не отвечают по его обязательствам [10]. В данном случае законодательная дефиниция послужила инструментом конкрети-

зации правового статуса участников общества с ограниченной ответственностью, тем самым способствуя обеспечению прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений и более упорядоченному правовому регулированию.

Важная роль юридических дефиниций заключается также в том, что они выступают интегрирующим элементом, «связующим звеном» между правовой политикой и правопорядком. Так, приоритеты, ориентиры, направления правовой политики находят внешнее выражение, в том числе, в правовых дефинициях, которые показывают существующие в государстве ценности. Нормативная фиксация способствует укреплению этих ценностей, поддержанию, упрочению правопорядка. Например, согласно ст. 14 УК РФ одним из признаков преступления является виновность [11]. Следовательно, не признается преступлением деяние, совершенное безвиновно. Приведенный пример показывает законодательно зафиксированную ценность гуманного и справедливого отношения к человеку.

Нельзя не отметить, что использование дефиниций должно быть обоснованным и грамотным. Если они сформулированы с нарушениями логических, языковых и других требований, то способны стать серьезным препятствием для создания и функционирования качественного законодательства, обеспечивающего права и свободы личности, общества и государства. Одним из действенных средств, помогающих формулированию качественных дефиниций, представляются различные виды экспертиз нормативных правовых актов и их проектов, включая лингвистическую, логическую [9, с. 65] и антикоррупционную. Так, в ходе правовой и антикоррупционной экспертизы Проекта Закона Саратовской области № 7-12402 Прокуратурой Саратовской области был выявлен ряд противоречий и коррупциогенных факторов [11]. В содержании ст. 4 упомянутого Проекта путем перечисления раскрывалось, какие рекламные конструкции недопустимы к установке или эксплуатации на территории муниципального образования. Подобные дефиниции именуются в литературе определениями-указаниями [9, с. 22] или перечневыми определениями [12, с. 68]. Дефиниция не отвечала требованиям ясности и определенности. Речь идет, в том числе, о формулировках конструкций, «перекрывающих» скульптурно-архитектурные, монументально-декоративные композиции, «нарушающих архитектурный облик». С учетом замеча-

ний надзорного органа законопроект был доработан, нарушения и коррупциогенные факторы устранены при принятии Закона Саратовской области от 28 ноября 2024 г. № 149-ЗСО [13]. Дефиниция, содержащаяся в ст. 4 Проекта, была уточнена. Представляется, что более четкое и ясное понимание того, какие рекламные конструкции запрещено устанавливать и эксплуатировать, способно снизить количество нарушений такого запрета.

Таким образом, правовые дефиниции выступают одним из элементов основы правопорядка, способствуя его укреплению. Раскрывая суть юридических понятий, они способствуют воплощению идей законодателя в правомерное поведение участников общественных отношений. Кроме того, являются интегрирующим элементом между правовой политикой и правопорядком.

Список источников

1. *Горшенев В.М.* Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.

2. *Ушакова Л.Н.* Дефиниции как нетипичное правовое средство законодательной техники // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 187–196.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

5. *Синюков В.Н., Синюков С.В.* Инновационный правопорядок. Теория правопорядка В.В. Борисова в современном российском контексте: учеб. пособие. *Борисов В.В.* Правовой порядок развитого социализма: вопросы теории: монография. М.: Норма, 2025. 252 с.

6. *Кулапов В.Л., Осипов Р.А.* Теория государства и права: учебник. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. 496 с *7. Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 124–125.

8. *Керимов Д.А.* Свобода, право и законность в социалистическом обществе М.: Госюриздат, 1960. 223 с.

9. *Апт Л.Ф.* Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М.: Российская академия правосудия, 2010. 236 с.

10. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4983.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 2 мая 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2025. № 17, ст. 2131.

12. По замечаниям прокуратуры депутатами Саратовской областной Думы доработан законопроект о типах и видах рекламных конструкций и требованиях к ним при размещении на территории области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_pvfo/mass-media/news/news-regional?item=99076753 (дата обращения: 21.06.2025).

13. *Кузнецова О.А.* Нормы-дефиниции в праве (на примере гражданского права) // Вестник Пермского университета. 2003. Вып. 3. С. 63–73.

Перетятько Наталья Михайловна,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

Федюнин Антон Евгеньевич,
профессор кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ, ОТКРЫТОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

Статья посвящена анализу проблем, сопровождающих деятельность суда с участием присяжных заседателей, и остающихся пока неразрешенными на законодательном уровне. Делается вывод о необходимости поднятия социальной ценности и престижа суда с участием присяжных, применения позитивного опыта зарубежных стран, отвечающего потребностям нашей практики. Авторы отмечают важность реформирования деятельности суда с участием присяжных заседателей, поскольку это позволит укрепить стабильность вынесенных приговоров, повысить уровень оценки эффективности его деятельности со стороны населения и доверия к органам правосудия, и, в конечном счете, привести его в соответствие с требованиями современной уголовно-процессуальной политики.

Ключевые слова: *суд, присяжные заседатели, зарубежный опыт участия представителей народа в осуществлении правосудия, стабильность приговоров.*

Институт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве на современном этапе развития нуждается в определенном реформировании – ибо главные его проблемы на сегодня – длительный срок производства; сложность законодательной регламентации в совокупности с потенциальной возможностью отмены приговора ввиду существенного нарушения процессуальной формы; неприятие и непонимание ограничений в компетенции присяжных заседателей ими самими – все это не соответствует образу современного представления о правосудии и вызывает вопро-

сы относительно открытости и прозрачности данного института, а значительный процент отмены вынесенных решений – и сомнения в его действенности.

Причины процессуальных нарушений видятся вовсе не в слабом знании сторонами или председательствующим судьей норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих процессуальный порядок производства, скорее, наоборот, – в активном использовании сторонами тех законодательных аспектов, которые позволяют добиваться отмены приговоров в случае не угодности вердикта, путем указания на процессуальные нарушения, созданные той же стороной зачастую намеренно. Дело в том, что современное законодательное регулирование процессуального порядка судебного разбирательства с участием присяжных заседателей накладывает ограничения на ознакомление присяжных с вопросами, которые могут вызвать у них предвзятое отношение.

В УПК РФ установлен механизм возможного предупреждения нарушений со стороны участвующих в уголовном деле лиц (ч. 5 ст. 292 УПК РФ). Однако практика показывает, что данный механизм предупреждения нарушений является неэффективным. Прежде всего, следует отметить, что высказанное мнение неизменно оставляет отпечаток в сознании присяжных. В таких ситуациях сторона, которая соблюдает юридические нормы, оказывается в менее выгодном тактическом положении. Во-вторых, в судебной практике существуют случаи отмены приговора на основании того, что, несмотря на вмешательство председательствующего, который призывал присяжных не обращать внимания на подобные высказывания, предпринятых мер оказалось недостаточно ввиду систематического и целенаправленного нарушения стороной требований уголовно-процессуального закона в части доведение до сведения присяжных информации, не относящейся к их компетенции [1].

В таких реалиях наиболее целесообразной видится отмена ограничений по ознакомлению присяжных заседателей с материалами по уголовному делу.

Прежде всего, отметим, что в обоснование установления ограничений по ознакомлению присяжными с определенной информацией исследователи [2] чаще всего ссылаются на опыт зарубежных стран, в частности, англо-саксонской системы права, согласно традициям которой «презумпцию беспорочности» [3, с. 72] подсу-

димого нельзя оспаривать. Однако, нужно учесть, что это правило не абсолютное. Помимо аналогичного, имеющегося и в нашем законодательстве, относительно исключения на запрет исследования личности подсудимого в случае, если эти обстоятельства необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, запрет снимается и тогда, когда сторона защиты сама ссылается на эти обстоятельства относительно личности подсудимого или аналогичные, но относительно личности потерпевшего [4, с. 64].

Кроме того, традиции стран англосаксонской системы права не всегда безупречно работают в других системах. Имеется опыт и других стран, заслуживающих не меньшего внимания и подробного изучения. Положительным в этом отношении может быть опыт Китайской народной республики, где народные заседатели при исполнении своих обязанностей в народных судах пользуются равными правами с судьями [5] по принятию решений о фактической стороне дела, а по ряду преступлений (сокращенный состав народных заседателей) и по вопросам права.

В отечественной правовой науке традиционно считалось, что человек во всех своих характеристиках проявляется в конкретном поступке, в том числе и криминальном [6, с. 345]. Современные исследователи психологии личности преступника и криминального поведения так же отмечают необходимость комплексного подхода [7, с. 2]. Именно личностные характеристики влияют на мотивы преступления, способы его совершения, характер последствий и т.п. Учитывая вышеизложенное, представляется необоснованным и нелогичным ограничение присяжных заседателей на ознакомление с информацией о личности подсудимого, без которой подлинно разобраться собственно с тем, виновен ли он, и если да, действительно ли он нуждается в снисхождении или нет, невозможно [8, с. 39].

Существуют обсуждения относительно возможности рассмотрения вопросов о недопустимости доказательств в присутствии присяжных заседателей. Можно согласиться с тем, что вопрос о допустимости или недопустимости доказательства является юридическим и требует профессиональной подготовки. В связи с этим разумно отнести принятие таких решений к компетенции суда, поскольку это не может быть возложено на присяжных [9]. Однако суть вопроса видится в другом – зачем ограничивать осведомленность присяжных заседателей о том, что стороны оспаривают

некоторые доказательства и каково в итоге решение судьи по данным доказательствам? Уяснение того, что вопрос относительно законности получения доказательств существовал, но был при них разрешен председательствующим судьей справедливо и беспристрастно, гораздо более продуктивно для вынесения справедливого вердикта, чем постоянные намеки стороны на существование нарушений в доказательственной базе (которых может быть, и не существовало вовсе).

Важно отметить, что обсуждение вопроса о допустимости доказательства в присутствии присяжных устраняет возможность для сторон в ходе прений ставить под сомнение законность решения судьи о признании доказательства допустимым или недопустимым, что может быть потенциальной причиной для отмены приговора. Таким образом, считаем, что осведомленность присяжных заседателей о всех обстоятельствах уголовного дела необходима не только для вынесения справедливого вердикта и снижения вероятности его отмены вследствие процессуальных нарушений, но и будет способствовать повышению ответственности присяжных заседателей за свои решения, демонстрируя действительно высокий уровень доверия правоохранительной системы к способности представителей народа разобраться в сути уголовного дела.

Предложенные меры, хотя и не имеют исчерпывающего характера, однако позволят, по нашему мнению, укрепить стабильность приговоров, вынесенных с участием присяжных заседателей, повысить уровень оценки эффективности деятельности суда присяжных со стороны населения и доверия к органам правосудия, и, в конечном счете, авторитета судебной власти.

Список источников

1. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2025 г. № 77-652/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. *Облаков А.А.* Пределы допустимости исследования данных о личности участников уголовного процесса в суде присяжных // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., Хабаровск, 19 мая 2017 г. Хабаровск: Юрист, 2017. С. 64–72.

3. *Насонов С.А.* Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М.: Р. Валент, 2001. 192 с.

4. *Яровая М.В.* Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская юстиция. 2006. № 1. С. 61–66.

5. *Даньшин А.В.* Институт народных заседателей в Китайской Народной Республике: история становления и современные инновации // Вестник кемеровского государственного университета. серия: гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 1. С. 136–147.

6. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. / [под общ. ред. В.Г. Базанова и др.]. М.: Юрид. лит., 1966. Т. 1. 567 с.

7. *Еникеев М.И.* Криминальная психология // Юридическая психология. 2006. № 4. С. 2–10.

8. *Белкин А.Р.* УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XV. Производство в суде с участием присяжных заседателей М.: РТУ (МИРЭА), 2020. 82 с.

9. *Цветкова Е.В.* Проблемы допустимости доказательств в суде присяжных заседателей // Российский судья. 2021. № 1. С. 34–36.

Пискунова Ольга Владимировна,
доцент кафедры теории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук

ПРАВОПОРЯДОК КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРАВОВЫХ НОРМ

Статья посвящена анализу правопорядка – межотраслевого, междисциплинарного института, затрагивающего все сферы общественной жизни, в контексте его понимания как результата функционирования норм права. Определено, что правопорядок – это окончательный результат реализации функций правовых норм, отражающий реальное состояние уровня и качества правовой системы общества, а также фактической реализованности правовых положений в социальной среде.

Ключевые слова: *правопорядок, реализация права, норма права, функции, эффективность функционирования.*

Институт правопорядка, не раз становившийся предметом научного исследования ряда теоретиков, в настоящее время, в связи с динамикой социальной жизни, вызванной сменой экономической, политической ситуации, приобретает несколько иное звучание.

Правопорядок – категория содержательно объемная, отличающаяся особым юридическим наполнением и формами проявления, что в некоторой степени по значимости ставит ее в один уровень с самим правом. И.А. Ильин писал: «По своему объективному назначению право есть орудие порядка...» [1, с. 388]. Подобное высказывание не декламирует всей сущностной природы правопорядка, но свидетельствует о его масштабности.

Современный этап развития теории правового порядка характеризуется разными исследовательскими подходами, включением в сферу правового пространства и правопорядка виртуальной реальности. В контексте тематики особо стоит отметить труды профессора В.В. Борисова, по утверждению которого правопорядок – «это объективно обусловленное состояние, свойство социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью и урегулированностью системы правовых отношений и связей, основанных на реализации демократических, гуманистических

принципов и нормативных основ права и законности; прав, свобод и обязанностей субъектов; правовая форма организации общественной жизни, ее состояние» [2, с. 242].

Его доктрина правопорядка «в известном смысле переформулировала постановки классической юридической литературы в аспекте строения правового пространства. Он создал сверхдисциплинарный объект исследования, который в таковом виде был помещен в предметное поле теории права» [3, с. 11].

Следует заметить, что в законодательстве мы не встретим четкой дефиниции правопорядка либо исчерпывающего перечня санкций за нарушение правопорядка. На законодательном уровне данная правовая категория получила небольшое и бессистемное распространение. Например, Конституция Российской Федерации упоминает «правопорядок» лишь однажды (п. «б» ч. 1 ст. 72), определяя, что «обеспечение законности, правопорядка» находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов [4]. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает ничтожность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности [5]. В преамбуле Федерального закона «Об охране окружающей среды» в качестве одной из целей данного закона упоминается укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды [6] и т.д.

Особое место в ряду критериев, отличающих правопорядок от иных видов установленного в обществе порядка, заслуженно отводится правовым нормам. «Правопорядок – это результат действия права и условие его реализации» [7, с. 9].

Правопорядок как состояние упорядоченности, согласованности социальной жизни является следствием именно реализации функций правовых норм. Претворение правовых предписаний в жизнь само по себе не гарантирует реализации его социального назначения, и следовательно, того конечного результата, который подразумевался в качестве цели правового регулирования. Особое место в данном процессе принадлежит именно функциональному аспекту правовых норм. Реализуя свои функции, правовые установления приводят к устойчивому балансу определенные области социальной жизни. Тем самым отношения в этих сферах строятся по конкретным правилам, закрепленным этими нормами, а не в хаотичном порядке. Так, посредством реализации охранительной функции правовых норм, общественные отношения, нуждающиеся в правовой

регламентации, получают требуемый уровень защиты. Осуществляя воспитательную функцию, нормы воздействуют на сознание субъектов, формируют законопослушное, необходимое законодателю поведение, основанное на признании ценности права.

Таким образом, претворение в жизнь назначения правовых норм посредством осуществления их функций позволяет говорить об истинной упорядоченности общественных отношений.

Правопорядок – это окончательный результат реализации функций правовых норм, отражающий реальное состояние уровня и качества правовой системы общества, а также фактической реализованности правовых положений в социальной среде.

Список источников

1. *Ильин И.А.* Теория государства и права. М.: Зерцало, Гарант, 2003. 398 с.

2. *Борисов В.В.* Правовой порядок развитого социализма: вопросы теории. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. 408 с.

3. *Синюков В.Н.* Инновационный правопорядок. Теория правопорядка В.В. Борисова в современном российском контексте: учеб. пособие. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма: вопросы теории: монография. М.: Норма, 2025. 252 с.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // Российская газета. 1994. 8 дек.

6. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

7. *Мураметс О.Ф., Шамба Т.*М. Правопорядок в развитом социалистическом обществе. М.: Юрид. лит. 1979. 176 с.

Погодин Михаил Александрович,
руководитель юридической компании «Легист»
(ИП Погодин Михаил Александрович)

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ УСТРАНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛА ПРИ ОШИБОЧНОМ ПРИНЯТИИ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ К ПРОИЗВОДСТВУ

Статья посвящена анализу субъектного состава и процессуальных средств устранения судебных ошибок в гражданском процессе при ошибочном принятии искового заявления. В работе производится детальный разбор подэтапов стадии возбуждения гражданского дела с выявлением как возможных судебных ошибок, так и средств их устранения на текущей и последующих стадиях гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: *процессуальные средства устранения судебных ошибок, субъекты устранения судебных ошибок, возбуждение гражданского дела, принятие искового заявления, классификация судебных ошибок.*

«Безошибочное соблюдение» гражданской процессуальной формы «выступает главным условием действительно справедливого судебного разбирательства», указывает в предисловии к монографии Н.А. Батуриной О.В. Исаенкова [1, с. 3]. Безусловно, соблюдение гражданской процессуальной формы – главный ключ к снижению шансов на возникновение судебных ошибок. Так, основатель учения о судебных ошибках в гражданском процессе И.М. Зайцев, указывал, что судебные ошибки прямо связаны с соблюдением гражданской процессуальной формы. При ее точном и досконально соблюдении возникновение судебных ошибок будет фактически исключено [2, с. 73–74]. Однако, тяжело говорить о фактической вине суда, когда ошибка произошла из-за небрежного поведения стороны по делу [1, с. 63].

Согласимся с Н.А. Батуриной, указывающей, что средства предупреждения судебных ошибок можно дифференцировать по субъекту их применения: они могут применяться судом, сторонами, а также лицами, содействующими осуществления правосудия [3, с. 8].

Думается, что на стадии возбуждения гражданского судопроизводства при принятии искового заявления можно выделить следующие группы возможных судебных ошибок:

Во-первых, это рассмотрение гражданского дела без предоставления суду достаточных данных о сторонах спора и избранном суде (пп. 1–3 ч. 2 ст. 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [4].

Указанные судебные ошибки является устранимыми, однако, не могут быть предупреждены, причем, они могут быть устранены как в ходе подготовки дела к производству, так и в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции. Устранение данных судебных ошибок возможно, как истцом, так и судом. Так, истец вправе изменить или уточнить предмет или основание исковых требований [4]. Следовательно, можно выделить такое диспозитивное средство устранения последствий судебных ошибок как уточнение исковых требований истцом.

Во-вторых, принятие искового заявления к рассмотрению при отсутствии указания на обязательные сведения о споре и его обстоятельств, а также подтверждающих указанные обстоятельства доказательств (пп. 4, 6–8 ч. 2, ч. 3 ст. 131 ГПК РФ) [4].

Указанные судебные ошибки является устранимыми, однако, не могут быть предупреждены. Так, в ходе подготовки дела к производству, рассмотрении дела истец обладает возможностью уточнить цену иска как устно (под протокол), так и письменно (путем предоставления уточненного искового заявления). Стороны также могут предоставить суду доказательства соблюдения (не) обязательного досудебного порядка урегулирования спора. Кроме того, сам суд обладает возможностью оставить исковое заявление без рассмотрения в связи с несоблюдением обязательного порядка досудебного урегулирования спора (абз. 2 ст. 222 ГПК РФ). Прокурор, в свою очередь, может предоставить недостающие сведения или уточнить исковые требования [4]. Следовательно, в указанном содержится по меньшей мере три средства устранения последствий судебных ошибок как диспозитивное – уточнение исковых требований истцом, прокурором, предоставление дополнительных доказательств и сведений суду, так и императивное, а именно, оставление искового заявления без рассмотрения.

В-третьих, принятие к производству искового производства с нарушением правил о подписании его истцом, способе подписа-

ния или принятие к производству искового заявления, поданного не уполномоченным на то представителем (ч. 4 ст. 131 ГПК РФ) [4].

Так, при принятии к производству искового заявления без его подписания и ошибочном принятии его к производству суд обязан использовать императивное средство устранения последствий судебных ошибок как оставление искового заявления без рассмотрения, аналогичные правила применяются при подаче искового заявления неуполномоченным лицом. При этом, не подписание искового заявления усиленной квалифицированной электронной подписью, поданного в электронном виде, содержащего ходатайство об обеспечении искового заявления влечет такое же последствие, что подтверждается судебной практикой [5].

В-четвертых, принятие искового заявление к производству без сведений об уплате государственной пошлины или ходатайства об ее отсрочке или рассрочке. Указанная судебная ошибка является фактически не устранимой. Несмотря на то, что законодательство содержит возможность обязать сторону доплатить государственную пошлину (ч. 2 ст. 92 ГПК РФ, пп. 9 п. 1 ст. 333.20 НК РФ) [4, 6], оно не предусматривает доплату государственной пошлины при судебной ошибке при принятии искового заявления к производству [6].

В-пятых, принятие искового заявления без его направления сторонам по спору. Указанная ошибка может быть устранима только в диспозитином порядке при помощи ознакомления сторон с материалами гражданского дела.

В-шестых, это принятие искового заявления к производству при наличии ошибки в территориальной подсудности спора, неправильном выборе компетентностного суда, подсудности спора третейскому суду, в случае, если стороной не оспаривается третейская оговорка.

Указанная ошибка может быть устранима как в диспозитивном, так и в императивном порядке. Так, стороны вправе ходатайствовать перед судом на этапе подготовки дела к судебному разбирательству и на последующем рассмотрении дела (до вынесения судебного решения) о передаче спора правильному суду или (при наличии ошибки в территориальной подсудности спора) стороны вправе заключить соглашение, допускающее рассмотрение дела в данном суде (соглашение о договорной подсудности спора).

Кроме того, сам суд обязан, в случае установления ошибки в подсудности или компетенции спора передать дело на рассмотрение в компетентный суд [4].

Обратим внимание, что диспозитивные средства устранения судебных ошибок на стадии возбуждения гражданского судопроизводства прямо зависят от воли сторон (в первую очередь истца, реже всех сторон). Следовательно, без наличия соответствующей воли стороны, суд не может устранить такую допущенную судебную ошибку самостоятельно.

Исходя из изложенного, можно указывать, что на этапе возбуждения гражданского судопроизводства, при ошибочном принятии искового заявления к производству, в зависимости от сущности нарушения существуют следующие способы устранения последствий судебной ошибки: диспозитивные (применяемые сторонами по спору) – уточнение исковых требований (применяется только истцом), предоставление дополнительных доказательств и сведений (применяется всеми сторонами по спору), ознакомление с материалами гражданского дела (применяется всеми сторонами по спору), подача ходатайства о передаче дела по подсудности или компетенции (применяется всеми сторонами по спору), заключение соглашения, допускающего рассмотрение дела в данном суде (соглашение о договорной подсудности спора, применяется всеми сторонами по спору); императивные (применяются исключительно судом) – оставление искового заявления без рассмотрения, передача дела по подсудности или компетенции.

Таким образом, гражданское процессуальное законодательство содержит довольно большой перечень процессуальных средств устранения судебных ошибок, однако, вопрос о доплате государственной пошлины уже принятого искового заявления остается неразрешенным и требует последующей как научной, так и законодательной разработки.

Список источников

1. *Батурина Н.А.* Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве: монография / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрлитинформ, 2012. 176 с.

2. *Зайцев И.М.* Причины и условия совершения судебных ошибок и проблема их предупреждения // Реализация процессуаль-

ных норм органами гражданской юрисдикции: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск. 1988. С. 68–74

3. *Батурина Н.А.* Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 23 с.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532. 2025. № 14, ст. 1587.

5. Определение Пресненского районного суда по делу № 02-663/2024 от 20 февраля 2024 г. // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/civil/details/4721e911–457c-11ee-80ae-4514653f220d (дата обращения: 29.06.2025).

6. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.; с изм. от 21 января 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340. 2024. № 49, ч. 4, ст. 7422.

Полуда Оксана Николаевна,
доцент кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

ПОРАЖЕНИЕ В ПРАВАХ КАК МЕРА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В рамках статьи рассматривается генезис такого вида уголовного наказания как поражение в правах, который регламентировался советским уголовным правом и законодательством. Анализируется правоприменительная практика, связанная с особенностями его реализации в чрезвычайных условиях военного времени.

Ключевые слова: *поражение в правах, мера социальной защиты, уголовное наказание.*

Великая Отечественная война обусловила коренные изменения военно-политической и оперативной обстановки в стране. В жестких условиях военного времени создавались чрезвычайные органы власти, происходила трансформация структур государственного аппарата, уголовно-процессуальная политика и законодательство которого неоднократно становились предметом юридических исследований [1–3]. Относительно тенденций развития уголовного законодательства в годы войны, следует отметить, что основной в научных гипотезах выступала идея его тотальной репрессивности. Однако такой взгляд на проблему представляется неоправданно упрощенным, односторонним с точки зрения попыток объяснить развитие уголовно-правовых норм и институтов уголовного права, игнорируя междисциплинарный подход. Предпосылкой новых и вместе с тем достоверных выводов является и качественный источниковедческий анализ, основанный на законодательстве, правоприменительной практике, ведомственных актах (бюллетени Народного комиссариата внутренних дел и др.).

В годы Великой Отечественной войны в уголовном законотворчестве, действующем уголовном законодательстве и судебной практике сохранялся классовый подход, вызванный необходимостью на начальном этапе становления советского государства подавления эксплуататорских классов и иных чуждых трудящимся

элементов [4, с. 52; 5, ст. 6; 6, ст. 2, п. «а»; 7]. В уголовном законе отсутствовало понятие «наказание», законодатель использовал термин «мера социальной защиты» судебно-исправительного, медицинского или медико-педагогического характера [5, ст. 7]. К мерам социальной защиты закон относил «*поражение прав*, удаление из пределов Союза ССР на срок..., из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях на срок или без такового, с запрещением проживания в конкретной местности или без такового запрещения, увольнение от должности, запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом, общественное порицание, конфискация имущества, штраф, предостережение могли быть применимы судом как в качестве самостоятельных, так и дополнительных мер социальной защиты» [8, ст. 14].

Поражение в правах как уголовно-правовая мера, была направлена на обеспечение безопасности государства и социума посредством разнообразных запретов и ограничений, налагаемых на обвиняемого, связанная с профессиональной деятельностью, с избирательной, гражданско-правовой и иными сферами, препятствуя трудоустройству и дальнейшей социализации лица. Для полноты картины следует сказать, что даже после условно-досрочного освобождения от лишения свободы одновременное освобождение лица от дополнительных мер наказания, в числе которых было и поражение в правах, законодательно не допускалось [9, с. 110–111]. При необходимости снятия или сокращения срока поражения в правах данный вопрос подлежал самостоятельному разрешению судом вне зависимости от условно-досрочного освобождения.

Ограничения в правах препятствовали призыву в армию и мобилизации, что в условиях военного времени являлось недопустимым. Вследствие этих обстоятельств претерпевала определенные изменения и судебная практика. Превалирующим стал подход адаптации существующих институтов уголовного права к чрезвычайным условиям посредством избирательного смягчения ответственности, сокращения применения судами меры поражения в правах. Так, дезертирство в военное время влекло за собой расстрел с конфискацией имущества. Однако, по усмотрению суда и при наличии смягчающих обстоятельств (раскаяние подсудимого, явка с повинной и т.д.), было возможно признать более целесообразным направить подсудимого на фронт, «суд вправе, путем применения ст. 51 и прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР, назначить в виде на-

казания длительный срок тюремного заключения без поражения в правах, с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и направлением осужденного в Действующую Армию» [10, с. 107]. Таким образом, в отношении дезертиров закон предусматривал наказание в виде длительного лишения свободы, но, принимая во внимание военно-политическую ситуацию, допускал возможность отсрочки исполнения приговора и без поражения в правах. Ослабление уголовной ответственности в каждом отдельном случае продолжало регулироваться ведомственными актами.

Политика государства в применении мер социальной защиты в годы войны была последовательной и строилась на принципе целесообразности. Не рациональным считалось лишать возможности выполнить свой воинский долг тех осужденных и пораженных в правах, которые отбыли наказание за преступления, не представляющие исключительной общественной опасности. Поэтому судебным органам разрешалось выносить определения о досрочном снятии поражения в правах с лиц, отбывших наказание и подлежащих по своему возрасту призыву и мобилизации в армию [11, с. 207].

Суду отводилась достаточно активная роль в вопросах назначения уголовного наказания. В частности, судебным органам предписывалось «руководствоваться исключительно оценкой социальной опасности осужденного, подчеркивалось, что он (суд) не связан сроками лишения свободы, установленными в соответствующих статьях уголовного кодекса» [12]. Поскольку перечень мер, связанных с поражением в правах осужденного был ориентировочным, то суду позволялось самостоятельно определять конкретную меру социальной защиты, уточнять условия ее применения, сроки высылки, ссылки лица, оговорить в приговоре способ его использования (физическая работа, служба в учреждении и т.д.). Например, уголовный закон предусматривал в качестве основной и дополнительной меры наказания за совершенное преступление, устанавливал запрет на занятие какой-либо деятельностью или промыслом на срок не более пяти лет [5, ст. 23.32]. В силу этого, всем судебным органам при вынесении приговоров лицам, осужденным за растраты, хищения и другие корыстные преступления, требовалось выносить на обсуждение вопрос о наличии основания для ограничения поступления осужденного на работу, связанную с материальной ответственностью [13, с. 74]. Если суд усматривал такое основание, то приговор должен был содержать указание на конкретный вид

деятельности, запрещенной осужденному и срок этого запрета, который не должен превышать пяти лет.

Директивы Верховного суда СССР были призваны унифицировать судебную практику и координировать деятельность судебных органов в вопросах применения наказания, но все же значительная роль в формировании правоприменительной практики отводилась судебному усмотрению. Судебная практика военного времени в вопросах применения наказания, связанного с поражением в правах, отличалась большим разнообразием судебных приговоров [14, с. 74].

В заключение следует сказать, что советское уголовное право и законодательство данного периода характеризовалось отсутствием точных юридических формулировок, в частности, такие понятия как «мера социальной защиты» и «поражение в правах» законодателем не раскрывались. В условиях военного времени происходила адаптация действующих уголовно-правовых норм и институтов, которая находила выражение в избирательном смягчении ответственности и ограниченном применении меры поражения в правах. В годы Великой Отечественной войны суд более свободно и независимо отправлял правосудие, восстанавливая в правах лиц, отбывших основной срок наказания и преступления которых, не относились к наиболее общественно опасным уголовным преступлениям, в отдельных случаях отказываясь от применения. Расширение сферы судебного усмотрения следует рассматривать как прогрессивное явление в применении права.

Список источников

1. *Кучма Ю.Н.* Законодательство военного времени – средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны: системный анализ: дис. … канд. юрид. наук. М., 1995. 191 с.

2. *Христофорова Е.И.* Режим в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР (1929–1941 гг.): дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 154 с.

3. *Лысов В.А.* Карательная политика Советского государства и особенности судопроизводства по государственным преступлениям в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): историко-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 223 с.

4. *Курский Д.И.* Уголовный кодекс 1922 г. // Курский Д.И. На путях развития советского права: статьи и речи, 1919–1926. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 118 с.

5. Уголовный кодекс РСФСР в ред. 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1926 г. № 35–92. М.: Б. и., б. г. 1026 с.

6. Постановление Центрального Исполнительного Комитета. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31 октября 1924 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1924 г. № 1–30. М.: Управление делами СНК СССР, 1924. 54 с.

7. Циркуляр № 360 Начальникам областных и краевых адмотделов «О центральной регистрации преступлений по приемам преступного действия» от 5 июля 1930 г. // Бюллетень НКВД СССР.М.: изд-во НКВД. № 21 от 12 июля 1930 г.

8. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31 октября 1924 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1924 г. № 1–30. М.: Управление делами СНК СССР, 1924. 54 с.

9. Постановление 55-го Пленума от 28 июля 1935 г. «Влечет ли условно-досрочное освобождение от лишения свободы досрочное снятие поражения в правах?» // Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. издат. Минюста СССР. 1946. 228 с.

10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О возможности и порядке применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам о дезертирстве в военное время» от 22 апреля 1942 г. № 8/м/1/у. // Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. издат. Минюста СССР. 1946. 228 с.

11. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. 1 мая 1943 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР. 1943. 296 с.

12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам» от 10 января 1930 г. // Бюллетень НКВД РСФСР.М.: Изд-во НКВД. № 5 от 20 февраля 1930 г., ст. 63.

13. Директивное письмо «Об обязанности судов при вынесении обвинительного приговора лицам, осужденным за корыстные преступления, ставить на свое обсуждение о лишении осужденного

права занимать должности, связанные с материальной ответственностью» от 23 июля 1936 г. № 42. // Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. издат. Минюста СССР. 1946. 228 с.

14. Постановлением Пленума от 4 мая 1945 г. по делу Юзвович наказание в виде воспрещения занятия той или иной должности должно применяться в порядке п. «а» ст. 31 или п. «з» ст. 20 УК РСФСР в ред. 1926 г. // Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. издат. Минюста СССР. 1946. 228 с.

Ракитина Любовь Николаевна,
доцент кафедры конституционного, административного и гражданского процесса (Ульяновский государственный университет), кандидат юридических наук, доцент

ЭЛЕКТРОННОЕ СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена анализу гражданского процессуального законодательства, в том числе судебных нормативных актов подзаконного характера, судебной практики и позиций ученых, что позволяет сформулировать определение понятия электронного судебного решения и подчеркнуть его идентичность.

Ключевые слова: *судебное решение, электронное судебное решение, электронный документ, виртуальный электронный документ, электронный образ документа, электронный документ в машиночитаемом виде.*

Статья 197 ГПК РФ [1] предусматривает обязательную письменную форму судебного решения, но отмечает также, что возможно выполнение решения суда в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Стало быть, форма электронного документа для решения суда – всего лишь один из вариантов других возможных видов электронных документов.

Попробуем для начала разобраться, что следует понимать под электронным документом. Ведь должно же существовать некое унифицированное понимание электронного документа.

Согласно п. 11.1 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин (ЭВМ), а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Данное определение электронного документа уточняется указанием на один из важнейших его признаков в ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об электронной подписи», где говорится: «Информация в электронной форме, подписанная простой электронной подписью и неквалифи-

цированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью [3].

Таким образом, электронный документ – это документированная информация, воспринимаемая человеком с помощью ЭВМ, способная передаваться по информационно-телекоммуникационным сетям или быть обработанной в информационных системах, подписанная электронной подписью.

Однако существует и более широкое понимание электронного документа. Так, «Порядок подачи в Верховный Суд РФ документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» соглашаясь, что документ в электронном виде – это «электронный документ (документ в форме электронного документа) или электронный образ документа (документ в форме электронного образа документа)», вводит еще один термин – «электронный документ в машиночитаемом виде», поясняя, что это – «электронный документ, созданный в автоматизированном режиме в информационной системе по установленной форме и в установленном формате, обеспечивающем его автоматическую обработку средствами электронно-вычислительной техники и визуализацию для восприятия человеком [4]. Но можно ли отнести последнее к электронному судебному решению?

Большой вклад в понимание того, что собой представляет электронный документ, вносит постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [5]. В частности, в этом постановлении к «документам в электронном виде относится электронный образ документа или электронный документ». При этом разъясняется, что электронный образ документа (электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе) – это переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ, а собственно электронный документ – это документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ.

Если соотнести эти определения с электронным судебным решением, то можно сказать, что такое решение как электронный документ, получается, может существовать как в виде виртуального электронного документа (т.е. созданного на жестком диске компьютера без предварительного изготовления его на бумажном носителе), так и в виде электронного образа бумажного документа (т.е. изначально изготовленного на бумажном носителе, а затем сканированного и приобретшего таким образом вид электронного документа). Что же касается еще одного вида – «электронного документа в машиночитаемом виде», подобный вид пока не предусмотрен действующим законодательством. Не упоминается подобный вид как форма электронного судебного решения ни в Положении о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г. [6], ни в разнообразных Инструкциях по судебному делопроизводству.

Представляется, что подобное ограничение не может существовать продолжительное время, поскольку технический прогресс неостановим. Вместе с тем в судебной практике автору встречались судебные решения, в частности, по делам о расторжении брака, изготовленные, условно говоря, «комбинированным» способом, где часть документа изготовлена на компьютере в виде соответствующего бланка, с пустотами (совершенно очевидно, что этот бланк заготовлен судьей заблаговременно, во время непосредственной подготовки судьи к судебному разбирательству), а часть документа, где имелись пробелы (пустоты) заполнена им уже по результатам судебного разбирательства от руки. Такой «комбинированный» документ отвечает требованиям письменной формы судебного решения, не противоречит ГПК РФ, а в настоящее время при сканировании может превратиться в один из видов электронного судебного решения – в электронный образ документа (а ведь это – электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе).

В современных условиях подобное «комбинирование» может осуществляться с помощью компьютерного заполнения пустот в бланке судебного решения. Поэтому считаем вполне вероятным появление на официальном сайте суда бланков судебных решений по определенным категориям дел, что существенно бы облегчило

работу судьи по изготовлению судебного решения. И тогда появился бы легализованный вариант машиночитаемого электронного документа применительно к судебному решению. Пока этого нет, но коль скоро на практике уже появляются такие бланки решений, и отдельные судьи самостоятельно их изготавливают, это означает, что данную форму следует считать также одной из допустимых форм электронного судебного решения.

В случае внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство, это, несомненно, улучшило бы качество судебных решений, поскольку, как известно, по определенным категориям дел есть обязательные к отражению в судебном решении обстоятельства, по которым суд непременно должен высказаться (например, по бракоразводным делам суд в решении обязан отразить все вопросы, связанные с несовершеннолетними детьми: с кем из родителей будут проживать дети после развода, определить, с кого из родителей в каких размерах взыскиваются алименты на содержание их детей и т.п. ст. 24 Семейного кодекса РФ) [7]. Это было бы правильно и с точки зрения юридической техники, поскольку свидетельствовало бы о едином подходе к пониманию формы электронного судебного решения и его видов.

Кроме того, полагаем, это послужило бы сохранению идентичности гражданских процессуальных норм нашего государства, поскольку в каких бы видах не существовало судебное решение, оно всегда должно быть законным и обоснованным, как того требует ГПК РФ.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 7 июля 2025 г.) // Российская газета. 2002. 20 нояб.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // Российская газета. 2006. 29 июля.

3. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // Российская газета. 2011. 8 апр.

4. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ

от 29 ноября 2016 г. № 46-П (с изм. на 1 июля 2025г. № 29-П). URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 30.09.2025).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

6. Положение о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // Российская газета. 1996. 27 янв.; 2024. 27 нояб.

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон,
заместитель начальника по науке
(Академия МВД Республики Таджикистан),
доктор юридических наук, доцент, полковник милиции

ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА УЧЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Статья посвящена рассмотрению некоторых направлений возможного первичного этапа цифровой трансформации досудебного производства по материалам и уголовным делам в Республике Таджикистан. Автором предполагается комплексное решение данного вопроса посредством поэтапного внедрения нового полномасштабного проекта реформы милиции «Электронная книга учета преступлений» в деятельность органов внутренних дел.

Ключевые слова: *досудебное производство, цифровизация уголовного судопроизводства, трансформация, регистрация преступлений, уголовное дело, заявления и сообщения о преступлении, решения.*

В настоящее время, как и во многих государствах-участниках СНГ, в Таджикистане полным ходом осуществляется реформа милиции. Первый этап данной реформы ныне подошел к концу [1], вместе с тем высшим руководством МВД Республики Таджикистан было принято решение о продолжении системной реформы с учетом продолжающихся мероприятий, которые не представилось возможным полностью осуществить в жизнь. В новой Программе реформы милиции Республики Таджикистан на 2021–2025 годы [2], как и в предыдущей программе с учетом длительности и поэтапности внедрения проекта «Электронная книга учета преступлений» во всех территориальных органах министерства внутренних дел Таджикистана, ставится задача полного перехода регистрации заявлений и сообщений о преступлениях в цифровом (электронном) варианте.

При обосновании указанного проекта предполагалось, что необходимо предусмотреть комплекс организационных и управленческих мер, связанных с изменением критериев оценки деятельности, повышением доступности органов милиции гражданам, а также кардинальным совершенствованием системы выявления,

регистрации и учета преступлений; что государственная система выявления, регистрации и учета преступлений должна быть основана на современных информационных технологиях, а вся информация о криминальных проявлениях (от первичных сообщений до уголовно-процессуальных решений) должна фиксироваться на электронных носителях и накапливаться в автоматизированных системах обработки информации [3].

Предполагалось, что реализация данного проекта обеспечит:

- доступ граждан к правосудию путем регистрации всех заявлений о преступлениях;
- оперативность разрешения сообщений о преступлениях;
- снижение волокиты при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях;
- объективный подход к разрешению заявлений, при котором по всем заявлениям, нашедшим свое подтверждение, будут возбуждаться уголовные дела, что приведет к снижению количества заявителей, недовольных действиями и решениями должностных лиц органов милиции.

В настоящее время проект «Электронная книга учета преступлений» осуществляется в локальном варианте только в г. Душанбе в семи территориальных органах внутренних дел. Для полного охвата и внедрения данного проекта требуются колоссальные затраты, которые могут быть осуществимы только с активной поддержкой социальных партнеров реформы органов милиции и различных институтов гражданского общества.

В данном контексте не следует забывать и о современных тенденциях преступности в Таджикистане. Так, результаты социологического исследования «Преступность и эффективные меры противодействия ей в Республике Таджикистан: общественное мнение и экспертные оценки» показали, что 75,9 % респондентов отметили снижение уровня преступности в стране за последние два года [4]. Однако официально высшим руководством Республики Таджикистан было констатировано, что за последнее десятилетие преступность в Таджикистане выросла в два раза. В Государственной программе противодействия преступности на 2021–2030 годы уровень преступности за последние пять лет в целом оценивается положительно, но также подчеркивается наличие существенного темпа прироста преступности в целом по республике и по отдельно взятым категориям преступлений (пп. 8, 12) [5].

Столь противоречивые оценки уровня роста зарегистрированной преступности в Таджикистане во многом свидетельствуют о дисбалансе уголовной статистики и учетно-регистрационной дисциплины, которые нуждаются в коренной модернизации систем сбора и агрегации данных о преступлениях органами внутренних дел. В начале текущего года в республике был принят долгожданный законопроект о единой государственной системе регистрации и учета преступлений [6], запланированный еще в первой Программе реформы (развития) милиции на 2014–2020 годы. Законопроект определяет организационно-правовые основы, принципы и правила ведения единой государственной системы регистрации и учета преступлений и административных правонарушений, а также полномочия и задачи государственных органов в этой сфере. Не последнее место в учетно-регистрационной деятельности, предусмотренной в новом законе, отведено электронной фиксации данных, а также принятых (первичных и последующих) процессуальных решений властными участниками уголовного производства.

Как представляется, для комплексного решения организационных и правовых проблем деятельности по внедрению проекта «Электронная книга учета преступлений», дополнительно к достигнутым результатам, необходимо проработать следующие направления:

- провести мониторинг реформы милиции на основании принятых нормативных актов и подготовить обобщенный отчет с последующим его обсуждением и принятием итогового решения;
- активизировать деятельность по трансформации учетно-регистрационной деятельности с ее рутиной составляющей на электронно-цифровые платформы;
- координировать переход на электронную регистрацию заявлений и сообщений о преступлениях, принятых процессуальных решениях сотрудниками милиции с судебными и прокурорскими работниками;
- проводить регулярные консультации, семинары, встречи с заинтересованными партнерами по цифровой трансформации различных направлений деятельности органов внутренних дел;
- с учетом завершения второго этапа реформы милиции в Таджикистане необходимо разработать согласованный проект нормативного акта, предусматривающего дальнейшие возможности и мероприятия по их реализации.

Указанные нами направления не являются решением всех существующих проблем в деятельности органов милиции, осуществляющих досудебное производство в Таджикистане, но, как представляется, они могут поспособствовать возможному решению некоторых из этих проблем.

Список источников

1. Программа реформы (развития) милиции на 2014–2020 годы: утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3 мая 2014 г. № 295 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

2. Программа реформы милиции на 2021–2025 годы: утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 июня 2021 г. № 211) // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

3. Стратегия реформы милиции на 2013–2020 годы: утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 1438 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

4. *Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А.* Преступность в Таджикистане (1991–2016 гг.): науч.-практ. пособие. Душанбе: КОНТРАСТ, 2018. С. 228–316.

5. Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 годы: утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 г. № 265 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

6. Закон Республики Таджикистан от 2 января 2025 г. № 2118 «О единой государственной системе регистрации и учета преступлений» // Садои мардум. 2025. № 4–5 (4900–49001).

Седова Галина Ивановна,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена исследованию понятия упрощенного производства по уголовным делам в законодательстве РФ. На основе анализа научных взглядов ученых-процессуалистов выделены его основные признаки, обозначены проблемы правоприменения, в связи с отсутствием единого понимания рассматриваемой категории, и сформулирован вывод о необходимости ее законодательной регламентации.

Ключевые слова: *упрощенное производство, сокращенное дознание, особое порядок судебного разбирательства, согласие с обвинением, очевидность обстоятельств совершенного преступления, бесконфликность процессуальной ситуации.*

В уголовном судопроизводстве отсутствует законодательное понимание и закрепление категории «упрощенное производство». Такая терминология активно применяется и регламентируется в гражданском и арбитражном процессе. Так, высшая судебная инстанция с целью единообразной и правильной практики применения соответствующего законодательства дает определение упрощенного производства как «специального порядка рассмотрения дел, предусмотренный главой 211 ГПК РФ и главой 29 АПК РФ, согласно которым судами общей юрисдикции рассматриваются дела искового производства, а арбитражными судами рассматриваются дела искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» [1]. В то же время, в уголовном процессе, в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК РФ) дается только определение досудебного производства (п. 9). В тексте закона употребляется: производство по уголовному делу, судебное производство (часть 3 УПК РФ), особый порядок судебного разбирательства, особые производства (часть 4 УПК РФ).

В научной литературе авторы, исследуя уголовно-процессуальные правоотношения по делам, по которым предварительное след-

ствие необязательно, говорят об ускоренном производстве по уголовным делам [2], упрощенном производстве [3, с. 91–100], особом порядке судебного разбирательства, как о логическом продолжении унифицированного дознания [4], ускоренном дознании [5]. Качалова О.В. ратует за устранение излишней громоздкости, простоты для правоприменителей и наличием возможности обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан, сокращением сроков производства и упрощение процедуры доказывания, поддерживает идею возрождения протокольного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести [2, с. 122–123], высказанную в 2013 г. Б.Я Гавриловым [6]. Приэтом в своем исследовании в качестве упрощенного производства представляет производство дознания в сокращенной форме, регламентированное главой 32–1 УПК РФ. Это же производство анализирует один из первых исследователей дознания, как формы расследования, С.И. Гирько. В числе признаков, характеризующих упрощенность производства, он называет сроки расследования, совершение преступления в условиях очевидности, упрощенный процесс доказывания. Считает, что «проведение дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица является приемлемым. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений, она исходит из процессуальной экономии» [5, с. 54].

В числе признаков ускоренного производства внекоторых исследованиях, опять же, применительно к сокращенному дознанию, указывается «отсутствие конфликтов и несогласия с обвинением» [7, с. 167]. Исследуя вопросы оптимизации уголовного судопроизводства, его основные тенденции развития ученые обоснованно приходят к выводу, что такие вопросы решаются через совершенствование законодательства, направленное на ускоренное производство.

В качестве упрощенного производства применительно к разрешению уголовных дел в суде в литературе указывается особый порядок судебного разбирательства [7, 8]. При этом предлагается введение особого (сокращенного) порядка проведения следствия – «следствия в сокращенной форме», обусловленного наличием особого порядка судебного разбирательства – глава 40 УПК РФ

[8, с. 104]. Представляется, что такое введение станет избыточным для текста уголовно-процессуального закона и применения его на практике. Многие правила предварительного следствия необходимо будет пересмотреть, например, процедуру предъявления обвинения, неограниченность процессуальными сроками ознакомления с материалами уголовного дела соответствующими участниками уголовного процесса, и многих других. К тому же, в уголовном судопроизводстве уже присутствует самостоятельная форма расследования, более упрощенная по отношению к предварительному следствию – дознание в общем порядке по делам, по которым предварительное следствие необязательно, и на нее распространяются условия, правила, регламентированные в главе 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования». Известно, что в форме дознания расследуется подавляющее большинство преступлений небольшой и средней тяжести. Упрощение выражается в более коротких сроках расследования, отсутствии процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого, более простого процесса доказывания. В то же время, процесс расследования тяжких и особо тяжких преступлений не может расследоваться в упрощенной форме, даже исходя из санкций статей УК РФ, во избежании ошибок правоприменения и постановления незаконного, несправедливого и необоснованного приговора.

Таким образом, единого понимания, – что же понимать под упрощением производства в уголовном процессе, законодатель не дал. При этом, большинство исследователей в своих работах эту терминологию применяют к предварительному расследованию в форме дознания, и, в большей степени, к сокращенному. Признаком упрощения считают сроки, исключение некоторых процедур, простоту доказательственной деятельности и возможность применения особого судебного разбирательства, осуществляемого также в упрощенном порядке, без исследования доказательств, бесконфликность процессуальной ситуации по уголовному делу, полное признание обвинения.

Представляется, что для правильного понимания и совершенствования как законодательства, так и правоприменительной практики следует на законодательном уровне определить понятие упрощенного уголовного судопроизводства и закрепить его в тексте статьи 5 УПК РФ.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве (с изм. от 5 апреля 2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

2. *Качалова О.В.* Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 121–129.

3. *Седова Г.И.* Некоторые проблемы упрощенного производства по уголовным делам // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 233–238.

4. *Гирько С.И.* Особый порядок судебного разбирательства – логическое продолжение унифицированного дознания // Научный портал МВД России. 2019. № 3(47). С. 38–43.

5. *Гирько С.И.* Практика ускоренного дознания: организационные и теоретические проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2(50). С. 50–57.

6. *Гаврилов Б.Я.* Досудебное производство по УПК России и Украины: что удалось и к чему стремиться? // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.). М., 2013. Ч. 1. С. 125–134.

7. *Самолаева Е.Ю.* Правовые последствия дознания в сокращенной форме // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 2 (55). С. 166–169.

8. *Головинская И.В. Крестинский М.В., Головинский М.М.* Оптимизация уголовного судопроизводства // Современное право. 2017. № 12. С. 101–106.

Сирик Наталия Валериевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Смоленский государственный университет),
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Смоленский филиал Международного юридического института),
кандидат юридических наук, доцент

ИННОВАЦИИ В ТУРИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируются инновации в туризме. В исследовании указывается, что сфера туризма динамично развивается, становясь одним из ключевых драйверов внедрения передовых технологий и инновационных решений. Однако внедрение инноваций в сфере туризма требует адаптации правового регулирования, что в конечном итоге должно привести к разработке нового федерального закона «О туризме».

Ключевые слова: *инновации, туризм, конкурентоспособность, маркетплейсы, агрегаторы, сельский туризм, промышленный туризм.*

Современный туризм – одна из самых динамичных сфер услуг в России, лидирующая в структуре торговли услугами с долей более 50 %. Государство рассматривает эту отрасль как стратегически важную и приоритетную, создавая широкие возможности для внедрения инноваций. А они, в свою очередь, повышают конкурентоспособность всех секторов экономики, включая туризм.

В России вопрос конкурентоспособности туристского продукта остается особенно актуальным.

Рост российского внутреннего и въездного туризма сдерживает ряд проблем, характерных для большинства регионов. Эти ограничения снижают возможности эффективного использования значительного туристско-рекреационного потенциала для разработки качественного и конкурентоспособного туристского предложения.

Цифровые технологии и другие технологические преобразования стали движущей силой глобальных изменений.

Безусловно, цифровизация не может решить все проблемы туристской отрасли. Становление цифровой экономики следует оценивать в связи с другими трансформационными тенденциями, затрагивающими все области современного мира. Современные технологии и цифровизация активно трансформируют туристскую

отрасль, создавая новые бизнес-модели и сервисы. Однако их внедрение требует адаптации правового регулирования.

К ключевым инновациям в туризме, прежде всего, следует отнести деятельность цифровых платформ и агрегаторов, таких как МТС Travel, Левел, Травелата, Суточно. На своих площадках организовывает туры Т-банк.

На агрегаторы и маркетплейсы распространяются общие нормы Гражданского кодекса РФ о договоре комиссии (глава 51 ГК РФ) и агентском договоре (глава 52 ГК РФ). Основным нормативным актом, регулирующим вопросы ответственности агрегатов является закон «О защите прав потребителей» и Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» [1].

Однако, деятельность агрегаторов и маркетплейсов не подпадает под действие отраслевого законодательства, регулирующего работу организаций сферы туризма. С одной стороны, они не регистрируются в качестве туроператоров, не имеют обязанности иметь фингарантии для осуществления своей деятельности, вносить данные в ЕФРТ и ГИС «Электронная путевка» что позволяет компаниям-операторам интернет агрегаторов снижать затраты, связанные с взаимоотношениями с государственными органами. С другой стороны, на сформированные таким образом комплексные туры не распространяются и нормы, туристского законодательства, касающиеся защиты прав туристов.

Вызывает опасения растущая активность банков в сфере туристских услуг – в своих приложениях они предлагают и перелет, и проживание, но при этом не имеют туроператорского статуса. Причем сервис «Тинькофф Путешествия» выступает не в качестве агрегатора, направляющего клиента для покупки билета к другим компаниям, а является продавцом такого «турпродукта».

Как утверждают в Т-Банке: «Покупка авиабилета и бронирование отеля происходит в рамках разных заказов, которые могут быть связаны только датами, сервисы по покупке авиабилетов и бронированию отелей являются отдельными и если клиент одновременно покупает и то, и другое, то это не расценивается как туристская поездка» [2].

С этим нельзя согласится, «Минэкономразвития России рассматривает реализацию отдельных туристских услуг, включающих перевозку и размещение туриста, по отдельным договорам с оди-

наковым сроком исполнения как реализацию единого туристского продукта» [3].

Сфера туризма динамично развивается, становясь одним из ключевых драйверов внедрения передовых технологий и инновационных решений. Она не только активно внедряет цифровые платформы, персонализированные сервисы и устойчивые практики, но и осваивает перспективные ниши, такие как сельский туризм, промышленный туризм, научно-популярный и т.д.

Очевидно, что их организацией уже занимаются не туроператоры и турагенты, а иные субъекты: сельхозтоваропроизводители, промышленные предприятия, особо охраняемые природные территории и т.д.

Деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма вправе осуществлять сельскохозяйственные товаропроизводители и крестьянские фермерские хозяйства[4].

Заметим, что лишь отдельные виды производственных кооперативов, занимающихся сельским хозяйством, регистрируют себя в качестве туроператоров, и формируют туристский продукт либо оказывают отдельные туристские услуги. Примером тому, может быть – ссельскохозяйственный производственный кооператив рыболовецкий колхоз «Всходы коммунизма». Но это, скорее исключение из правил.

Далее следует рассмотреть такой вид туризма, как промышленный. Под промышленным туризмом понимается «посещение и мероприятия на объекте, позволяющие посетителям понять процессы и секреты производства, относящиеся к прошлому, настоящему или будущему» [5].

Представляет интерес мнение авторов статьи «Правовые вопросы определения промышленного туризма», которые считают, что необходимо определиться с понятием промышленного туризма, закрепив его по аналогии с сельским туризмом в законе «Об основах туристской деятельности в РФ» и предлагают следующее определение промышленного туризма: «пребывание физических лиц на территории определенного производства с познавательными и рекреационными целями, не нарушающее процесс производства и установленные на таких территориях нормы безопасности»[6, с. 57].

Безусловно, расширение видов туризма делает внутренний туризм более конкурентоспособным, однако правовое регулиро-

вание новых инновационных видов туризма, находится в стадии становления.

Полагаем, что в проекте Федерального закона «О туризме» необходимо закрепить появление нового участника туристских правоотношений – организатора туризма, чья функция заключается в разработке, продвижении и оказании комплекса услуг в сфере внутреннего туризма. Деятельность таких организаторов должна полностью регулироваться нормами туристского и потребительского права, что обеспечит туристам все предусмотренные законом гарантии защиты их прав.

Появление новых субъектов туриндустрии влечет и использование новых договорных конструкций. Наряду с договором о реализации турпродукта, заключаемым туроператором с туристами, правоотношения по реализации комплекса услуг, не образующих туристский продукт, должны опосредоваться договором о туристском обслуживании.

Таким образом, современный законодательный подход нуждается в значительной конкретизации как в плане расширения предмета законодательного регулирования и идентификации возникающих правоотношений в сфере туризма (с выделением новых общественных отношений), так и в части расширения круга субъектов туристской индустрии и распределения ответственности между ними. Совершить такие масштабные законодательные преобразования можно только путем разработки нового Федерального закона «О туризме»

Список источников

1. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей»: принят в г. Минске 6 декабря 2024 г. // Официальный сайт Союзного государства. URL: https://посткомсг.рф/ (дата опубликования: 18.12.2024).

2. *Селезнева О.А.* Турагентов смущает активность банков на рынке туристических услуг. URL: https://www.tourdom.ru/news/turagentov-smuschaet-aktivnost-bankov-na-rynke-turisticheskikh-uslug.html (дата обращения: 01.06.2025).

3. Запрос и ответ Минэкономразвития: Проживание и трансфер отдельно. URL: https://ukab.ru/novosti/news_post/zapros-i-otvet-minekonomrazvitiya-prozhivanie-i-transfer-otdelno (дата обращения: 01.06.2025).

4. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 30 ноября 2024 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 49, ст. 5491.

5. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» (в ред. от 7 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 2019. № 39, ст. 5460.

6. *Набиев С.Р., Позднякова Е.А. Челяпина О.И.* Правовые вопросы определения промышленного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16, № 3(100). С. 56–63.

Смирнова Ирина Георгиевна,
профессор кафедры уголовно-процессуального права (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)), доктор юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РИСКОЛОГИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РИСКОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье автор обосновывает появление самостоятельного направления развития научного знания – уголовно-процессуальной рискологии. Об этом свидетельствует соответствие сложившейся в уголовно-процессуальной науке ситуации нескольким критериям. В частности, наличие собственной предметной исследовательской области, обращение внимания исследователей на отдельные сферы общественной жизнедеятельности или специфические явления, которые не охватываются другими дисциплинами в полной мере. Через призму цифровизации уголовного судопроизводства автор показывает расширение терминологического аппарата, формирование соответствующей системы понятий и терминов, что можно оценить как еще один критерий формирующегося научного направления. В статье дается оценка и таким критериям самостоятельности научного знания – уголовно-процессуальной рискологии – как собственный методологический инструментарий, наличие научной школы (ее формирование), а также уникальность задач, которые ставятся перед исследователями.

Ключевые слова*: уголовно-процессуальная рискология, риск, научное направление, цифровизация.*

Бытие человечества на современном этапе претерпевает кардинальные изменения, которые связаны с несколькими факторами. С одной стороны, это появление новых областей знаний и, соответственно, деятельности, развивающихся экспоненциально. С другой стороны, это попытка упрощения для человека и автоматизации возможных видов работ. Наконец, нельзя не упомянуть о трансформации аксиологических доминант в социуме. Все это обусловливает насущную потребность кардинальной перестройки концептуального подхода к проводимым научным исследованиям, который должен носить не просто междисциплинарный, а трансдисциплинарный характер, который позволит дать оценку проис-

ходящим в сфере борьбы с преступностью процессам цифровизации с позиции аксиологии и ряда ценностных установок.

В настоящее время рискология как научное направление набирает обороты и находит свое приложение в самых различных отраслях научного знания, что следует признать вполне закономерным, поскольку вся человеческая деятельность пронизана рисками и опасностями. Не осталось в стороне и правовое пространство. О рисках пишут в сфере публичных отраслей права [1, 2], в области гражданского права [3], а также в сфере досудебного производства [4] и уголовного правосудия [5]. Таким образом, на основании изложенного можно говорить о формировании самостоятельного научного направления в уголовно-процессуальной науке – уголовно-процессуальной рискологии.

Л.А. Миэринь отмечал, что «практические мотивы или жизненные интересы, повелительно останавливая внимание на определенной стороне жизни, вызывают к существованию и соответствующую науку» [6, с. 3].

В подтверждение указанного тезиса свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, о самостоятельности научного направления свидетельствует наличие **собственной предметной исследовательской области.** Это следует признать вполне закономерным, поскольку, как отмечают исследователи, сама логика функционирования научного познания детерминирует развитие рискологии в связи с ростом количества угроз и их вариативности, внедрением новых технических устройств в жизнедеятельность социума и отдельной личности, а также осознанием неразрывности, взаимообусловленности различных видов деятельности и рисков [7, с. 77].

Во-вторых, научное направление должно изучать **отдельную область реальности** или специфические явления, которые не охватываются другими дисциплинами в полной мере.

Живетин В.Б., например, анализируя связанность рискологии с другими науками, упоминает наряду с традиционными отраслями научного знания такие, как нусология, логосология и др. [8]

Однако здесь уместно сделать оговорку о закономерном развитии не только междисциплинарных исследований, но и трансдисциплинарном подходе. Как справедливо отмечается учеными, такой подход позволяет исследовать объект познания с позиции оценки влияния на него не только различных элементов системы, а их коллективных взаимодействий [9, с. 153–154].

Развитая система понятий и терминов – еще один критерий научного направления.

У направления должна быть своя терминология, понятийный аппарат, позволяющий точно описывать и анализировать объект исследования.

Следует отметить, что мы ведем речь о становлении уголовно-процессуальной рискологии, а не о факте ее сформированности. В настоящее время следует констатировать отсутствие единообразия в понимании ключевых понятий, связанных с рисками осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Наглядным примером является определение понятия риска, как смыслообразующей категории рискологии.

Ученые отмечают, что риск как самостоятельное явление стал предметом научного исследования во второй половине XX века в первую очередь в связи с необходимостью оценки и правления рисками технологического характера [10, с. 11–12].

Так, например, до сих пор сохраняется крайне односторонний подход к пониманию риска как правово категории. В частности, Э.Н. Тужба отмечает: «в юриспруденции риск понимается как одно из обстоятельств, которое в зависимости от признания его обоснованным или нет, может повлиять на признание действий преступными» [11, с. 14].

Более того, до сих пор не все ученые в части понимания риска как правовой категории в рамках правового поля признают признак его вероятности, как фактор случайности, непредвиденности наступления какого-либо события или его последствия [12, с. 7]. Вместе с тем следует согласиться с утверждением о том, что юридическая деятельность является одной из самых рискогенных сфер жизнедеятельности людей [10, с. 18].

Поэтому крайне важно обеспечение состояния единообразного толкования основных понятий.

В-третьих, как самостоятельное научное направление уголовно-процессуальная рискология должна иметь **собственный методологический инструментарий**. Такая уникальность может быть обусловлена двумя факторами:

- имеющимися методами и подходами, адаптированными под конкретные задачи направления;
- возможностью их оригинальной комбинации.

Так, Альгин А.П. подчеркнул, что социальная рискология (как рискология, изучающая социальные общности, институты, груп-

пы), реализуется на стыке обществоведческих и гуманитарных дисциплин [7, с. 23]. Вместе с тем внедрение цифровизации во все сферы жизнедеятельности, приближение эры цифровой трансформации всех сфер функционирования социума заставляет расширять диапазон исследовательских методов социальной рискологии в сфере уголовного судопроизводства.

Чурикова А.Ю. доказала и обосновала необходимость развития риск-ориентированного подхода.

Наконец, о самостоятельном характере научного направления также свидетельствует **наличие научной школы или сообщества**. Аналогичным образом, процесс формирования такового может стать инструментом верификации необходимости формирования новой отрасли научного знания. В этой связи уместно вспомнить серьезное исследование А.Ю. Чуриковой, посвященное информационным технологиям в уголовном судопроизводстве, в рамках которого особое внимание автор обратила на вопросы управления рисками использования информационных и квантовых технологий в уголовном судопроизводстве [13, с. 72–123, 201–215], диссертационное исследование Е.Ю. Мироновой, о нравственных началах уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества, акцентировав внимание на рисках цифровизации уголовного судопроизводства [14, с. 179–190]. Рискам уголовного судопроизводства посвящены труды и иных ученых [15].

В-четвертых, самостоятельное научное направление немыслимо без **уникальности задач**, которые ставятся перед исследователями, и, как следствие, невозможности их решения методологическим инструментарием иных дисциплин.

Наличие даже не всех, но большинства указанных характеристик уверенно свидетельствует о самостоятельном характере формируемого научного направления, коим можно считать уголовно-процессуальную рискологию, в рамках которой свою нишу занимают вопросы определения, систематизации, оценки рисков цифровизации уголовного судопроизводства и выработки системы мер их профилактики и возможного преодоления.

Список источников

1. *Халимов Ф.С.* Научное понимание термина «риск» в налоговом праве // Финансовое право. 2019. № 3. С. 41–44.

2. *Киреев В.В.* Конституционные риски: проблемы правовой теории и политической практики // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 24–27.

3. *Михайлова А.С.* К вопросу о важности учета «риска» как объекта для определения содержания функции «комплаенс-контроля» // Юрист. 2017. № 18. С. 20–24.

4. *Лубин А.Ф., Кондратьева Е.Е., Нурутдинов О.А.* Общие положения рискологии – теории риска в деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений // Российский следователь. 2007. № 3. С. 4–6.

5. *Бабаев М.М.* Риск-ориентированное правосудие // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 2. С. 167–180.

6. *Миэринь Л.А.* Основы рискологии. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998.

7. Альгин А.П. Рискология и синергетика в системе управления. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004.

8. Живетин В.Б. Введение в системную рискологию. М.: ИПР, Бон Анца, 2012.

9. *Судакова Т.М.* Междисциплинарность криминологии в контексте методологической и структурной трансформации науки // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 151–162.

10. *Зайцев В.В.* Управление рисками в адвокатском образовании: монография / под ред. М.Е. Косова, Г.Т. Малашенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025.

11. *Тужба Э.Н.* Социология риска: учеб. пособие. Краснодар: КубГТУ, 2022.

12. *Лубягина Д.В.* Риск в гражданском праве: монография. М.: Проспект, 2020.

13. *Чурикова А.Ю.* Информационные технологии в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. Н.С. Мановой, С.Е. Чаннова. М.: ДМК Пресс, 2024.

14. *Миронова Е.Ю.* Нравственные начала уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2024.

15. *Смирнова И.Г.* Аксиологические риски цифровизации уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 3. С. 236–242.

Соловьев Валерий Юрьевич,
профессор кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
доктор исторических наук, профессор

К ИСТОРИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье автор поднимает вопрос об особой миссии духовного начала в России (СССР), которая объединяла народ для защиты Отечества, оптимизируя христианский принцип властей. В то время как догмы либерализма фактически заменили христианские заповеди на Западе. Логика исследования подводит к мысли о том, что все так называемые «свободы» западного мира находятся в непримиримом противоречии с традиционными ценностями России.

Ключевые слова: *Церковь, православие, Великая Победа, мировоззренческие принципы, патриотизм, традиционные ценности, служение.*

В связи с обострившейся международной обстановкой, нагнетанием мировым империализмом военной опасности, хотелось бы высказать некоторые соображения по очень близкой всем россиянам теме – истории мировоззренческих принципов советского общества в годы Великой Отечественной войны, которая и спустя восемьдесят лет со дня Великой Победы, остается актуальной. Необходимо отметить, что Запад, за долго до сегодняшнего дня, открыто прогнозировал негативный сценарий развития событий в отношениях с нашей страной. Речь идет о «войнах памяти», целью которых должно было стать глубокое концептуальное размежевание между Россией и Европой. На этом фоне началась вспышка исторической полемики, которая закончилась когнитивным спланированным взбросом и привела мировое сообщество к моральному и политическому водоразделу, который практически невозможно преодолеть. Главным историческим полем выступала как раз Вторая мировая война, в первую очередь – вольная трактовка причин ее начала, ответственности за Холокост и итоги.

Предлагаемый к рассмотрению вопрос является глубоко историчным. Ибо в нашей науке освещение данных вопросов опиралось на положения о морально-политическом единстве советского обще-

ства, дружбе народов СССР, руководящей роли коммунистической партии, массовом героизме народа, его преданности социалистическим ценностям, тесно связывалось с воспитательными и пропагандистскими задачами. В результате картина духовного развития советского общества в годы войны изображалась упрощенно и односторонне. На Востоке говорят, что дух побеждает саблю. Именно поэтому несокрушимый и самый высокий суверенитет – это суверенитет духа, к которому Россия обязательно придет (как приходила в своей истории всегда) после окончательной победы над химерой колониализма, глобализма и либерализма. В нашей стране, мировоззренческие принципы, являются бесспорными ценностными скрепами, так как именно на основе выработанных традиционных форм бытия формировался и формируется тип личности россиянина, его менталитет. Как видно из нашей тысячелетней истории, главным нервом России всегда была неразрывная связь трех звеньев: власти, церкви и народа [1]. Русская православная Церковь Московского патриархата обустраивалась в очень сложных общественно-политических реалиях. Как народ, общество, она, пройдя тяжелейшее потрясение революций и гражданской войны, не пошла на компромиссы с популярными учениями того времени, не стала субъектом политической борьбы и превозмогла внутренние революционные явления. Церковь продемонстрировала свою приверженность основам Веры и силу духа. Сами русские архиереи и священники, исповедники Христовой истины, оставшиеся с народом, готовы были к любым испытаниям. Анализ архивных документов дает основания утверждать, что Митрополит Сергий, подписывая и публикуя Декларацию о лояльности к советской власти 16/29 июля 1927 г., не подвергся осуждению и был понят верующими, так как опорой ему служило Послание Патриарха Тихона. Поддержка государства позволили сплотиться с народом. С большими трудами укрепляя свои позиции, Церковь обеспечивала сохранение и созидание духовности, морали и нравственности в верующих нарождающегося нового общества. Московский Патриархат в советских реалиях занимал патриотическую позицию, которая была близка верующим. Обратим внимание, митрополит Сергий Страгородский уже 22 июня 1941 г. выступил с Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви. В нем вспомнил святых вождей русского народа. А закончил обращение уверенным утверждением: «Господь дарует нам Победу!» [2, с. 15–17; 3, с. 3–5]. Таким образом, митрополит Сергий, иерархи

Церкви стали истинными духовными наставниками народа, а Русская православная церковь вновь встала вместе с государством на защиту Родины. Этот союз был оформлен в 1943 г. восстановлением патриаршества [3, с. 5].

В рамках данной статьи, хотелось бы показать оппоненты традиционного русского мира вербовали и вербуют сторонников своей идеологии, как формировались мировоззрения, в том числе, и русских людей, оказавшихся на чужбине**.** Вообще, всю суть западничества предельно точно показал в своих произведениях Ф.М. Достоевский. «Смердяковщина» стала синонимом рабского преклонения перед Западом и русофобии [4, с. 512]. Для оказавшихся на Западе русских людей (кстати, к ним относится и православное духовенство), вполне применимы слова Константина Николаевича Леонтьева, о том, что для них, догмы либерализма фактически заменили христианские заповеди. Все аморальное легко оправдывалось и выдалось за свободу личности. Не случайно отмечал один из не многих экзархов Русской Православной Церкви Зарубежом, патриотично настроенный в отношении своей Родины, Митрополит Евлогий, что из отношений «заграничных епископов исчезли взаимная связующая братская любовь, уважение, взаимное доверие, а вместо этого развилась атмосфера подозрительности и враждебности [5]. В рассматриваемое время, в церковных делах, нацисты, фашисты и мундиалисты руководствовались служением своим идеалам православных приходов, действовавших на территории Рейха и принадлежавших к различным церковным юрисдикциям. В качестве «ядра» нового церковного объединения германская власть полагала Русскую Зарубежную церковь. Отдельные иерархи, как то митрополит Западно-Европейский Серафим (Лукьянов) в послании от 22 июня 1941 г., а также архиепископ (впоследствии митрополит) Берлинский и Германский Серафим (Ляде), бывший этническим немцем, и некоторые другие клирики РПЦЗ поддержали «освободительный поход» вермахта против СССР, полагая советскую власть гораздо бóльшим злом для России. В директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 г. признавалось необходимым дать населению какую-то форму религии, воспретить всем священнослужителям вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания, одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии, после соответствующего

обучения, «толковать народу свободную от еврейского влияния религию» [6]. После этого «зараженные еврейскими догматами» церкви могли быть закрыты. Под «зараженными церквами» нацистские теоретики подразумевали, прежде всего, церкви христианские, а также и иудейскую религию. Кстати, нацисты заявляли о намерении создания и распространения «новой религии», которая будет объявлена обязательной для всех граждан. В ней не будет духовенства, речи будут произносить только «национальные государственные ораторы», являющиеся государственными служащими. Иконы, кресты и другие предметы культа будут вынесены из храмов. Будут отвергнуты многие из христианских таинств и обрядов; запрещена Библия и иная христианская богослужебная и религиозная литература; закрыты религиозные учебные заведения. Повсюду в молитвенных помещениях будет изображена свастика. На алтарь вместо Библии положена будет «Майн Кампф», а слева от нее – меч. Как считали отцы Церкви, Западное христианство (как не странно, эта сентенция полностью относится и к РПЦЗ и реформаторской церкви) априори лишено сакральности, а вера в Бога заменена поклонением золотому тельцу и более изощренными формами «спасения» [7, с. 38–40].

Импульс либеральному ответвлению западного христианства усилился в крестовых походах, инквизиции, Реформации расширивший и упрочивший индульгенции. В число базовых принципов мировоззренческих постулатов западнохристианских догматов входили и входят свобода от коллективной идентичности в любой форме, свобода от этнической принадлежности, свобода от любых форм общинного ведения хозяйства и от государственного контроля над экономикой, политикой и обществом, в том числе от роли государства в перераспределении результатов труда. Последняя свобода автоматически подразумевает отказ от идеи социальной справедливости. Очевидно, что все эти «свободы» находятся в непримиримом противоречии с традиционными ценностями России. Запад, по своей сути, по своей ментальности, всегда был тоталитарным, провозглашая обязанность быть, например – христианином, свободу только для избранных и правление меньшинства. Все это освещалось Ватиканом. Вспомним, что первый внешнеполитический успех правительства Гитлера был связан с подписанием 20 июля 1933 г. между нацистской Германией и Святым Престолом имперского конкордата, который

определил статус римско-католической церкви в Третьем рейхе. В переговорах приняли участие кардинал Пачелли, ставший в 1939 г. римским папой, впоследствии отметившийся преданным служением тоталитарным нацистским и фашистским режимам [8]. Историков всегда интересовал вопрос, как документы определяют ситуацию с западной Церковью в обозначенное время. Попытки изысканий были оглашены, префектом архивов Ватикана монсеньором Серджио Пагано, который недавно заявил, что инициатива справедливого из изучения исходила от ордена иезуитов. Правда он признал, что иезуиты «иногда просматривали половину одного документа, а другую половину нет», и что он узнал о некоторых «странных упущениях», которые теперь становятся очевидными [9]. В 2019 г. папа Франциск (иезуит) открыл архивы для исследователей. Предполагалось свободное изучении фондов Ватикана. Однако, служба безопасности Ватикана все время ставила препоны перед исследователями и учеными. В результате свет увидела, чуть ли не единственная (если не считать его же 100 страничная «Папа и Муссолини», сразу получившая Пулитцеровскую премию) книга некоего Дэвида Кертцера «Папа на войне», изображающая всего лишь робкого понтифика, которым двигал не русофобия и антисемитизм, а убежденность в том, что нейтралитет Ватикана был лучшим и единственным способом защитить интересы католической церкви во время войны. Пий XII избрал парализующую осторожность, чтобы любой ценой избежать конфликта с нацистами. Отметим, что никаких 300 тысяч спасенных от уничтожения евреев не было. О представителях других этносов и конфессий, западные писатели-исследователи решили не упоминать. Но мы помним высказывания, прозвучавшие из Ватикана, когда убивали миллионы китайцев, советских людей, славян, цыган, что над ними осуществляется справедливый суд Божий… [10]. Еще несколько слов о западной Церкви. В двадцатые-тридцатые годы именно протестанты Германии стали мощной прослойкой, на которую опирались национал-социалисты. В церкви стала активно внедряться идеология «немецкого христианства», а сами т.н. «немецкие христиане» возлагали свои надежды на нацистов так как те, по их убеждению, должны были как окончательно раздавить «пятую колонну» католиков, так и разделаться с набиравшим силу коммунистическим движением. В итоге протестантские церкви с победой нацистов вывешивали свастики прямо в храмах.

В короткий срок подавляющее большинство протестантского духовенства официально и морально связало себя клятвой подчиняться указаниям диктатора. Гитлер всю эту подоплеку явно понимал, потому виртуозно заигрывал с протестантами. Антикоммунизм, провозглашение «сильного государства», борьба с евреями и обещания создания национальной церкви сделало протестантов (особенно духовенство) союзниками нацистов в политической борьбе. Как отмечала знаток вопроса, д.и.н., профессор Бровко Людмила Николаевна, главной целью немецких христиан являлось создание национальной христианской религии с превращением Христа в арийца [11]. В выпущенном по случаю начала Второй мировой войны обращении говорилось, что Евангелическая церковь «в этот час объединяется с нашим народом в молитвах перед Богом за фюрера и рейх, за весь вермахт и всех, кто выполняет свой долг перед родиной» [12, с. 8].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что западное христианство пошло в услужение к истинным безбожникам, воплощению тьмы и зла. Все сказанное подтверждает мысль В.В. Путина о том, что западное мировоззрение противоречит интересам подавляющего большинства населения и традиционным духовным ценностям россиян. Противоречит оно и концепции суверенного государства, безусловно, являясь оружием наших врагов. Мировоззренческие портреты русских и представителей западного мира сильно различаются между собой [13]. Удивительно точно их описал создатель теории архетипов Карл Юнг [14]. Поэтому нашему Отечеству нужна идеология Победы [15]. Не антихристианский мировоззренческий проект Запада, а понятийное, соборное представление о социальной справедливости, которую современные западные концептологи считают «глубоко аморальной», и которая, по мнению Ф.М. Достоевского, всегда была «высшей и самой характерной чертой нашего народа». Разумность, а не рассудочность для России есть главное и основополагающее. Как говорил генералиссимус А.В. Суворов: «Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет. Мы русские, мы все одолеем» [16].

Список источников

1. *Васильев А.А., Соловьев В.*Ю. Пути гармонизации государственно-конфессиональных отношений в России. Саратов: Изд-во Сарат. гос. соц.-экон. ун-та, 2013.

2. Обращение митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви. г. Москва, 22 июня 1941 г. // Правда о религии в России. М., 1942.

3. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сб. церковных док. М., 1943.

4. *Боханов А.Н.* Российская империя. Образ и смысл. М: Директ-Медиа, 2014.

5. *Попов А.В.* Мемуары митрополита Евлогия как источник по истории российского православного зарубежья // Вестник архивиста. 2006. № 2–3. С. 157–175.

6. *Никитин А.К.* Положение русской православной общины в Германии в период нацистского режима (1933–1945 гг.) // Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. М., 1998. С. 321–324.

7. *Шкаровский В.М.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов: сб. док. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2003.

8. *Бровко Л.Н.* Церковь и третий рейх. М.; СПб: Алетейя, 2009.

9. *Четверикова О.Н.* Измена в Ватикане, или Заговор пап против христианства. М.: Эксмо, 2011.

10. *Четверикова О.Н.* Оборотни, или Кто стоит за Ватиканом. М., 2018.

11. *Бровко Л.Н.* Немецкая евангелическая церковь и национал-социализм // Новая и Новейшая история. 2010. Вып. 1. С. 71–92.

12. *Залесский К.А.* Папство и фашизм: 30 мая 2022 // Радонеж: газета. 2019. № 10 (316).

13. *Васильев А.А., Соловьев В.Ю.* Особенности национального самосознания и русская национальная идея // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки. Пенза, 2012. № 27. С. 994–998.

14. Карл Юнг. Психологические типы. М.: Академический проект, 2019.

15. *Ильин И.А.* О богоустановленности советской власти // Возрождение. Париж, 1936. № 3977. 23 апр.

16. *Батчиков С.А.* От химеры либерализма к суверенитету духа // Завтра. М., 1924. 25 янв.

Сосновикова Анна Михайловна,
стажер-исследователь лаборатории цифровых технологий в криминалистике (Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева),
младший научный сотрудник (Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб»)

ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАВИАТУРНОГО ПОЧЕРКА: ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ[1]

В статье рассматривается потенциальная ситуация внедрения в практику борьбы с преступностью кейлоггеров и систем анализа событий клавиатуры и связанные с ней вопросы закрепления новых технических средств в нормативно-правовых актах. Автор приходит к выводу, что использование кейлоггеров должно быть регламентировано ведомственными инструкциями, в применение анализаторов – закреплено в частной методике судебной компьютерно-технической экспертизы клавиатурного почерка.

Ключевые слова: *клавиатурный почерк, компьютерные преступления, цифровые следы, идентификация личности, виртуальное пространство, компьютерно-техническая экспертиза, образцы для сравнительного исследования.*

Одним из актуальных направлений криминалистических науки и практики сегодня является изучение информации, существующей в цифровой форме [1, 2]. В частности, выявляются специфические признаки, которые позволили бы идентифицировать личность субъекта, действующего в виртуальном пространстве. Среди таковых можно выделить клавиатурный почерк, отражающий навык взаимодействия пользователя с клавиатурой при непосредственном ее целевом использовании. Он позволяет установить непосредственного пользователя компьютерного устройства (в первую очередь, исполнителя напечатанного текста) в определенный момент времени, диагностировать его психофизиологическое и эмоциональное состояние, определить уровень его компьютерной грамотности, а также различные демографические признаки, что может стать незаменимым при раскрытии и расследовании многих компьютерных преступлений.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, https://rscf.ru/project/23-78-10011/

Вместе с тем для фиксации клавиатурного почерка и его последующего исследования (в том числе в рамках профильной судебной экспертизы) требуется задействовать специализированные технические средства (кейлоггеры и системы анализа событий клавиатуры), по вопросу обязательной нормативной регламентации которых на сегодня не сложилось единого мнения.

С одной стороны, ч. 6 ст. 164 УПК РФ предоставляет следователю возможность использовать любые технические средства, если об этом уведомлены участники следственного действия, что позволяет толковать ее как общедозволительное положение, обеспечивающее относительную самостоятельность следователя.

Таким образом, если следователь перед началом производства такого следственного действия как получение образцов для сравнительного исследования объявит о том, что в ходе него будет применятся компьютер со встроенным в него кейлоггером, как-либо отдельно описывать последний в нормативно-правовых актах не потребуется. Однако здесь может возникнуть проблема в части получения условно-свободных образцов клавиатурного почерка.

С традиционным почерком в качестве таковых принимаются, например, записи (подписи), выполненные лицом в ходе различных следственных или процессуальных действий, напрямую не ориентированных на сбор почеркового материала (допрос, явка с повинной, подача рукописного ходатайства и пр.) [3, с. 40]. Нам подобная практика видится недопустимой – для негласного сбора образцов, необходимых для сравнительного исследования, более процессуально правильно направлять соответствующее поручение органу дознания для производства оперативно-розыскного мероприятия, – однако данная позиция сегодня не превалирует, в связи с чем мы не можем игнорировать указанную ситуацию. Таким образом, мы сталкиваемся с противоречием: следователь желает негласно получить образцы клавиатурного почерка у человека, для чего требуется, чтобы этот человек напечатал текст (например, собственные показания при допросе) на компьютере, где предустановлена специализированная программа. Вместе с тем следователь обязан уведомить лицо об используемых технических средствах – то есть сообщить о кейлоггере и его функциях. В свете этого суть получения относительно-свободных образцов будет утрачена по причине осведомленности объекта следственного интереса. Представляется, что описанное подтверждает приведенную выше позицию

о недопустимости негласных действий по получению образцов для сравнительного исследования.

С другой же стороны, клавиатурный почерк относится к биометрическим персональным данных, для которых предусмотрен особый порядок их защиты, в связи с чем отсутствие прозрачной для всех участников уголовного судопроизводства процедуры фиксации и исследования его признаков, может ущемлять права личности. Мы не считаем, что это является достаточным основанием для закрепления вопросов обработки клавиатурного почерка в УПК РФ [4], но видим вполне желательным раскрыть их в ведомственных нормативных актах.

Аналогичным образом должен решаться вопрос с использованием технологий анализа событий клавиатуры в судебной экспертизе: необходимо разработать методику компьютерно-технической экспертизы клавиатурного почерка, закрепив в ней все технические средства, которые может применять эксперт.

Таким образом, для непосредственного внедрения исследований клавиатурного почерка в практику борьбы с преступностью нет необходимости менять действующее процессуальное законодательство – достаточно разрешить частные вопросы на уровне подзаконных нормативных актов, а также допустить определенную свободу для следователей в принятии решений об использовании тех или иных технологий, что не потребует инициации и реализации длительной процедуры после сертификации отечественных кейлоггеров и систем анализа событий клавиатуры. Такой гибкий подход позволит оперативно внедрять в практику инструменты, повышающие эффективность криминалистической деятельности, от чего напрямую зависит уровень законности в стране.

Список источников

1. *Смушкин А.Б.* Цифровизация криминалистической деятельности: учеб. пособие для студентов магистратуры, обучающихся в юрид. вузах, специалистов. М.: КноРус, 2024. 200 с.

2. *Вехов В.Б., Зуев С.В., Бахтеев Д.В. и др.* Цифровая криминалистика: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт, 2024. 490 с.

3. *Чернышев Д.Б.* Получение сравнительных образцов для проведения почерковедческой экспертизы при расследовании уголовных дел экономической направленности (практические рекомендации) // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С. 38–42.

4. *Федоров И.З.* К вопросу об установлении исполнителя электронного текста по клавиатурному почерку при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2 (37). С. 113–116.

Спесивов Никита Владимирович,
доцент кафедры уголовного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА[1]

В статье рассматривается вопрос о назначении уголовного судопроизводства, его задачах и целях, а также концепции транспарентности, как процессуальной основы для их достижения. По мнению автора, современное понимание предназначение уголовного судопроизводства раскрывается в его социальной сущности, призванной сбалансировать разность интересов личности, общества и государства при производстве по уголовным делам. Установление такого баланса автор видит посредством реализации концепции транспарентности, как процессуальной основы открытого, доступного и справедливого судопроизводства по уголовным делам. Концепция транспарентности, во многом реализуемая через цифровые сервисы и инструменты, должна быть человекоцентрична, отвечать интересам личности, общества и государства, прежде всего своим социально-ориентированным характером.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, уголовный процесс, транспарентность, социальное назначение уголовного судопроизводства, справедливость, баланс интересов.*

В эпоху цифровизации, когда человек, его права и свободы становятся наиболее уязвимы, на первый план выходит человекоцентричная модель государственной политики, носящая ярко выраженный охранительный и социальный контекст. Не исключение и уголовная политика государства, одним из прочных фундаментов которой является уголовно-процессуальная наука, где вызревает вопрос о ценностях и приоритетах, предназначении уголовного судопроизводства, которое, несмотря на разность затрагиваемых интересов личности, государства и общества, должно носить ярко выраженный социальный характер.

Безусловно, квинтэссенцией социальной сущности назначения уголовного судопроизводства, уравновешивающей баланс интересов различных участников процесса, является его справедли-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190, https://rscf.ru/project/25-28-01190/

вость, которая обеспечивается в процессуальной деятельности посредством повышения эффективности деятельности государства по обеспечению надлежащего уровня защиты прав и свобод человека и гражданина с одной стороны, и возможностью для государства с минимальными издержками разрешить уголовно-правовой конфликт с другой. Таким образом качество уголовно-процессуальной деятельности в социальном разрезе включает в себя критерий эффективности данной деятельности и ее доступности для граждан, то есть транспарентности в широком понимании.

Гарантии судебной защиты прав и свобод каждому человеку закреплены в Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 46), обвиняемые (в равной степени конечно и подозреваемые) находятся под защитой принципа презумпции невиновности (ст. 49), а лицам, оказавшимся жертвами преступлений гарантируется доступ к правосудию и компенсацию за вред и ущерб (ст. 52). Однако, думается, что в конституционно-правовом смысле применительно к сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов, определение «судебная защита» несколько сужено и должно распространяться и на сферу досудебного производства, быть применимо к деятельности субъектов предварительного расследования, а также лиц, осуществляющих контроль и надзор.

Как верно отметила А.В. Верещагина, деятельность государства в сфере уголовного судопроизводства направлена на обеспечение безопасности всего общества, что является публичным началом, а также на защиту прав и свобод личности, что является частным началом, соотношение которых может претерпевать изменение в зависимости от различных факторов [1, с. 88].

Проблематика, касающаяся назначения уголовного судопроизводства, его целей и задач, функциональной направленности деятельности участников уголовного процесса не теряет актуальности в связи с насущной потребностью разработать максимально сбалансированную, гармоничную, самостоятельную модель уголовного судопроизводства, адекватную современному состоянию общественных отношений. Как верно отмечает В.В. Дорошков, «духовно-нравственные основы нашего общества становятся специфической формой согласования свободы человека и его потребностей с интересами и потребностями всего общества и должны пронизывать весь отечественный уголовный процесс» [2, с. 23]. В свою очередь А.В. Агутин подчеркивает, что «опора государствен-

ной ценностно-смысловой идеологии отечественного уголовного судопроизводства на миропонимание, мировосприятие подавляющего большинства российского народа с неизбежностью приведет к росту уровня доверия к своему государству в лице органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам» [3, с. 15].

Следует согласиться с Н.В. Азаренком в мысли, что развитие российского уголовного судопроизводства невозможно без его исторических корней (формы), в рамках чего определение его задач охватывает важнейшие аспекты правоприменительной деятельности – воспитательный и профилактический, – воплощая социальную обусловленность и сущность российского уголовного процесса [4, с. 12, 23]. Однако весьма спорно утверждать, что данные задачи являются вспомогательными, поскольку в логике правоприменителя это, как показала практика, трактуется как нечто «второстепенное» и чего больше «не обязательное». Скорее следует говорить о превентивном, воспитательно-профилактическом характере уголовно-процессуальной деятельности как о сопутствующих задачах, предопределяющих или сопровождающих цель по установлению контроля над преступностью, справедливому разрешению уголовно-правового конфликта.

Уголовное судопроизводство, как правовое явление, давно рассматривается учеными-процессуалистами с разных сторон, и такой подход достаточно логичен. Так, Л.М. Володина, обоснованно отмечает две стороны уголовного процесса: первая заключается в том, что уголовный процесс представляет собой социально-правовой институт, который сложился из различных общественных отношений, способствующий решению правовых конфликтов в обществе; вторая – представляет уголовный процесс, как некую систему нормативно-ценностных норм, основой которых являются ценностные ориентиры общества в целом [5, с. 16].

Установление баланса интересов личности, общества и государства видится возможным через реализацию концепции транспарентности российского уголовного судопроизводства. Вопреки привычному пониманию транспарентности как информационной открытости, гласности при осуществлении соответствующего вида государственной деятельности, считаем, что применительно к уголовному судопроизводству ее следует рассматривать более глобально – как процессуальную основу открытого, доступного

и справедливого производства по уголовному делу, в том числе совокупность процессуальных средств обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Транспарентность не равна «вседозволенности» и «безусловной прозрачности», «безграничной доступности» всех уголовно-процессуальных процедур или информации о них. Кроме того, цифровизация, как явный инструмент обеспечения транспарентности, не является самоцелью, а должна иметь ярко выраженную социальную направленность и выступать средством служения интересам лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, находиться в границах действующих принципов уголовного судопроизводства в условиях повышенных процессуальных гарантий прав и свобод человека, а также интересам государства по установлению контроля над преступностью, справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Представляется, что обеспечение транспарентности уголовного судопроизводства находится в коррелирующей зависимости с проблемами достижения социального назначения данного вида государственной деятельности, поскольку она (транспарентность) в обозначенном нами смысле является средой для формирования справедливости и доступности уголовного судопроизводства. Таким образом, нахождение такого баланса видится в реализации социального предназначения уголовного судопроизводства в целом, и его транспарентности в частности: открытости, доступности и справедливости указанной деятельности со стороны государственных органов и должностных лиц не в ущерб их деятельности по установлению контроля над преступностью в сочетании с превентивной и воспитательно-профилактической компонентой.

Тем самым, концепция транспарентности, в контексте достижения социального назначения уголовного судопроизводства, несет в себе предупредительный (превентивный); охранительный; воспитательно-профилактический характер.

Список источников

1. *Верещагина А.В.* О цели уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292–1. С. 88–90.

2. *Дорошков В.В.* Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 14–25.

3. *Агутин А.В.* Духовные скрепы русского (российского) народа и либеральная стратегия (идеология) уголовного судопроизводства: диалектика духовно-нравственного (конкретного) и либерального (абстрактного) // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 13–19.

4. *Азаренок Н.В.* Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2021. 35 с.

5. *Володина Л.М.* Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 16–23.

Суворова Наталья Сергеевна,
(юрист, юридическая фирма «Спартак», г. Волгоград)

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье исследуются становление и развитие договора дарения в правовых системах различных эпох. Исследуются основные этапы формирования правового регулирования института дарения как в России, так и за рубежом, а также изменения юридической конструкции в условиях социально-экономического прогресса. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу договору дарения с момента его зарождения и до современности, начиная с римского права и современных правовых нор.

Ключевые слова: *договор дарения, римское право, Свод законов Российской империи, Германское гражданское уложение, Французский кодекс, история права, обязательства, имущественные права.*

Один из старейших институтов гражданского права – договор дарения, имеет богатую историю. Изучение процесса зарождения и развития института дарения необходимо для понимания современного регулирования и выявления тенденций развития.

Договор дарения, подобно купле-продаже, уходит корнями в историю Римской империи. В римском праве можно наблюдать его развитие: от неформального соглашения (Pactum donationis), не имевшего исковой защиты, до юридически защищенного (Pactum legitima). Дарение представляло собой безвозмездную передачу имущества с целью проявления щедрости. Ответственность дарителя была ограничена, а отмена дарения была возможна в случаях неблагодарности одаряемого или при определенных обстоятельствах.

В период феодализма дарение стало важным инструментом для укрепления политических и экономических связей.

Например, Свод законов Российской империи рассматривал дарение как добровольное и безвозмездное обогащение одного лица за счет уменьшения имущества другого. Несмотря на отсутствие точного понятия договора дарения, Свод Законов указывал на свободу собственника дарить благоприобретенное имущество, ограничивая лишь дарение родового имения в обход ближайших наследников. Важным условием было отсутствие обязательств как

у дарителя к совершению дара, так и у одаряемого к исполнению каких-либо обратных действий [1, с. 82–84].

Свод Законов устанавливал четкие границы дарения и духовного завещания, подчеркивая прижизненный характер передачи имущества по дарственной записи. Договор дарения определялся как двухсторонняя сделка, направленная на имущественное отчуждение и передачу имущества.

Д.И. Мейер рассматривал дарение как отчуждение имущественного права, ограничиваемое законом [2, с. 200–201]. По мнению Г.Ф. Шершеневича, договор дарения – безвозмездный договор, увеличивающий имущество одаряемого за счет дарителя. Форма дарения зависела от его предмета: для обязательства передать вещь в будущем письменная форма не требовалась, а для дарения недвижимости требовалось совершение крепостным порядком [3, с. 222].

Российское право имело значительное сходство в регулировании дарения с германским и французским, особенно в отношении обязательств и актов дарения.

Французский Кодекс рассматривал дарение как способ приобретения права собственности, сопоставимый с завещанием. Дарение определялось как немедленный и безвозвратный отказ дарителя от вещи в пользу одаряемого, с переходом права собственности с момента передачи вещи. Запрещалось дарение будущих вещей [4, с. 295–299; 5, с. 119–120].

Германское гражданское уложение (BGB) определяло договор дарения как обязательственный договор, порождающий обязательство дарителя по отношению к одариваемому произвести обещанное исполнение. Реализация права одаряемого на получение дара происходит через исполнение дарителем своей обязанности, например, путем передачи права собственности на предмет дарения. Отличительной чертой данного обязательства является его безвозмездный характер, то есть одаряемый не несет встречных обязательств по предоставлению какого-либо эквивалента дарителю [5, с. 124–130; 4, с. 225].

Но социально-экономическая сфера, в том числе и российское право не находились в стагнации, после Октябрьской революции 1917 г. началась масштабная национализация частной собственности, что существенно повлияло на институт дарения. Декрет ВЦИК 1918 г. ввел жесткие ограничения: максимальная стоимость дара не могла превышать 10 тыс. рублей, при этом каждая сделка тре-

бовала судебного или нотариального заверения. Сохранились эти ограничения и в Гражданском кодексе РСФСР 1923 г., но были отражены лишь в одной статье, дословно воспроизводящую положения Декрета. А также впервые в этом кодексе было сказано о закрепление обязательств, возникающих из договора дарения.

Значительный шаг в развитии данного института был сделан в 1964 г., когда ГК РСФСР выделил договору дарения отдельную главу (глава 23). Советское законодательство закрепило ключевой признак договора дарения – безвозмездный переход права собственности. Субъектами являлись простые граждане, то есть физические лица, а организации могли быть только одаряемыми.

Дальнейшее совершенствование регулирования произошло с принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г., который ввел обязательное нотариальное удостоверение договоров дарения и купли-продажи строительных материалов [6].

В советский период ученые и специалисты в области права пытались восполнить пробелы законодательства о дарении и оправдать его лаконичность. Но объективно это сделать невозможностью в условиях тоталитарного режима, особенно в сфере, затрагивающей имущественные права граждан. Принятие части второй ГК РФ (1996 г.) ознаменовало новый этап развития института дарения. В отличие от ГК РСФСР, современное законодательство расширило предмет договора, закрепило возможность как реального, так и консенсуального дарения (ст. 572 ГК РФ), ключевые признаки договора, спорные ограничения отмены дарения и т.д. В настоящее время институт дарения в российском праве выходит за рамки гражданского законодательства [7].

Проведенный историко-правовой анализ дает представление об институте дарения, о его генезисе и эволюции – от до современного регулирования в ГК РФ. Современное российское право сохранило ключевые принципы безвозмездности и свободы волеизъявления, значительно расширило предмет и формы дарения.

Список источников

1. Свод законов Российской империи. М., 1904, Т. 10.
2. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 1973. 367 с.
3. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 2025. 450 с.
4. Civil Code of France. Париж: Dalloz, 2017. 800 с.

5. *Шапп Я.* Основы гражданского права Германии. М., 1996. 283 с.

6. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г. URL: https://base.garant.ru/5181163/ (дата обращения: 11.06.2025).

7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/1 (дата обращения: 11.06.2025).

Судоргина Ирина Николаевна,
доцент кафедры истории государства и права
(Саратовская государственная юридическая академия),
кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА ГОСПИТАЛЕЙ САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена становлению и функционированию госпитальной системы Саратова и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *эвакогоспиталь, Великая Отечественная война, Сталинградская битва, военные лечебные учреждения.*

Событием, у которого нет аналогов в мировой истории, для России стала Отечественная война 1941–1945 гг. Этот период, по своей грандиозности и масштабу военных действий, огромному количеству жертв и разрушений, колоссальному воздействию на судьбу советской России и всего мира, не имеет себе равных.

Война, а особенно, мировая – это всегда многие тысячи раненых и искалеченных людей, которым требовалась немедленная медицинская помощь. Сегодня, когда мы празднуем 80-десятилетие Великой Победы в этой войне, как никогда «актуально звучит вопрос о патриотизме как замечательном качестве нашего народа» [1, с. 9]. Одним из его проявлений стал героический труд медицинских работников и обслуживающего персонала, их усилиями и заботой была оказана медицинская помощь 10,3 млн защитников Родины, выстроена эффективно работавшая в годы Великой Отечественной войны госпитальная система.

В это время Саратов и Саратовская область стали одной из крупнейших госпитальных баз страны, что обусловливалось рядом объективных причин, а именно: наличием большого числа медицинских учреждений и выгодным географическим положением (на пересечении железнодорожных и водных путей сообщения).

Красная Армия вступила в Великую Отечественную войну с явно недостаточной лечебной базой. Это обнаружилось уже летом 1941 г., когда существовавшая система военно-медицинской службы не смогла справиться с потоком раненых и искалеченных людей, а развернутая сеть тыловых госпиталей не удовлетворяла

армейским потребностям. Разработанная в предвоенные годы военно-медицинская доктрина оказалась несостоятельной [1, с. 21].

Мероприятия по совершенствованию системы военного здравоохранения в предвоенные годы были обусловлены в первую очередь опытом боевых действий у озера Хасан (июль–август 1938 г.), на реке Халхин-Гол (май–сентябрь 1939 г.) и особенно Советско-финской войной (ноябрь 1939 г. – март 1940 гг.), которые выявили существенные недостатки в медицинском обеспечении войск: не хватало медицинских кадров, особенно хирургов, полевая подготовка медицинского состава, и прежде всего, по вопросам военно-полевой хирургии, организации и тактике санитарной службы, оказались неудовлетворительными. Однако практические уроки, извлеченные из печального опыта всех этих войн, не были своевременно реализованы.

К началу войны так и не удалось закончить реорганизацию военно-медицинской службы. Так, медицинские учреждения Красной Армии накануне войны оказались укомплектованы врачами лишь на 77 %. Врачей-специалистов было еще меньше: потребность в хирургах обеспечивалась только наполовину, в рентгенологах на 70 % [1, с. 24].

В рамках общей военной советской доктрины предполагалось ведение боевых действий на территории противника и незначительные потери, а, следовательно, создание широкой сети эвакогоспиталей считалось нецелесообразным.

Как показали дальнейшие события, все предвоенные расчеты в отношении характера войны оказались несостоятельными (на первые полгода войны (с 22 июня по 31 декабря 1941 г.) число невосполнимых потерь составило 27,9 % от общего числа невосполнимых потерь за всю войну.

В 1942–1943 гг. на территории Нижнего Поволжья проходила Сталинградская битва, наложившая свой отпечаток на функционирование системы госпитального обслуживания региона. Часть территории была оккупирована врагом, часть – стала фронтовой, остальная территория являлась ближайшим тылом. В этот период роль Саратова и Астрахани в обслуживании раненых и больных неизмеримо возросла. Саратовские эвакогоспитали стали госпиталями ближайшего тыла, раненые доставлялись сюда, минуя медсанбат» [2].

Часто госпитали прибывали на место новой дислокации без необходимой материально-технической базы, так как, экстренно

эвакуируясь в тыл, вынуждены были оставлять имущество, предназначенное для вновь создаваемых госпиталей. Кроме того, остро стояла проблема нехватки вагонов и паровозов, которые должны были обеспечивать процесс передислокации госпиталей в военных условиях.

При этом перевозимые на восток госпитали не только бездействовали в пути следования, но значительная их часть не могла приступить к работе и по прибытии к новому месту назначения из-за отсутствия помещений и недостатка материальных ресурсов.

Приказ Народного комиссариата здравоохранения СССР от 30 сентября 1941 г. «О передаче эвакогоспиталей в тыловых районах страны в подчинение НКЗ СССР» стал доказательством того, что военное здравоохранение не могло обеспечить своими силами лечение раненых в госпиталях тыла, поэтому было принято решение о передаче гражданской медицины в подчинение интересам фронта.

Специализированные госпитали и отделения тыла возможно было формировать в тех городах, где имелись кадры врачей-специалистов, учитывая, что для укомплектования госпиталей необходимо было использовать, главным образом, невоеннообязанных врачей. Города Нижне-Волжского региона (Сталинград, Астрахань, Саратов) в полной мере отвечали этим требованиям. Во-первых, здесь размещалось и функционировало значительное число медицинских учреждений, НИИ, медицинских учебных заведений, большое количество врачей непризывного возраста. Так, в Саратове еще во время Советско-финской войны функционировало не менее 13 госпиталей.

Во-вторых, выгодное географическое положение (особенно Саратова), так как в условиях разрыва связей центра с Кавказом, река Волга стала важной водной магистралью для связи северных районов Верхнего Поволжья с восточными районами. Кроме того, Саратов был крупным железнодорожным узлом, соединявшим Среднее Поволжье с Нижним, железнодорожной магистралью Саратов-Астрахань, и с Уралом – магистралью Саратов – Уральск.

Таким образом, госпитальные базы тыла страны представляли из себя совокупность эвакогоспиталей различного профиля, а также подразделений их обслуживания и обеспечения, развернутых во время войны за пределами оперативного тыла для приема и лечения раненых и больных из действующей армии. Госпитальные базы тыла страны развертывались в основном за счет людских

и материальных ресурсов гражданского здравоохранения непосредственным распоряжением Народного комиссариата здравоохранения СССР, его органами на местах.

Следует отметить, что на протяжении лета 1941 г. – весны 1944 г. система эвакогоспиталей находилась в постоянном движении. Формирование или расширение одних, ликвидация других, передислокация, изменение графика лечения – все это происходило систематически, под воздействием военно-политических факторов.

К 1 июля 1942 г. количество госпиталей в Саратове и области достигло 69 (с числом коек 47 290) [3, д. 3537, л. 14].

В ходе летне-осенней кампании 1942 г. боевая обстановка вновь резко изменилась в пользу вражеских войск. Пришлось вернуться от реэвакуации к эвакуации госпиталей в районе Юго-Западного направления. Образовавшееся летом 1942 г. Северо-Кавказское направление просуществовало не долго. Под давлением немецко-фашистских войск наши войска были вынуждены оставить Северный Кавказ, Керченский и Таманский полуострова и отойти в предгорья Кавказского хребта.

В этих условиях госпитальная система полностью формировалась за счет внутренних ресурсов, т.е. мебель, столовую, кухонную посуду, медикаменты предполагалось полностью изыскивать на месте [1, с. 39].

С 18 июля 1942 г. изменилась оперативно-тактическая обстановка в Сталинградской области, которая привела к огромному скоплению раненых из Сталинграда в образовавшемся на железной дороге санитарном мешке [4].

К 15 августа санитарная пробка была ликвидирована, и в Сталинграде осталось около 4 000 раненых. Было принято решение оставить в городе 2 инфекционных госпиталя и 4 хирургических, остальные эвакуировались в Саратов. 27 августа 1942 г. эвакуация в основном была закончена. Раненые, эвакуированные на правый берег, силами работников передислоцированных госпиталей были направлены в Саратов (всего 20 составов). Саратов стал прифронтовым городом, раненые доставлялись водой, временными поездами-летучками [2].

В это тяжелое для страны время, по словам Д.Ф. Фролова, «только активное участие областного комитета помощи раненым при обкоме ВКП(б), согласованность в действиях организаций Народного комиссариата обороны и Народного комиссариата здравоохранения,

напряженная работа партийных, советских и общественных организаций Саратова вывели госпитали области из прорыва» [5, с. 99].

В последние полтора года войны (январь 1944 г. – июнь 1945 г.) госпитали Саратова и Астрахани выполняли функции госпиталей глубокого тыла, основной задачей которых было долечивание, социальная адаптация и трудоустройство инвалидов [6].

Статистические данные показывают, что максимальное количество госпиталей, функционировавших в Саратове и области, – 69 (на 1 июня 1942 г.), минимальное – 30 (на 1 января 1945 г.) – в том числе 5 госпиталей для обслуживания военнопленных [6].

Обобщая выше изложенное, следует сказать, что процесс развертывания госпитальной системы в Саратове и Саратовской области протекал в невероятно сложных условиях. Неожиданно огромные масштабы востребованного войной госпитального обслуживания армии, ограниченность материальных и кадровых ресурсов гражданского здравоохранения, частые передислокации эвакогоспиталей – все это удалось преодолеть лишь благодаря сочетанию местного централизма управления с самоотдачей трудовых коллективов, многих тысяч работников медицины, транспорта, промышленности, науки. Созданная в регионе система госпиталей эффективно действовала на протяжении всей войны, оказав важное воздействие на ход Сталинградской битвы, ряда других сражений Великой Отечественной войны.

Проблема обеспечения госпиталей кадрами медицинских работников была решена с помощью сочетания принципа жестокого централизма в управлении сверху донизу и широкой инициативы на местах. К подготовке кадров были привлечены государственная система образования, структуры общества Красного Креста, все возможности территориального здравоохранения. Координирующую и организующую роль в обеспечении этого процесса сыграли областные партийные органы здравоохранения и народного образования, а также различные общественные организации. По нашему мнению, именно совместные усилия всех этих государственных и общественно-политических структур обеспечили в целом благополучное решение кадровой проблемы для эвакогоспиталей региона и страны в годы Великой Отечественной войны.

Немаловажное значение для организации работы госпиталей имело развернувшееся в стране всенародное движение шефства над госпиталями. Под руководством местных партийных орга-

нов помощь населения госпиталям региона приобрела широкий размах, систематичность, определенную управляемость. Главной стала роль шефства при решении проблем, связанных с питанием, снабжением донорской кровью, топливом, обеспечением бельем и домашней утварью, организацией досуга раненых.

Таким образом, говоря о вкладе гражданского и военного здравоохранения в дело Победы, необходимо помнить, что именно эффективно функционировавшая на территории страны госпитальная система, стала основным источником пополнения физических ресурсов Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Список источников

1. *Судоргин Н.С.* Спасибо за жизнь. Саратов: Полиграфист, 2015. 144 с.

2. ГА РФ. Ф. 482. Оп. 47–1. Д. 2185. Л. 47.

3. Центр хранения, изучения документов новейшей истории Саратовской области. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2189. Л. 30–32.

4. Российский центр хранения, изучения документов новейшей истории. Ф. 603. Оп. 1. Д. 170. Л. 84.

5. *Фролов Д.Ф.* Подвиг Саратовцев в Великой Отечественной войне. Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1972. 160 с.

6. Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны. Ф. 281. Оп. 71426. Д. 6. Л. 1.

Тарасова Екатерина Юрьевна,
директор проектов по искусственному интеллекту,
преподаватель магистерских программ
(Президентская Академия, РАНХиГС)

НОВЫЙ ФОРМАТ ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ШИРОКОМ ВНЕДРЕНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Статья посвящена исследованию необходимости реформирования традиционных моделей трансфера знаний в условиях интенсивного внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в университеты. Цель работы – обосновать модель университета будущего, интегрирующего ИИ-технологии с сохранением гуманитарных и этических принципов. Ожидается, что предложенная модель будет способствовать эффективному и безопасному распространению знаний и инноваций.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, трансфер знаний, университеты, цифровая трансформация, этика, образование, гуманитарные ценности.*

Современные университеты постоянно сталкиваются с увеличивающимся спектром вызовов и требований, обусловленных динамичными социальными и технологическими изменениями. В частности, в 2025 г. была перезапущена государственная программа «Приоритет 2030», направленная на достижение Россией технологического лидерства.

В данных условиях актуализируется вопрос: каким образом гуманитарным университетам адаптироваться к новым технологическим и социально-экономическим требованиям, сохранив при этом высокое качество и содержательную глубину образовательного процесса?

Целесообразно обратиться к концепции, изложенной Петром Кропоткиным, который еще в 1922 г. подчеркивал важность кооперации и взаимопомощи как фундаментальных факторов устойчивого развития цивилизации [1, с. 203].

Если рассмотреть университеты, как «потенциально исчезающий вид социального института», то особенно важно вспомнить о том, что ключевая миссия университетов с XII в. – транс-

фер универсальных знаний – не должна подвергаться нивелированию [6, с. 5].

Кроме того, модель университета третьего поколения, предложенная Йоханом Виссемой. Согласно этой модели, университеты эволюционируют от закрытых академических организаций к активным участникам экономического и образовательного развития, интегрируя научные исследования, образовательные процессы и коммерциализацию собственных инноваций [4, с. 102].

Современные условия диктуют необходимость практико-ориентированного подхода в высшем образовании, быстрого внедрения инновационных образовательных программ, использования фиджитал-форматов обучения, гиперперсонализации образовательного процесса и повышения автономности внутренних организационных процессов.

Важным является вопрос определения субъектов ответственности за сохранение и развитие фундаментальных гуманитарных компетенций, таких как критическое мышление, эмпатия, социальная ответственность, креативность и умение эффективно работать в команде. Александр Асмолов в своей работе «Психология достоинства» подчеркивает, что формирование личного достоинства через коммуникацию и эмпатию является ключевой задачей университетов, выступающих центрами воспитания таких гуманистических ценностей [2, с. 285].

Возникает закономерный вопрос о том, как университеты могут одновременно эффективно внедрять современные технологии, поддерживать сотрудничество с бизнесом и сохранять традиционные гуманитарные ценности. Ответом на данный вопрос служит предложенная на форуме концепция нового формата трансфера знаний.

Предлагаемая концепция представляет собой модель, основанную на использовании ИИ-агентов, которые выступают эффективным инструментом для ускорения и повышения качества трансфера знаний и технологий.

Формирование единого ИИ-ландшафта для университетов позволяет создать интегрированную экосистему, объединяющую университеты, органы государственной власти и бизнес-структуры для разработки общей инфраструктуры, обеспечения принципов безопасности, этических стандартов внедрения и использования ИИ-технологий.

Таким образом, эффективная интеграция передовых технологий искусственного интеллекта в образовательную среду при активном взаимодействии университетов, государства и бизнеса способна не только поддержать технологическое развитие высших учебных заведений, но и способствовать сохранению и укреплению фундаментальных гуманитарных ценностей Страны. Университеты, внедряющие инновационные подходы, будут способны

успешно совмещать технологический прогресс и традиционные академические принципы, что обеспечит их устойчивое развитие и конкурентоспособность в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / предисл. А.Ю. Федорова; вступ. ст. М.И. Гольдсмит; прил. Д.И. Рублева. 2-е изд., доп. М.: URSS, 2010. 280 с.

2. *Даудов А.Х., Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* История ведущих университетов мира: учеб. пособие. СПб.: Алетейя, 2021. 106 с.

3. *Виссема Й.Г.* Университет третьего поколения. М.: ОлимпБизнес, 2009.

4. *Асмолов А.* Психология достоинства: искусство быть человеком. М.: Альпина Паблишер, 2025. 398 с.

Туманов Сергей Николаевич,
заведующий кафедрой истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия), доктор юридических наук, профессор

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе исторических фактов показано, как сразу же по окончании Второй мировой войны США и Великобритания развертывают против СССР тотальную идеологическую и когнитивную борьбу. С 1945 г. и по настоящее время англосаксы только совершенствовали свои приъемы и методы. Одной из принципиальных целей для них является пересмотр итогов той войны. В национальных интересах российского общества не допустить этого.

Ключевые слова: *современные интерпретации Второй мировой войны, историческое и когнитивное противостояние, историко-правовой анализ***.**

Как мы все хорошо знаем, в многовековой истории войн очевидным итогом является заключение мира или перемирия воюющими сторонами. Очевидно и другое, мир заключается на условиях того, кто одержал военную и политическую победу. Нередко главы проигравших государств утрачивали власть и, даже лишались жизни, но часто ничего подобного не было. И мир сохранялся до новой войны.

Однако цели агрессора, масштабы и разрушения во Второй мировой войне оказались столь чудовищными, что это потребовало международного правового осуждения. В момент завершения Второй мировой войны вопрос о суде над главарями нацизма на некоторое время нашел понимание у союзников.

Как указывает в предисловии к своей книге «Суд народов» Александр Звягинцев: «Восьмого августа 1945 года, через три месяца после Победы над фашистской Германией, правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили соглашение об организации суда над главными военными преступниками. Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире… В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств, и Трибунал стал с полным правом называться Судом народов» [1, с. 22–23]. Таким образом, Международный военный трибунал в Нюрнберге стал пер-

вым в истории опытом суда над преступлениями государственного масштаба, над нацистским правящим режимом, его карательными институтами, высшими политическими и военными деятелями.

Но уже на самом суде проявилось стремление со стороны США и Великобритании взять под опеку руководителей и видных деятелей нацизма, чтобы использовать их в борьбе с Советским Союзом.

В послевоенную эпоху кроме нарастания военно-политического противостояния против нашего народа велась и, особенно агрессивно ведется сегодня, историческая, идеологическая и когнитивная война.

Последовательно, сначала на уровне фактов Запад стал навязывать нам иное видение событий Второй мировой войны. Это был первый информационный уровень. Затем, на втором уровне, стали внедряться в общественное сознание выводы, искажающие и извращающие суть происходивших событий [2, с. 341]. На третьем уровне стала распространятся теория, что вообще у советского народа нет права судить своих врагов в этой войне. Например, аргумент: Россия всегда с кем-нибудь воюет, Россия агрессивная страна и т.д.

Под влиянием западных теорий в нашей исторической литературе стали появляться публикации, которые были не просто ошибочными в силу некомпетентности их авторов, а зачастую конъюнктурными и целенаправленно фальсифицированными.

Обильное финансирование такого рода авторов из различных западных фондов в очень короткий срок привело к тому, что эти грантоеды в своих публикациях полностью извратили роль советского народа в ВОВ и историческое значение победы СССР [3, с. 1]. Понадобилось принимать специальные нормативно-правовые акты, запрещающие отождествлять роль СССР и нацистской Германии во второй мировой войне, запрещающие отрицать решающую роль СССР в разгроме гитлеровской Германии и запрещающие отрицать гуманитарную миссию Красной Армии во время освобождения стран Европы от фашизма.

Поэтому необходимость защиты исторической правды о Великой Отечественной войне становится все более настоятельной. Такая задача была поставлена еще в президентском Указе В.В. Путина о подготовке новой многотомной истории Великой Отечественной войны и образовании Редакционной комиссии (2008 г.).

Попытки фальсификации истории ВОВ в России и за рубежом предпринимались и раньше, но сегодня они стали особенно актив-

ны. Этот процесс происходит в различных формах [4, с. 446]. Путем искажения и подтасовки фактов или их замалчивания, в виде прямого вымысла или с использованием этих форм в их сочетании. Так, например, в связи с 70-летием начала Второй мировой войны Парламентская Ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «О воссоединении разделенной Европы». В ней вина за развязывание войны возлагалась в равной мере на нацистскую Германию и СССР. Советское участие в ней объявлялось страшной трагедией для европейских народов, а современной Российской Федерации предлагалось отказаться от прославления Великой Победы и проведения парадов в ее честь [5, с. 18]. Ревизия истории войны ставит своей целью пересмотр ее геополитических итогов.

России как историческому наследнику Советского Союза провокационно навязывается вина за события и, трагедии тех лет и, тем самым создается база для предъявления нашей стране – политических, финансовых, территориальных и других претензий [6, с. 4]. Упор в так называемом новом историческом подходе делается не только на современную историю России. Ревизии подвергается вся русская история. Ее цель – создание определенного, нелицеприятного стереотипа нашего народа в общественном сознании западных стран, провокационное навязывание русским людям чувства вины за события исторического прошлого, чтобы мы сегодня не гордились нашими предками, а испытывали бы чувство горечи, разочарования и обреченности [7, с. 386].

Используя подобные методы, Западу удалось на Украине переформатировать общество и реализовать проект «Украина-Анти-Россия».

В стране, через которую страшным катком прошла Вторая мировая война со зверствами фашистов, уничтожением людей, трагедией Бабьего Яра нацизм получил широкое распространение и прочно закрепился в сознании украинцев при поддержке и покровительстве со стороны марионеточного правительства. В стране, где 90 % населения говорит на русском языке, и только 50 % на украинском (по данным украинских же экспертов), был принят дискриминационный в отношении русского языка закон. Запад смог посредством когнитивно-исторической обработки украинского общества сделать часть русского населения непримиримыми противниками русской истории и России. В стране, где особенно почитаема православная вера, была фактически разрушена право-

славная церковь, а верующие и священнослужители подвергнуты гонениям.

Нарабатывая практику разрушения и переформатирования общества, запад предпринимает активные попытки и в отношении России, стремясь посеять межнациональную и межрелигиозную вражду, уничтожить традиционные ценности.

Сегодня, когда сброшены последние маски западного лицедейства нам необходимо активизировать работу по защите исторической правды, сохранению исторической памяти и созданию четкой концептуальной доктрины на основе которой мы должны воспитывать молодое поколение в духе патриотизма и государственного мышления. Это задача государственной важности, это задача сохранения России.

Список источников

1. *Звягинцев А.Г.* Суд народов. М.: Рипол-Классик, 2020. 1096 с.
2. *Барсенков А.С., Вдовин Д.И.* История России 1917–2004 гг. М.: Аспект Пресс, 2011. 816 с.
3. *Огнев А.* Клевещут те, кто жаждал победы Германии // Правда. 2011. 6 окт.
4. История России. Проблемы цивилизационного развития / под ред. В.В. Рыбникова, В.А. Динеса. Саратов: ИЦ СГСЭУ, Летопись, 1999. 548 с.
5. Проблемы гуманитарных наук: история и современность: альманах. Саратов: ИЦ СГСЭУ, 2006.
6. *Бушин В.* Бомбежки народной памяти // Завтра. 2009. № 17 (805). URL: https://zavtra.ru/blogs/2009-04-2241 (дата обращения: 02.06.2025).
7. *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* История России. М.: НОРМА, 2007. 512 с.

Чайковский Дмитрий Станиславович,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия), кандидат физико-математических наук

АВТОРСТВО И ПРАВА НА КОНТЕНТ, СОЗДАННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Статья исследует актуальную проблему правового регулирования авторства и прав на контент, созданный с помощью искусственного интеллекта в Российской Федерации. Автор подчеркивает, что стремительное развитие генеративных ИИ-моделей привело к значительной правовой неопределенности, поскольку действующее законодательство (в частности, ст. 1257 ГК РФ) не предусматривает признания ИИ субъектом права и носителем авторских прав.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, генеративный ИИ, авторское право, авторство, правообладатель, deepfake, законодательное регулирование ИИ.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) [1, с. 145], особенно генеративных моделей, способных создавать тексты, изображения, музыку и код, поставило перед правовой системой России, как и всего мира, сложный вопрос: кто и на каком основании обладает правами на произведения, созданные при непосредственном участии ИИ? Российское законодательство пока не дает однозначных ответов, создавая значительную правовую неопределенность для разработчиков, пользователей и правообладателей.

Фундаментальная проблема кроется в ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2]. Автором произведения науки, литературы или искусства признается физическое лицо, творческим трудом которого оно создано. Искусственный интеллект, каким бы «умным» он ни казался, не является субъектом права. Он не обладает правоспособностью и не может быть носителем авторских прав.

В отсутствие специальных норм, регулирующих ИИ-творчество, суды и Роспатент (Федеральная служба по интеллектуальной собственности) вынуждены применять традиционные положения авторского права, что приводит к следующей преобладающей позиции:

1. ИИ как «инструмент» (орудие): ИИ рассматривается по аналогии с фотоаппаратом, кистью или программой для дизайна. Он лишь инструмент в руках человека.

2. Авторство человека: автором может быть признано физическое лицо, которое:

- инициировало создание: Сформулировало запрос (промпт), задачу;
- осуществляло творческий контроль и выбор: Не просто ввело простой запрос, но активно участвовало в процессе: корректировало промпты, выбирало из множества вариантов, вносило значимые творческие изменения и доработки после генерации ИИ, компилировало результат с другими элементами;
- придало произведению окончательную форму.

3. Оригинальность и творческий характер: произведение, даже созданное с помощью ИИ, должно обладать признаками оригинальности и быть результатом творческой деятельности человека. Простая генерация по примитивному запросу без творческого вклада человека вряд ли будет охраняться авторским правом.

В этой связи возникают сложности и спорные ситуации:

1. Степень вклада человека. Где проходит грань между «простым использованием инструмента» (когда охрана сомнительна) и «творческим вкладом» (когда авторство человека признается)? Это ключевой вопрос для судов.

2. Может ли разработчик (правообладатель) алгоритма ИИ претендовать на авторские права на все произведения, созданные с его помощью? В российской практике такая позиция крайне маловероятна. Права разработчика обычно ограничиваются правами на саму программу (ПО) как объект авторского права и, возможно, патентами на алгоритмы. Генерация уникального контента пользователем не переходит автоматически к разработчику ИИ.

3. Права на данные для обучения: Использование охраняемых авторским правом произведений для обучения ИИ-моделей без разрешения правообладателей потенциально может считаться нарушением (например, права на воспроизведение). Этот вопрос активно дискутируется глобально, и Россия не исключение. Прямого разрешения в законе пока нет.

4. Регистрация прав: Роспатент регистрирует программы для ЭВМ и базы данных. Однако регистрация содержания, созданного ИИ (картины, текст, музыка), в качестве объекта авторского права

не предусмотрена законом и не требуется. Доказательством авторства служат иные способы (депонирование у нотариуса, у специализированных организаций, сохранение черновиков и промптов). При регистрации, например, программы, использующей ИИ, созданный ею контент не регистрируется вместе с ней.

5. Deepfakes и нарушения прав: использование ИИ для создания deepfake-видео или контента, нарушающего права третьих лиц, является прямым нарушением закона (право на изображение, авторские права, права на товарный знак и т.д.).

В мае 2025 г. в Госдуму внесен законопроект № 922784-8, расширяющий действие ГК РФ на искусственный интеллект [3]. Законопроект вносит уточнения, которые разрешает патентовать изобретения, основанные на машинном обучении (включая глубокое обучение и ИИ). Причем, патентуемые решения могут использоваться в любых отраслях (химия, металлургия, электроника, транспорт, спорт и т.д.). Поправки коснутся следующих статей ГК РФ: 1261 (программы для ЭВМ), 1350 (условия патентоспособности изобретения), 1351 (условия патентоспособности полезной модели), 1352 (условия патентоспособности промышленного образца), 1358 (исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец).

Таким образом, в экспертном сообществе идут дискуссии о необходимости адаптации ГК РФ или принятия специального закона. Возможные пути [4, 5]:

- признание правообладателя ИИ-системы (разработчика/оператора) субъектом прав на сгенерированный контент по умолчанию, если иное не предусмотрено договором с пользователем;
- введение особой категории «сгенерированного содержания» с усеченным объемом прав или особым режимом охраны (например, как у баз данных);
- явное закрепление критериев «творческого вклада» человека для признания его автором.

Для минимизации спорных ситуаций, вызванных использованием ИИ при генерации различных объектов, можно выделить следующие практические рекомендации:

- документировать процесс: сохранять историю промптов, варианты генерации, доказательства творческого выбора и доработок пользователя;
- четкие пользовательские соглашения: разработчикам ИИ необходимо прописывать в соглашениях с пользователями: Кто об-

ладает правами на сгенерированный контент (пользователь или разработчик?);

- гарантии пользователя, что его промпты не нарушают права третьих лиц;
- ограничения ответственности разработчика за контент;
- обязанность пользователя соблюдать закон (особенно при создании deepfakes, нарушающих права);
- договоры при заказе: если ИИ-контент создается по заказу (фрилансером, студией), в договоре подряда/авторского заказа четко указывать, кто будет правообладателем результата;
- осторожность с обучением: разработчикам ИИ следует стремиться к использованию легально полученных данных для обучения моделей (открытые лицензии, лицензионные соглашения, собственные данные) для минимизации рисков исков от правообладателей.

Таким образом, правовая охрана произведений, созданных с помощью ИИ в России, находится в стадии становления. Доминирующий подход – признавать автором человека, внесшего творческий вклад, используя ИИ как инструмент. Однако эта позиция не охватывает всех нюансов, особенно при сложном взаимодействии человека и ИИ или полностью автономной генерации. Законодательное регулирование отстает от технологий, создавая риски и неопределенность. Принятие закона об ИИ и возможные поправки в ГК РФ в ближайшие годы должны дать более четкие ответы на вопросы авторства, охраноспособности и распределения прав на ИИ-генерируемый контент. Пока же участникам рынка необходимо действовать осторожно, документировать процессы и строить отношения на четких договоренностях.

Список источников

1. *Chaikovsky D.S., Izotova V.F., Leskina E.I.* Improvement of digital economy regulation through formation of big data categorial concepts // EUROPEAN PROCEEDINGS OF SOCIAL AND BEHAVIOURAL SCIENCES: International Scientific and Practical Conference «State and Law in the Context of Modern Challenges» (SLCMC 2021) / ed.: S. Afanasyev, A. Blinov, S. Belousov. London: European Publisher, 2022. С. 144–149.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 22 июля 2024) // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496.

3. Законопроект № 922784-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/922784-8 (дата обращения: 01.06.2025).

4. *Казанцев Д.А.* Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(4). С. 909–931.

5. *Tzimas T.* Evolution of Copyright in the Era of Artificial Intelligence: Analysis of Conflicts of Law and Judicial Precedents // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3(1). P. 35–64.

Чурикова Анна Юрьевна,
профессор кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия), доктор юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛОКЧЕЙНА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ[1]

В статье рассматриваются перспективы использования блокчейн-технологий в судебных стадиях уголовного процесса. Анализируется опыт Китая по регулированию внедрения блокчейна в судах. Выделены основные направления применения технологий блогчейна в целях обеспечения прозрачности, доступности и открытости информации по уголовным делам, а также создания защищенной системы хранения данных. Подчеркивается необходимость учета технических, юридических и этических аспектов при реализации блокчейн-решений в судебной сфере.

Ключевые слова: *транспарентность, блокчейн, уголовное судопроизводство, цифровые технологии, зарубежный опыт.*

Современное общество предъявляет все более высокие требования к прозрачности и доступности информации о деятельности судов, особенно в сфере уголовного судопроизводства. В условиях интенсивного развития цифровых технологий возникает необходимость поиска инновационных решений, способных повысить эффективность, объективность и открытость судебных процедур. Одним из наиболее перспективных направлений является использование блокчейн-технологий – децентрализованных и неизменяемых систем хранения данных, обладающих высокой степенью прозрачности и безопасности.

Использование блокчейн-технологий в судебном производстве по уголовным делам в перспективе может обеспечить надежное хранение доказательств, автоматизацию процесса и публичный доступ к информации при сохранении требований конфиденци-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190 «Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации», https://rscf.ru/project/25-28-01190/

альности [1, p. 2780; 2, с. 116]. Однако внедрение таких инноваций сопряжено с рядом технических, юридических и этических вызовов, требующих тщательного анализа [3, с. 152].

Уголовное судопроизводство, являясь краеугольным камнем правового государства, несет на себе бремя не только эффективного противодействия преступности, но и безусловного обеспечения гарантий прав личности и общественного доверия к правосудию. Транспарентность судебного производства выступает здесь не просто декларативным принципом, а фундаментальным условием легитимности принимаемых решений, действенного контроля за соблюдением закона и профилактики судебных ошибок и злоупотреблений.

Простой переход на электронные формы документооборота не решает ключевых задач обеспечения неприкосновенности, неизменности и прослеживаемости процессуальных данных. Именно здесь на первый план выходит блокчейн (фактически разновидность технологии распределенных реестров), предлагающий уникальную комбинацию свойств: децентрализованное хранение данных, исключающее единую точку отказа или контроля; криптографически гарантированную неизменность внесенных записей; прозрачность и аудируемость истории операций для авторизованных участников; потенциал автоматизации процедур через смарт-контракты. Эти свойства позволяют позиционировать блокчейн как потенциально революционный инструмент для построения новой парадигмы уголовного процесса – максимально открытого, защищенного от фальсификаций и технологически эффективного [4, с. 155–157].

В связи с этим особый интерес представляет зарубежный опыт по использованию блокчейн-технологий в судопроизводстве по уголовным делам. Еще в мае 2022 г. Верховный народный суд Китайской Народной Республики опубликовал «Заключение Верховного народного суда по вопросу усиления применения блокчейна в судебной сфере» (далее – Заключение) [5]. В данном Заключении в качестве одного из главных направлений обозначено максимальное использование технологии защиты данных блокчейна для дальнейшего повышения доверия к судебной системе.

В Заключении изложены основные сценарии применения технологии блокчейн в судебной сфере Китая, согласно которым предлагается использовать блокчейн для создания и хранения судебных данных. Ожидается, что судебные данные народных судов, включая электронные материалы дел, электронные архивы, судебную статистику

и статус рассмотрения дел, будут храниться с использованием технологии блокчейн, что обеспечит защиту судебных данных от несанкционированного доступа и повысит безопасность данных. Использование блокчейна фактически предлагается как некая «техническая гарантия» безопасности судебных данных, достоверности электронных доказательств, соблюдения установленных законом процедур и авторитетности судебных документов. Кроме того, предполагается, что применение блокчейна позволит повысить эффективность судебной системы путем обеспечения возможности распространения и использования информации о материалах дела, соединения медиации и судебного разбирательства, соединения судебного разбирательства и исполнительного производства; укрепит сотрудничество судебных органов на разных уровнях и территориях, а также будет способствовать таким процессам, как проверка квалификации юристов, совместное рассмотрение дел юридическими отделами и межведомственное сотрудничество в области правоприменения.

Учитывая опыт Китая, можно выделить основные направления использования технологии блокчейн в целях обеспечения транспарентности судебного производства по уголовным делам.

Первым и наиболее очевидным направлением является создание системы электронного хранения информации. В данном случае блокчейн может служить платформой для фиксации всех этапов судебных заседаний и вынесения решений. Такой подход обеспечивает неизменяемость записей, что существенно снижает риск фальсификации данных. В результате все участники процесса: судьи, прокуроры, адвокаты, обвиняемые и потерпевшие – получают доступ к достоверной и легитимной, т.е. признаваемой судом и иными органами власти информации о ходе дела, что способствует повышению уровня доверия к судебной системе.

Второе направление – обеспечение прозрачности доказательственной базы. Использование блокчейна для хранения и верификации доказательств позволяет подтвердить их подлинность и целостность на всех этапах судопроизводства. Например, цифровые копии документов или видеозаписи могут быть зафиксированы в блокчейне с помощью хеш-функций, что обеспечивает возможность проверки их подлинности без риска их изменения или подделки. Такой механизм способствует формированию надежной доказательственной базы, которая может быть проверена в любой момент без необходимости обращения к исходным носителям.

Третьим перспективным направлением является автоматизация процедур с помощью смарт-контрактов. Смарт-контракты – это программируемые соглашения, которые автоматически исполняются при выполнении заданных условий. В контексте уголовного судопроизводства они могут использоваться для контроля за соблюдением процессуальных сроков, автоматического уведомления участников о необходимости выполнения определенных действий или автоматического запуска определенных процедур при наступлении конкретных событий. Это будет способствовать повышению эффективности процесса и снижению человеческого фактора, связанного с возможными ошибками или злоупотреблениями.

Четвертым направлением выступает обеспечение публичного доступа к судебной информации с учетом требований безопасности и конфиденциальности. Блокчейн позволяет реализовать системы с разграничением доступа: часть информации может быть открытой для общественности (например, резолютивные части решений), а часть – закрытой (личные данные участников). Такой подход обеспечивает баланс между прозрачностью и защитой прав участников процесса.

Пятое направление – внедрение систем аутентификации участников процесса через блокчейн-идентификацию. Использование криптографических методов позволит удостоверять личность судей, прокуроров, адвокатов и свидетелей, что снизит риск фальсификаций и обеспечит более высокий уровень ответственности за действия участников.

Таким образом, применение технологии блокчейн в различных аспектах судебного производства по уголовным делам открывает широкие возможности для повышения транспарентности, укрепления доверия общества к правовой системе и повышения эффективности уголовного судопроизводства. Однако следует учитывать технические сложности реализации таких систем, необходимость защиты персональных данных, а также потребность в формировании нормативно-правовой базы для внедрения блокчейна в уголовное судопроизводство.

Список источников

1. Fu-Ching Tsai The Application of Blockchain of Custody in Criminal Investigation Process // Procedia Computer Science. 2021. Vol. 192. P. 2779–2788.

2. *Бертовский Л.В., Девяткин Г.С.* Перспективы применения технологии «блокчейн» в уголовном судопроизводстве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXIV Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2019. С. 115–118.

3. *Лютиков С.В.* Проблемы уголовного судопроизводства при реализации блокчейн-технологий // Правовые, организационные, этические основы противодействия коррупции в системе государственной службы РФ: сб. науч. ст. по результатам Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск: Всерос. гос. ун-т юстиции, 2023. С. 152–162.

4. *Яковлева К.Ю.* Возможности применения технологии «блокчейн» в уголовном процессе // Технологии XXI века в юриспруденции: матер. Шестой всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Крим-Либ, 2024. С. 154–160.

5. 最高人民法院关于加强区块链司法应用的意见》全文 (Полный текст «Заключения Верховного народного суда об усилении судебного применения блокчейна»). URL: http://frlde.court.gov.cn/3/2205/148.html (дата обращения: 12.05.2025).

Чхутиашвили Лела Васильевна,
профессор кафедры управления и экономики
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор экономических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ SMART-КОНТРОЛЯ КАК ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Доклад посвящен анализу перспектив развития SMART-контроля как основы построения эффективного государственного управления в целом и, по возможности, исключения человеческого фактора в учетно-контрольных и аналитических процессах. Применение цифрового контроля играет ключевую роль в улучшении общей системы контроля и обеспечении эффективной работы организаций, а также рационального использования их финансовых ресурсов, усиливает контроль и подотчетность, а также помогает предотвратить финансовые нарушения. Эффективная система цифрового аудита способствует построению современного и эффективного государственного управления.

Ключевые слова: *SMART-контроль, блокчейн, искусственный интеллект, машинное обучение, эффективное государственное управление, цифровые технологии, финансовые нарушения, стратегические цели.*

Становление цифрового государства и внедрение SMART-контроля побуждает к внедрению новых институтов, таких как цифровой аудит, направленный на построение эффективного государственного управления.

Внедрение и использование цифровых технологий в государственном контроле предоставляет руководству независимую и объективную оценку от аудиторов, помогая компаниям успешно выполнять свои производственные и другие хозяйственные задачи и достигать стратегических целей [1].

SMART-контроль – это процесс проверки и контроля информационных систем и технологий, используемых в организациях, направленный на оценку эффективности, безопасности и соответствия стандартам, а также на выявление потенциальных проблем и возможностей для улучшения [2].

По нашему мнению, SMART-контроль можно охарактеризовать как интеллектуальную систему мониторинга, нацеленную на предупреждение нарушений бюджетного законодательства посредством визуализации рабочих процессов, четкого разделения операций с документами и процедурами, непрерывного анализа продуктивности действий, выявления слабых звеньев («узких мест») и рискованных участков, а также оптимизации выявленных проблемных направлений деятельности [3].

Для построения эффективного государственного управления основными направлениями в SMART-контроль являются такие факторы, как:

1) использование автоматизации и роботизации контрольно-учетных мероприятий, специализированного программного обеспечения для анализа больших объемов данных, выявления аномалий, тенденций и рисков;

2) анализ больших объемов структурированных и неструктурированных данных из различных источников (ERP-системы, CRM-системы, социальные сети, логи и т.д.) для получения более глубокого понимания бизнес-процессов и выявления потенциальных рисков;

3) применение искусственного интеллекта и машинного обучения как противодействие сомнительным транзакциям и моделям поведения, которые могут быть направлены в обход закона или с целью его нарушения;

4) применение блокчейна для обеспечения прозрачности и неизменности данных с учетом оборота криптовалюты, возможно применение специальных методик и инструментов в блокчейне и оценки рисков, связанных с криптовалютами;

5) моделирование кибератак для выявления уязвимостей в информационных системах, а также оценка эффективности мер по защите информации от киберугроз и соответствия нормативным требованиям.

Все эти направления будут способствовать повышению прозрачности и подотчетности, так как публикация результатов SMART-контроля в открытом доступе способствует повышению прозрачности деятельности государственных органов и повышению уровня доверия населения [4].

Кроме того, можно выделить и проблемы, которые необходимо решать с целью построения эффективного государственного управления:

1) недостаточное развитие цифровой инфраструктуры вытекает в невозможность проведения надлежащих контрольно-ревизионных мероприятий;

2) отсутствие квалифицированных кадров, так как важно наличие специальных знаний и навыков в цифровой сфере, а не только экономической и расчетной составляющих;

3) отсутствие четкой нормативно-правовой базы для защиты данных от несанкционированного доступа, утечки и кибератак.

С учетом изложенного, можно предложить следующие пути решения вопросов, связанных с развитием SMART-контроля для построения эффективного государственного управления:

1) разработка четкой стратегии, определяющей цели, задачи, приоритеты и этапы SMART-контроля, а также программы обучения и переподготовки аудиторов, направленные на приобретение знаний и навыков в области цифровых технологий;

2) обеспечение наличия современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, необходимой для использования цифровых технологий в государственном финансовом контроле;

3) разработка нормативно-правовых актов, регулирующих использование цифровых технологий в финансовом контроле, обеспечивающих безопасность и защиту данных;

4) развитие активного сотрудничества с международными организациями и зарубежными странами для обмена опытом и передовыми практиками в области SMART-контроля;

5) повышение осведомленности государственных служащих и общественности о преимуществах и возможностям SMART-контроля.

Таким образом, SMART-контроль является перспективным направлением развития государственного управления [5], позволяющим повысить эффективность использования бюджетных средств, усилить контроль и подотчетность, а также предотвратить финансовые нарушения. Для успешного внедрения цифрового аудита необходимо решить ряд организационных, технологических и правовых проблем, обеспечить развитие кадрового потенциала. Реализация предложенных рекомендаций позволит создать эффективную систему цифрового контроля, способствующую построению современного и эффективного государственного управления.

Список источников

1. *Березюк В.И.* Перспективы развития цифрового аудита в Республике Казахстан в условиях перехода к цифровой экономике // Учет. Анализ. Аудит. 2024. Т. 11, № 1. С. 27–38.

2. Цифровой аудит // CFO Russia. URL: https://www.cfo-russia.ru/glossariy/242/87646/ (дата обращения: 18.03.2025).

3. *Чхутиашвили Л.В.* СМАРТ-контроль в здравоохранении // Бухучет в здравоохранении. 2024. № 10 (274). С. 38–43.

4. *Спиваченко Д.В.* Обращения граждан в органы публичной власти как индикатор уровня доверия населения // Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества Независимых Государств: сб. науч. тр. / отв. ред. О.С. Рыбакова. М., Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 45–51.

5. *Чхутиашвили Л.В.* Цифровой аудит государства // Развитие учета, контроля и анализа в условиях трансформации социально-экономических ориентиров экономики: сб. ст. по итогам X Междунар. межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Петровой и проф. М.И. Баканова. М.: Русайнс, 2024. С. 337–342.

Шецко Лариса Михайловна,
доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания (Гомельский государственный педагогический университет имени Франциска Скорины (Беларусь)), кандидат филологических наук

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА И АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с изучением русского языка иностранными студентами, мотивы учебной деятельности, организация учебного процесса в вузах Республики Беларусь.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, учебный процесс, методика обучения.*

В Республике Беларусь в качестве государственных приняты два языка: белорусский и русский; поэтому практически все белорусские университеты предлагают преподавание русского языка как иностранного (РКИ) на систематической основе.

Система высшего образования в Беларуси включает в себя в качестве одного из компонентов подготовку специалистов для многих стран Европы, Азии, Африки, что свидетельствует о престижности вузов, их востребованности на мировом рынке образовательных услуг. Спрос на образование в мире как на одну из главных ценностей, приводит к увеличению потока иностранных граждан, желающих получить высшее образование в нашей стране, что активно поддерживается Президентом и Правительством Республики Беларусь в настоящее время. При этом на первое место выходит качество образовательных услуг.

Основной язык обучения в вузах РБ – русский; недостаточно хорошее знание русского языка становится препятствием в получении качественного образования практически по любой специальности. Методика преподавания РКИ сочетает традиции лингводидактики в сфере обучения русскому языку (как родному) и современные международные требования, которые предъявляются к изучению иностранных языков.

Следует отметить, что уровень подготовки у изучающих русский язык как иностранный часто остается низким. Объясняется

это недостаточностью изучения теории и закрепления ее на практике, использование учебников по РКИ ориентированных на условия обучения в неязыковой национальной среде, недостаточность мотивационных форм работы при изучении русского языка.

Можно выделить ряд специфических особенностей иноязычной среды: прежде всего, низкая мотивация студентов, изучающих РКИ за пределами Беларуси и России; разница в качестве обучения РКИ; отсутствие единой методики преподавания и единства в стандартизации знаний; несоответствие аспектов языка различным видам речевой деятельности при обучении РКИ; использования родного языка как основного инструмента в процессе обучения русскому языку; мононациональность групп, где учитывается учебный культурно-языковой опыт студентов; специфические особенности образовательного процесса страны (количество студентов в группах, разные организационные формы при преподавании РКИ в вузах).

Таким образом, выделяют три основные проблемы преподавания РКИ в неязыковой среде.

1. Важная роль отводится подготовке преподавателей РКИ, во многих странах (таких, как Туркменистан, Пакистан, Индия и др.) преподают либо выпускники вузов этих стран, не имеющие филологического образования, либо граждане, не являющиеся носителями русского языка, соответственно, не знающие, как преподавать русский язык иностранцам (отсюда и ошибки: *домашняя задания, красивый девочка, пришел из Туркменистана, спроси у Надежда Васильевна, пойти на международный отдел, хороший профессор* – вместо *хорошо, профессор*).

В связи с чем особенно остро встает проблема организации спецкурсов для тех, кто преподает русский язык, и постоянно действующих курсов повышения квалификации для преподавателей РКИ. В вузах Беларуси организованы курсы не только по обучению РКИ (подготовительное отделение + углубленное изучение на протяжении всего периода обучения в вузе на любой специальности), но и по переподготовке специалистов. Студенты, обучающиеся на последних курсах филологических специальностей, имеют возможность пройти курсы переподготовки и получить сертификат, дающий возможность преподавать русский язык у себя на родине.

2. Следует уделить внимание учебникам и учебным пособиям по РКИ, которые используются в ряде стран. Как правило, это учебники периода СССР, большинство из которых имеется в досту-

пе в единичных экземплярах, или учебники по РКИ без поддержки на национальных языках. Затрудняет процесс подготовки к занятиям по РКИ и то, что преподаватель, как правило, использует не один учебник, а несколько, в зависимости от ряда условий успешного обучения: возраст обучающихся, уровень владения языком, эрудиция, общий уровень успеваемости, количество человек в группе, мотивы изучения русского языка; сферы общения, актуальные для изучающих русский язык и т.д. Кроме того, активно используются учебные материалы, основанные на коммуникативном принципе изучения русского языка как неродного, направленные на активную речевую практику и знакомство с иноязычной культурой с привлечением текстов классической русской литературы, сказок (следует отметить, что адаптивных текстов по-прежнему не хватает), текстов СМИ, текстов с национальным колоритом, коммуникации в соцсетях.

Многие преподаватели при обучении РКИ используют аутентичные тексты (и для чтения, и для аудирования) и учат работать с оригинальными текстами, что вызывает естественный интерес студентов к культуре изучаемого языка. Однако в аутентичных материалах часто содержатся сложные для понимания студентов-иностранцев грамматические структуры и лексика, культурологическая информация, что приводит к затруднению при работе с такими текстами и, как следствие, к неуверенности. Нередко в таких ситуациях преподаватель использует прямой перевод, чего следует избегать в рамках коммуникативного метода.

3. В методике преподавания РКИ сочетаются традиционные и инновационные формы и методы работы, успешно внедряются новые подходы и концепции, обусловленные современными реалиями, активно используются возможности интернет-ресурсов и искусственного интеллекта для построения моделей восприятия и понимания сообщений с учетом психологической и лингвистической специфики общения на неродном языке.

Обучающие технологии, имеющие прагматическую установку, не должны сводится только к изучению орфографии, грамматики, лексики, а должны учитывать индивидуальные потребности и интересы студентов, направленные на коммуникацию в иной языковой среде с учетом сферы общения и стратегии усвоения языка. Важно сочетать различные индивидуальные формы работы с творческим подходом, используя все мотивационные стимулы для успешного вовлечения в иноязычную речевую деятельность.

Для организации учебного процесса в условиях неязыковой среды следует активно применять различные средства визуализации учебного материала, его семантизации и др. (рисунков, схем, таблиц, даже картинок и мемов из соцсетей); задействовать все виды наглядности для представление культуры России и Беларуси – аудио- и видеофильмы, предметы живописи, скульптуры, архитектуры; отрабатывать изученный материал на практике, используя большое количество языковых упражнений и речевых моделей.

Существенную роль в организации данной работы играют ресурсы научно-методического центра русистики, открытого в ГГУ имени Ф. Скорины в 2009 г. при поддержке Посольства Российской Федерации и Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь. Для областного вуза, крупного научно-образовательного и издательского центра создание данного структурного подразделения по-особому важно и значимо, что подтверждено самим временем: сегодня вуз достаточно привлекателен для получения высшего образования студентами из числа иностранных граждан (на данный момент абсолютное большинство из них составляют студенты и магистранты из Туркменистана, государств Африки и Китая), особый интерес которых связан с изучением русского языка.

За последние годы библиотека и медиатека Центра была существенно пополнена учебными изданиями в области изучения и преподавания РКИ, переданными в дар открытым в 2016 г. Российским центром науки и культуры (РЦНК) – Русским домом в Гомеле, в чем хотелось бы особо отметить личную роль Виктора Львовича Мичурина и Александра Валерьевича Моржухина (прежний и нынешний Руководители Представительства Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) в Республике Беларусь).

Используя ресурсы Центра русистики, интернет-материалы, студенты готовят заочные экскурсии по музеям и галереям мира с целью знакомства с выдающимися произведениями русских и зарубежных писателей, поэтов и художников. Как правило, заочные экскурсии готовятся после посещения какого-либо города или музея.

Подобное серьезное ресурсное обеспечение и накопленный преподавателями университета личный опыт позволили вывести на новый качественный уровень образовательный процесс и разнообразить формы работы по РКИ.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: НАСЛЕДИЕ ПОБЕДЫ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Сборник тезисов докладов по материалам
4.1 Саратовского юридического форума
(г. Саратов, 5–6, 18–20 июня 2025 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка, дизайн – *С.А. Епифанова*

Подписано к использованию 01.12.2025.
Объем издания – 3 Мб.
Комплектация издания – 1 CD-ROM.
Тираж – 10 CD-ROM.

Издательство Саратовской государственной юридической академии
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
http://сгюа.рф
E-mail: izdat105@ssla.ru
Тел.: (8452) 29-90-77

ISBN 978-5-7924-2237-7